

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2021

Том 21

Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Филология. Журналистика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Старостина Ю. С.** Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода 248
- Филичкина Т. П.** Фразеологизмы как средство создания образа Китая в англоязычном медийном дискурсе 254
- Ван Т.** Модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии 261
- Воробьева С. Н.** Роль проклятий в библейской коммуникации 266
- Андреева С. В., Усейнова Л. С.** Понятие «любовь» как компонент языковой картины мира носителей языка: результаты ассоциативных экспериментов 272
- Дудникова Л. В., Шевченко М. С.** О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков) 277
- Онуприенко К. А.** Языковые особенности спортивных Telegram-каналов 282

Литературоведение

- Черемисинова Л. И.** Крымская страница в биографии Фета: Афанасий Фет и Ксенофонт Ревелиоти 289
- Чернышева В. И.** Федор Батюшков и Иван Бунин. Неизвестный автограф 296
- Сальникова А. Н.** Лафкадио Хирн и Россия 302
- Тырышкина Е. В.** «Тут из пенки слюны моей чилистейшей...» А. Крученых: трансформация мифа о Венере Анадиомене 308
- Костылев А. О. А. П.** Платонов и чтение детей в начале XX века: источники, жанры, имена, тематика 313
- Хрусталева А. В., Гаврилова А. А.** О численном и социально-профессиональном составе поволжских ячеек пролетарских писателей периода НЭПа 320
- Халилов Р. О.** Общность рассказа В. Катаева «Ножи» и русской волшебной сказки 324
- Иванов Е. Е.** Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» в прозе Гайто Газданова 331
- Пырков И. В.** «...Помнить до берёзки». О природе метафоры в поэзии Геннадия Касмынина 336

Приложения

Дата

- Иванюшина И. Ю.** Парадоксы О. И. Ильина 341
- Ильин О. И.** Гиперболы Маяковского 347
- Веселкова Т. В.** Личность в науке: Эмилия Петровна Кадькалова. К 90-летию профессора 363

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специально-сти: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Подписной индекс издания 36011.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.08.21.
Подписано в свет 31.08.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 113-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы, адрес (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru), телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместитель главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Starostina J. S.** English discourse practices in terms of linguo-axiological approach 248
- Filichkina T. P.** Idioms as a means of creating the image of China in the English language media discourse 254
- Wang T.** Conceptual metonymical models of the ethical concept of “goodness” in Russian paremiology 261
- Vorobyeva S. N.** The role of curses in biblical communication 266
- Andreeva S. V., Useynova L. S.** The concept of “love” as a component of native speakers’ linguistic picture of the world: The results of associative experiments 272
- Dudnikova L. V., Shevchenko M. S.** On the role of morphological means in an advertising text (Based on the English and French languages) 277
- Onuprienko K. A.** Language features of sports Telegram channels 282

Literary Criticism

- Cheremisina L. I.** A Crimean page in the biography of Fet: Afanasy Fet and Xenophont Revelioti 289
- Chernysheva V. I.** Fyodor Batyushkov and Ivan Bunin. An unknown autograph 296
- Salnikov A. N.** Lafcadio Hearn and Russia 302
- Tyryshkina E. V.** “Here out of the foam of my saliva purest...” A. Kruchenykh: Transformation of the myth about Venus Anadyomene 308
- Kostylev O. A.** A. P. Platonov and children’s reading in the beginning of the 20th century: Sources, genres, names, themes 313
- Khrustalyova A. V., Gavrilova A. A.** On the numerical, social and professional membership of the Volga region units of proletariat writers of the NEP period 320
- Khalilov R. O.** The commonality of the story of V. Kataev “Knives” and the Russian fairy tale 324
- Ivanov E. E.** Eidological complex “Dream of Claire” in prose by Gaito Gazdanov 331
- Pyrkov I. V.** ‘Remember till every birch’. Metaphor in the poetry of Gennady Kasmynin 336

Appendices

Date

- Ivanyushina I. Yu.** O. I. Ilyin’s Paradoxes 341
- Ilyin O. I.** Mayakovsky’s Hyperboles 347
- Veselkova T. V.** Personality in science: Emilia Petrovna Kadkalova. On the 90th anniversary of the professor 363

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горшко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

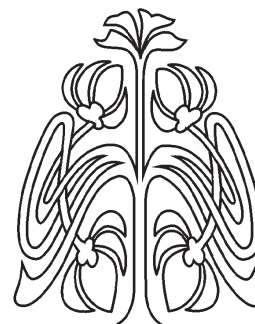
Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

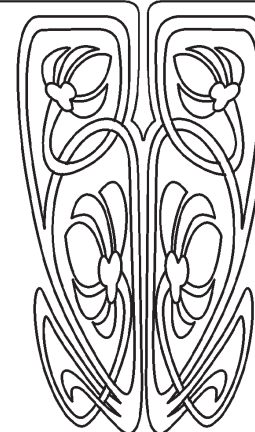
Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaevev (Nalchik, Russia)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)
Boris F. Egorov (St. Petersburg, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)

Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Luiza G. Svitich (Moscow, Russia)
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 248–253

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-248-253>

Научная статья

УДК 811.111'42

Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода

Ю. С. Старостина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Старостина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, juliatim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-7590>

Аннотация. В статье представлены результаты систематизации и анализа актуальных векторов исследования англоязычного дискурса в русле лингвоаксиологического подхода с идентификацией лакунарных зон; картографированы типы дискурса, ценностно-оценочная параметризация которых уже фрагментарно определена, выделены и проанализированы ключевые направления лингвоаксиологического дискурсивного анализа с указанием наиболее вероятных тенденций их развития.

Ключевые слова: лингвоаксиология, англоязычный дискурс, ценности, оценка, ценностно-оценочная параметризация

Для цитирования: Старостина Ю. С. Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-248-253>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

English discourse practices in terms of linguo-axiological approach

J. S. Starostina

Samara National Research University, 34 Moskovskoye Shosse, Samara 443086, Russia

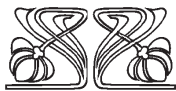
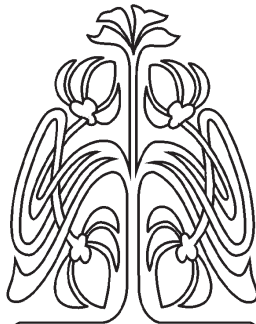
Julia S. Starostina, juliatim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-7590>

Abstract. The article presents the results of systematization and analysis of the current vectors of discourse research in terms of linguo-axiological approach together with identification of perspective gap areas. The types of the English discourse, the value-evaluative parameters of which have already been fragmentarily determined, are pinpointed together with the analysis of key directions of linguo-axiological discourse research indicating the most likely trends in their development.

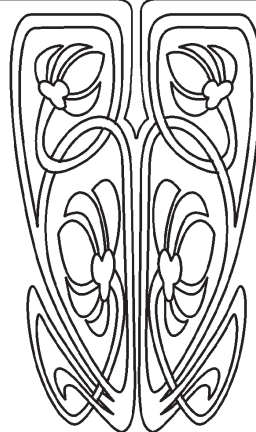
Keywords: axiological linguistics, English discourse, values, evaluation, value-evaluation parameters

For citation: Starostina J. S. English discourse practices in terms of linguo-axiological approach. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 248–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-248-253>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Современные лингвистические исследования, развиваясь в пределах антропоцентрической парадигмы, характеризуются внутренней междисциплинарностью, т. е. проводятся на стыке нескольких актуальных лингвистических направлений. В лингвоаксиологии, которая на данном этапе переживает период активного развития, наблюдается четкий поворот в сторону исследования дискурса, т. е. изучения лингвистического выражения ценностно-оценочных отношений с учетом дискурсивной специфики их акцентуализации. На сегодняшний день накоплено определенное количество научных работ, посвященных лингвоаксиологическим аспектам англоязычного дискурса, однако обозначенное исследовательское поле до сих пор характеризуется существенной фрагментарностью и разрозненностью исследовательских принципов и схем, что затрудняет дальнейшую разработку актуальной лингвоаксиологической проблематики в англоязычном дискурсе. Целью данной статьи является представление результатов теоретического контент-анализа, призванного картографировать и систематизировать ключевые векторы научного интереса к исследованию англоязычных дискурсивных практик в русле лингвоаксиологического подхода с последующим определением перспективных зон лакунарности. Новизна исследования обусловлена тем, что до настоящего момента не было предпринято попыток единого научного осмысления разноплановых направлений лингвоаксиологической параметризации англоязычного дискурса и определения их актуальных тенденций.

В дискурсивных исследованиях лингвоаксиологической проблематики можно выделить несколько в той или иной степени проработанных на сегодняшний день направлений научных интересов, обусловленных, прежде всего, типом англоязычного дискурсивного пространства. Во-первых, к ним относится анализ различных аспектов лингвоаксиологической специфики медийного дискурса¹ и смежных с ним дискурсивных практик, например политического² и рекламного³ дискурсов. Вероятно, это связано с тем фактом, что именно обозначенные типы дискурса нацелены на моделирующую трансляцию социальной ценностной парадигмы и обладают корректирующим аксиологическим воздействием на коллективную аудиторию. Соответственно, их аксиологический потенциал поддается более однозначной интерпретации и реализуется за счет многообразия разноуровневых языковых средств. К менее проработанным с точки зрения лингвоаксиологического содержания типам дискурса можно отнести образовательный (или педагогический)⁴, научный⁵, художественный⁶, а также соположенный с ним драматургический дискурс⁷. Лингвоаксиологическое осмысление других дискурсивных практик, в частности кинодискурса⁸, на данный момент носит несистем-

ный единичный характер, что ни в коем случае не умаляет их научной значимости; прочие типы англоязычного дискурса практически не были исследованы с точки зрения их лингвоаксиологической специфики. Проведенное нами исследование сложившихся на сегодняшний день сфер лингвоаксиологического изучения различных типов англоязычного дискурса показало, что анализ ценностно-оценочных дискурсивных характеристик движется по двум основным направлениям: ценностная параметризация определенного дискурсивного пространства и его оценочная параметризация. Каждое из направлений имеет множество вариаций, зачастую с трудом поддающихся систематизации.

Первое направление лингвоаксиологического анализа имеет целью выявление и анализ ценностных оснований того или иного дискурсивного пространства. Наиболее проработанной областью в этом аспекте является изучение аксиологического дискурсивного плана с позиций его функционально-коммуникативной нагрузки, а именно манипулятивного идеологического потенциала. Воздействие на обобщенного адресата с целью дальнейшей интериоризации им актуализированных в дискурсе аксиологических ориентиров рассматривается как центральная функция ценностно-оценочной составляющей той или иной англоязычной дискурсивной практики. Вместе с тем подчеркивается зависимость прагматической аксиологической специфики обозначенного типа дискурса от его жанровой и тематической структуризации, поскольку манипулятивный аксиологический потенциал имеет тенденцию к варьированию в зависимости от узкожанровой и тематической принадлежности дискурсивного фрагмента. Наиболее изученными в этом плане следует признать различные тематически организованные жанры и поджанры медиа-дискурса, а также соположенные с ним типы дискурса⁹. Лингвоаксиологические параметры с точки зрения их идеологического воздействия и способности к трансформированию ценностных установок социума в целом или его отдельных групп также исследованы на материале образовательного¹⁰ и отчасти научного¹¹ дискурсов. Профессиональная направленность институционального дискурса при этом выступает как фактор, имеющий принципиальную значимость как для определенной функциональной модификации фактора воздействия, так и для способов его лингвистической актуализации. Следует подчеркнуть, что обозначенная функция манипулятивной трансформации представляется в интерпретируемых в русле лингвоаксиологического подхода типах дискурса как центральная и единственная, т. е. ценностно-оценочная парадигма анализируется в основном как монофункциональная структура в аспекте реализации ее коммуникативно-прагматического потенциала.

Другим вектором научного интереса в пределах ценностной параметризации англоязычного дискурса выступает способность дискурсивного пространства к фиксации и отражению сложившейся в национально-культурном сообществе на определенный период времени ценностной системы вне рассмотрения фокуса на ее идеологическую трансляцию. Лингвистический потенциал дискурса с точки зрения аксиологического рефлексирования ценностных доминант изучен в значительно меньшей степени по сравнению с обозначенной выше исследовательской схемой. Однако можно сказать, что на данный момент уже пунктирно намечены основные проблемные точки по рефлексивному направлению в пределах исследования лингвоаксиологической специфики дискурса. Так, можно выделить три уровня ценностного отражения в англоязычном дискурсе: уровень общесоциальных ценностных доминант конкретного лингвокультурного сообщества, уровень ценностей социальных групп или профессиональных сообществ и уровень индивидуальных ценностных ориентиров.

При изучении лингвистической репрезентации в дискурсе аксиологических доминант всего лингвокультурного сообщества предпринимаются попытки их идентификации по двум типам – либо как глобальных ценностных универсалий, не имеющих национально-культурной специфики, либо как национально-обусловленных ценностей. Однако на данном этапе подобная классификация имеет скорее умозрительный характер на уровне научного предположения, поскольку дискурсивных исследований, позволяющих с определенной вероятностью трактовать ценностную доминанту как универсалию, выявлено не было. Тем не менее, разрабатывается алгоритм идентификации и структуризации национально-обусловленной социальной аксиосферы на основе ее лингвистического представления (например, в британском драматургическом дискурсе¹²). Лингвоаксиологический анализ дискурса с позиций актуализации в нем компонентов ценностной системы социальной группы также носит в существенной степени фрагментарный характер: в частности, определена представленная в научном дискурсе ценностная парадигма ученых как профессионального сообщества¹³ и репрезентированная в медиа-дискурсе ценностная система специалистов в области информационных технологий¹⁴. Личностная лингвоаксиосфера также пока не получила должного научного осмысления, хотя уже состоялись отдельные дискурсивные исследования по определению индивидуальной лингвоаксиологической траектории выдающихся политических фигур¹⁵, тем не менее, личностная лингвоаксиосфера политика рассматривается исключительно с позиций вероятного манипулятивного воздействия на медиа-адресата.

В сфере оценочной параметризации англоязычных дискурсивных практик можно выде-

лить два актуальных исследовательских вектора, первый из которых посвящен выявлению и анализу средств вербализации оценочного отношения, в том числе в их комплексном взаимодействии. Тем не менее, ни для одного обозначенного выше типа англоязычного дискурса еще не представлено полного картографирования классов оценочных средств с четким выделением их долевого соотношения. Второй исследовательский вектор направлен на систематизацию оценочных типов, видов и моделей, таких как, например, общие и частные или эксплицитные и имплицитные оценки, соотношение которых зависит от специфики конкретного дискурсивного пространства. Отсутствие единого подхода в этом случае обусловлено большим количеством вариантов оценочной классификации и множественностью групп внутри каждой возможной таксономии.

При этом исследователи лингвистических оценочных средств, функционирующих в англоязычном медиа-дискурсе (а также в связанных с ним политическом и рекламном дискурсах), придерживаются мнения об их тщательном отборе и строгой структуризации в связи с необходимостью оказания заранее спланированного прагматического воздействия на адресата. Характеристикой оценки при этом является ее принципиальная манипулятивная сущность, поскольку она выступает в роли ключевой стратегии медиа-коммуникации и реализуется в качестве обязательного инструмента формирования общественного мнения. Специфика оценочного выражения в медиа-дискурсе заключается в интенциональной экспликации или имплицитации субъекта оценки с целью соответственно субъективизации или объективизации высказанного оценочного отношения. Язык педагогического дискурса также рассматривается не столько как вербальное отражение актуальных ценностных доминант лингвокультурного сообщества, сколько как инструмент воздействия при формировании требуемых личностных характеристик у молодых членов социума. Естественная для других видов англоязычного дискурса неоднозначность оценочного выражения в значительной степени нивелируется в педагогическом дискурсивном пространстве за счет высокого уровня его конвенциональности.

Специфика лингвистической реализации оценочного отношения в англоязычном научном дискурсе во многом predetermined базовыми общепринятыми требованиями к репрезентации научного материала в логичном, последовательном, точном и максимально объективном формате. Этими характеристиками обусловлена частотность оценочных сообщений, тяготеющих к рациональности, что достигается за счет использования развернутых мотивировок при высказывании оценки, зачастую в сочетании с научным объяснением и профессиональной ин-

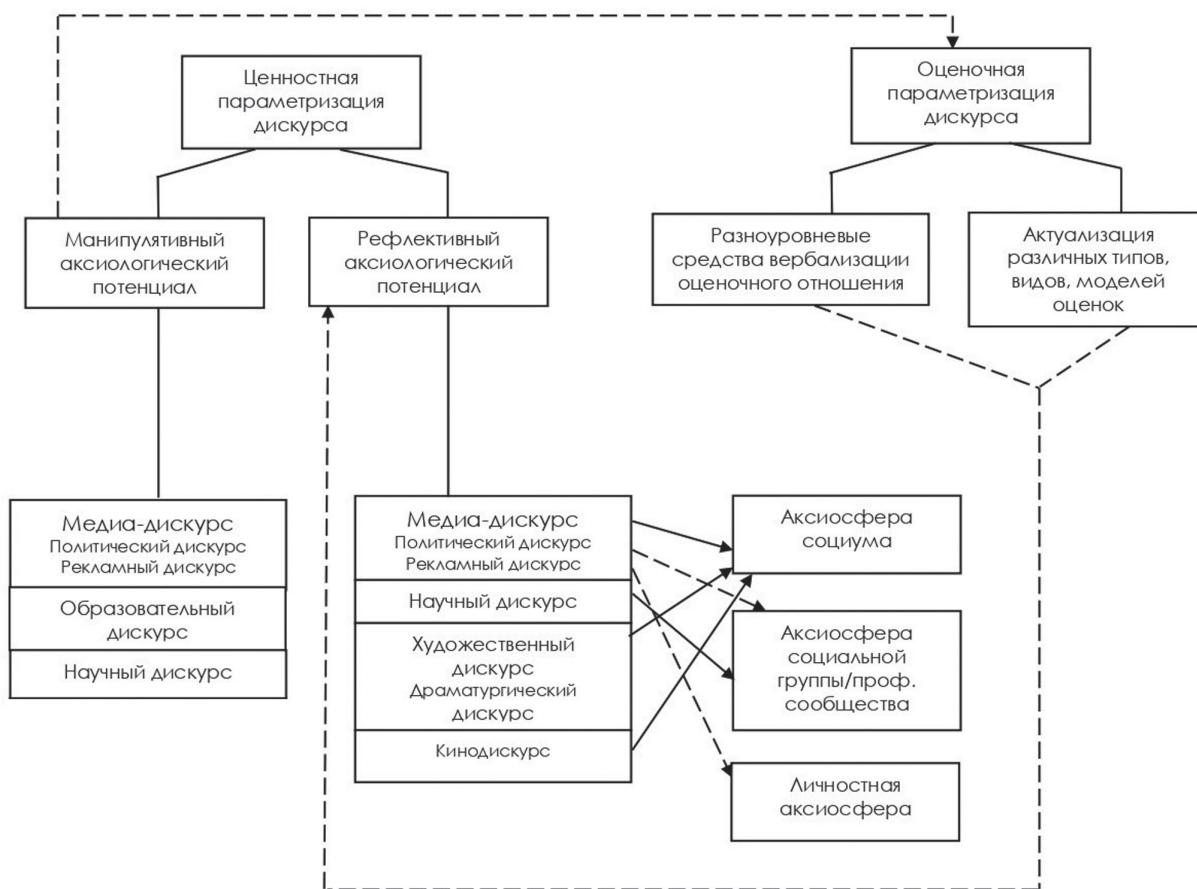
терпретацией. Комплексный оценочный фон выстраивается не только с помощью лексических единиц оценочной семантики, но и за счет определенной структурной организации дискурсивного фрагмента, отбора релевантных цитат и т. п. Такой подход позволяет оформить особый лингвоаксиологический план научного дискурса, в котором некатегоричность оценки является эффективным средством реализации ее воздействующей функции, поскольку эксплицитно-имплицитный оценочный комплекс апеллирует к логическому интеллекту адресата и повышает убедительность предложенных автором научных интерпретаций и выводов. Таким образом, в силу интенциональной специфики научного дискурса импликация оценочного отношения способствует качественному межличностному взаимодействию участников научной коммуникации и побуждает адресата разделить высказанное оценочное мнение с адресантом.

Имплицитность также выделяется в качестве обязательной лингвоаксиологической характеристики англоязычного художественного дискурса в трудах ученых, анализирующих проблематику ценностно-оценочного выражения в обозначенном дискурсивном пространстве. При

этом имплицитность оценочного выражения в пределах художественного произведения зачастую ведет к неоднозначности интерпретации оценки, поскольку адекватность понимания во многом зависит от культурного багажа фоновых знаний читателя. Кодирование оценочного отношения и, соответственно, ценностных смыслов автором художественного произведения с их дальнейшим декодированием читателем предопределяет лингвоаксиологическую специфику художественного дискурса и предполагает отбор соответствующих языковых средств аксиосферной репрезентации.

Результаты систематизации направлений лингвоаксиологических исследований англоязычных дискурсивных практик схематично представлены на рисунке.

В целом, на наш взгляд, оценочная параметризация различных типов англоязычного дискурса изучена в большей степени по сравнению с ценностной параметризацией, и, хотя ценностно-оценочные аспекты дискурса, безусловно, имеют комплексный взаимозависимый характер, связи между ними исследованы недостаточно системно. Можно говорить о том, что анализ идет по направлению от ценности к оценочному

Актуальные направления англоязычных дискурсивных исследований в русле лингвоаксиологического подхода

выражению в случае рассмотрения дискурса как зоны манипулятивного функционального воздействия и в обратную сторону в случае признания рефлексивной аксиологической способности дискурсивного пространства. Как оценочная, так и ценностная параметризация в большей степени разработана для институциональных дискурсивных типов, таких как медийный, политический, образовательный, научный, причем в основном с позиций вариантов лингвистической реализации в них коммуникативно-прагматического аксиологического влияния на реципиента. Фиксация и репрезентация ценностей в дискурсивном пространстве вне связи с их идеологической нагрузкой и потенциалом воздействия исследована в меньшей степени, однако подобные лингвоаксиологические схемы задействуют и неинституциональные типы дискурса, в частности художественный, который представляется нам наиболее перспективным для анализа в указанном научном ключе.

Художественный дискурс, являясь творческим отражением действительности, выступает как ценностно-маркированное пространство, лингвоаксиологический план которого формируется одновременно на когнитивном и эмоциональном уровнях и актуализируется в динамическом диалоге между автором и реципиентом. Сложность лингвоаксиологического анализа художественного дискурса обусловлена не только многообразием жанров, каждый из которых характеризуется собственной лингвоаксиологической спецификой, но и тем, что в рамках любого художественного произведения происходит наложение национальной ценностной картины мира лингвокультурного сообщества определенного исторического периода и индивидуально-авторской ценностной картины мира, что далее «переплавляется» в единое лингвоаксиологическое художественное пространство с уникальной иерархизацией компонентов ценностной системы, выстраиваемой за счет всей языковой ткани художественного произведения. При его восприятии читателем происходит дальнейшая интеракция комплексной художественной лингвоаксиосферы с индивидуальной аксиологической траекторией реципиента, и степень совпадения художественных и личностных ценностных смыслов будет, главным образом, определять силу воздействия художественного произведения. На наш взгляд, именно сложный интегративный характер ценностного плана художественного дискурса, большое количество факторов, взаимодействующих при его формировании, и их синтетическая природа объясняют малое количество лингвистических исследований, направленных на выявление ценностных доминант как высшего уровня лингвоаксиосферы художественного дискурсивного пространства и определяют перспективность подобных исследований.

Изучение лингвистического отражения аксиологических доминант в пределах ценностной параметризации движется по трем направлениям: дискурсивное рефлексирование социальных ценностей, профессионально-ориентированных (групповых) ценностей и личностных ценностей; однако в различных типах дискурса, исследованных в той или иной степени в русле лингвоаксиологического подхода, на данный момент проанализирован только один или (редко) два из них. Таким образом, пространство дискурсивных лингвоаксиологических исследований характеризуется значительной лакунарностью (и, соответственно, перспективностью), поскольку многие обозначенные выше научные векторы имеют недостаточно оформившийся характер и существуют скорее в формате наметившихся тенденций. Кроме того, ценностно-оценочная параметризация в той или иной степени определена только для ограниченного набора англоязычных дискурсивных практик. Однако уже на основе проведенных лингвоаксиологических дискурсивных исследований можно сделать вывод о том, что понятие «ценностно-нагруженный дискурс» следует трактовать исключительно условно, поскольку все типы и подтипы англоязычного дискурсивного пространства выстраиваются в системе ценностно-оценочных координат. Принципы лингвоаксиологического дискурсивного анализа варьируются в зависимости от имманентных характеристик конкретного дискурса и зависят от степени его динамичности, функционально-коммуникативного воздействия и уровня адресантно-адресатной персонализации.

Примечания

- 1 См., например: Пономарева Е. Аксиологическая составляющая коммуникативного пространства медиадискурса (на примере англоязычных интернет-СМИ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 198–204. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-198-204>
- 2 См., например: Putri D. Evaluation on Language Attitude of Presidential Candidates in the discourse of Debat Capres 2019 : Appraisal Analysis // Language Literacy : Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching. 2020. Vol. 4, № 1. P. 139–144. <https://doi.org/10.30743/ll.v4i1.1678>
- 3 См., например: Достовалова Е. Категория оценочности в рекламном дискурсе объявлений о найме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70) : в 2 ч., ч. 1. С. 79–83.
- 4 См., например: Zubkova Ya., Kirillova I. Structural characteristics of discourse communication // SHS Web of Conferences (CILDIAH-2019). 2019. Vol. 69. Art. 00147. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900147>
- 5 См., например: Щитцына А. Оценка действий человека в новостях науки : анализ с использованием модели оценок Appraisal Model // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 38–43.

- ⁶ См., например: *Сидорова Н., Курочкина Е.* Семантика ценностно маркированного дискурса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 63–71. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V064>
- ⁷ См., например: *Старостина Ю., Харьковская А.* Лингвоаксиологические аспекты англоязычной стилизованной коммуникации : система позитивно-оценочных средств // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2020. № 4 (52). С. 66–80. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-66-80>
- ⁸ См.: *Глухова И., Сорокина О.* Лингвокультурологические особенности отражения национальной картины мира в американском кинодискурсе : аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 36–43.
- ⁹ См., например: *Шушарина Г.* Репрезентация ценностей в дискурсивном пространстве разового политического дискурса // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 4 (44). С. 20–26.
- ¹⁰ См.: *Нерсесян Г.* Педагогический дискурс как инструмент формирования ценностей современного общества (на материале англоязычного дискурса) // Профессиональная коммуникация : актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 216–221.
- ¹¹ См.: *Браславская Е.* Аксиологические аспекты иноязычного образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 7. С. 28–32. <https://doi.org/10.5281/zenodo.397187>
- ¹² См.: *Старостина Ю.* Лингвоаксиологические параметры британского драматургического дискурса (на материале пьесы Дж. Пристли «Опасный поворот») // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 4. С. 102–107.
- ¹³ См.: *Хомутова Т., Нохрин А.* Концептосфера «моральные ценности» в научном экологическом дискурсе : контрастивный анализ (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2017. Т. 14, № 4. С. 21–31. <https://doi.org/10.14529/ling170404>
- ¹⁴ См.: *Shiryayeva T., Arakelova A., Golubovskaya E., Mekeko N.* Shaping values with “YouTube freedoms” : Linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse // Heliyon. 2019. Vol. 5, iss. 12. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e02988>
- ¹⁵ См.: *Ananko T.* The category of evaluation in political discourse // Advanced Education. 2017. Iss. 8. P. 128–137. <https://doi.org/10.20535/2410-8286.108550>

Поступила в редакцию 15.03.2021, после рецензирования 07.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 15.03.2021, revised 07.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 254–260

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 254–260

<https://bonjour.sgu.ru>

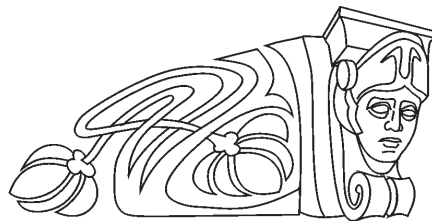
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-254-260>

Научная статья

УДК 811.111'37

Фразеологизмы как средство создания образа Китая в англоязычном медийном дискурсе

Т. П. Филичкина

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Россия, 302015, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35

Филичкина Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, сотрудник Академии ФСО России, filichkina_orel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9471-6004>

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования фразеологизмов для создания образа Китая в англоязычном медийном дискурсе. Оценочность идиом определяется путем дискурсивного анализа, учитывающего экстралингвистические, лингвистические и когнитивные факторы. Субъективные модальности в семантике определяют тональность фразеологизмов и показывают механизм манипулирования общественным мнением в медийном дискурсе.

Ключевые слова: фразеологизм, медийный дискурс, дискурсивный анализ, модальность, семантика

Для цитирования: Филичкина Т. П. Фразеологизмы как средство создания образа Китая в англоязычном медийном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-254-260>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Idioms as a means of creating the image of China in the English language media discourse

T. P. Filichkina

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, 35 Priborostroitelnaya St., Orel 302024, Russia

Tatyana P. Filichkina, filichkina_orel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9471-6004>

Abstract. The article deals with the application of phraseological units in describing China in the English language media discourse. The evaluation in idioms is determined by means of discourse analysis which takes into account extra-linguistic, linguistic and cognitive factors. Subjective modalities specify the evaluative potential of idioms and show the mechanism of manipulating public opinion in the media discourse.

Keywords: idiom, media discourse, discourse analysis, modality, semantics

For citation: Filichkina T. P. Idioms as a means of creating the image of China in the English language media discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 254–260 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-254-260>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные средства массовой информации считают четвертой властью. На страницах прессы создаются и разрушаются образы государственных деятелей, политических партий и целых стран. Изучение функционирования фразеологических единиц в информационном пространстве остается одним из актуальных направлений в медиалингвистике. В идиомах содержатся оценки, которые широко используются для характеристики событий, персонажей и государств. Оценочность фразеологизмов непосредственно связана с субъективной модальностью, которая включает аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальности. Коннотативный

(оценочный) потенциал фразеологических единиц медиатекста определяется путем проведения дискурсивного анализа.

Китай находит широкое освещение на страницах англоязычной прессы. Целью статьи является исследование оценочности семантики фразеологизмов, характеризующих Китай в англоязычном медийном дискурсе. Новизна исследования состоит в попытке показать механизм использования коннотативного потенциала идиом для создания образа страны в средствах массовой информации.

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

– представить основные положения метода дискурсивного анализа для исследования семантики фразеологических единиц;

– описать алгоритм лингвокогнитивного анализа семантики фразеологизмов для определения коннотативного потенциала с позиций субъективных модальностей;

– показать оценочность идиом, создающих образ Китая в медийном дискурсе.

Материалом для исследования послужили несколько десятков статей англоязычных медийных ресурсов, из которых были выбраны фразеологические единицы, используемые для создания образа современного Китая.

В процессе работы использовались описательный *метод*, *метод* компонентного анализа семантики идиом и *метод* дискурсивного анализа, который включает исследование экстралингвистических, лингвистических и когнитивных аспектов медиатекстов. Лингвокогнитивный анализ семантики фразеологизмов позволяет показать механизм языкового воздействия на адресата, представить коммуникативную стратегию автора и его стремление создать определенное мнение у читателя о событии, стране, политическом деятеле.

Современный человек существует в мире, который создан средствами массовой информации. Пресса является орудием манипулирования общественным сознанием. «СМИ выступают и как инструмент власти, и как орудие осуществления информационного диктата, и как способ когнитивной обработки социума и индивида с целью формирования особой картины мира»¹. Тексты СМИ, или медийные тексты, являются продуктом медийного дискурса.

В лингвистике существует множество толкований понятия «дискурс». Широко используется определение дискурса, принадлежащее Т. А. Ван Дейку: «... дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста»².

Исходя из вышеизложенного определения, В. З. Демьянков описывает составляющие дискурса, в которые входят «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями»³.

В. В. Красных также акцентирует внимание на двойственной сущности дискурса и определяет его как «вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами»⁴.

Высказываются разные мнения по поводу соотношения текста и дискурса. Как правило,

противопоставляется дискурс как динамическое явление, т. е. процесс, и текст как статическое явление, т. е. результат. Текст соотносится с системой языка, а дискурс – это речевое действие.

В нашем исследовании мы будем придерживаться определения медиадискурса Т. Г. Добросклонской, которая представляет его как совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия⁵. Необходимо отметить, что информация в современных медиатекстах представлена в виде презентаций «отражение», «реконструкция» и «миф», из которых наиболее объективной является «отражение». В «реконструкции» факты действительности интерпретируются и оцениваются. Презентация «миф» – это образ события, как правило, далекий от реальности. Целью «мифа» является оказать давление на адресата, создать определенное восприятие происходящих событий для достижения политических целей⁶.

Фразеологические единицы играют особую роль в медиадискурсе. Идиомы вызывают яркие ассоциации, апеллируют к эмоциям и способствуют созданию образа события, персонажа, страны, поскольку они оценочно маркированы. Оценочность фразеологизмов определяется с помощью дискурсивного анализа, который предполагает учет экстралингвистических, лингвистических и когнитивных факторов. К экстралингвистическим факторам относится информация о текущих и предшествующих событиях, представленных в медиатексте, сведения об идеологической направленности источника публикации, о взглядах автора текста. Лингвистический анализ включает исследование семантики лексико-фразеологического состава медийного текста. Когнитивный анализ определяет коммуникативную стратегию, намерение автора создать у читателя положительный или отрицательный образ события, персонажа или целого государства. Лингвистический и когнитивный анализ взаимосвязаны, поскольку автор использует лексические и фразеологические единицы для оценки фактов действительности и формирования определенного восприятия у читателя.

Семантика фразеологических единиц содержит различные коннотации. Коннотацию Ю. Д. Апресян определяет как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности»⁷. Коннотации в семантике идиом представлены различными модальностями. В лингвистике рассматривают два вида модальности. Объективная модальность определяет отношение высказывания к действительности. Субъективная модальность – это отношение к содержанию высказывания. Для исследования коннотативного потенциала фразеологизмов медиатекстов инте-

рес представляет субъективная модальность, в которой выделяют аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальность.

Аксиологическая модальность включает рациональную оценку события или персонажа, которую можно определить с помощью когнитивно-модальных операторов «считай, что хорошо, нейтрально, плохо».

Эмотивная модальность содержит эмоциональную оценку действительности. Эмоциональная оценка связана с образностью идиом. По мнению В. Н. Телия, эмотивность является не только эмоциональной реакцией на образ, лежащий в основе значения, но и результатом интерпретации образного основания в пространстве установок культуры. Гармония с этими установками представлена в виде чувств-отношений одобрения, а дисгармония – в диапазоне неодобрения (презрения, осуждения, пренебрежения, уничтожения и т. п.)⁸. Эмотивная модальность устанавливается с использованием когнитивно-модальных операторов «испытай осуждение, одобрение, порицание, отсутствие эмоций».

Деонтическая модальность – это оценка соответствия или несоответствия действия или состояния нормам социума. Деонтическая модальность представляет нормативную картину мира сообщества и определяется, применяя когнитивно-модальные операторы «соотнеси с тем, что разрешено, запрещено, следует»⁹. Деонтические нормы включают правовые, этические, моральные. К ним относятся также нормы межгосударственных отношений.

Необходимо отметить, что модальность (оценочность) семантики фразеологизмов в медиатексте часто зависит от контекста и экстралингвистических факторов. Контекстуальные оценки могут не совпадать со словарным коннотативным значением идиомы. Интерпретация содержания всего медиатекста возможна с помощью проведения дискурсивного анализа, т. е. с учетом всех вышеизложенных факторов.

В статье предполагается рассмотреть, как современный Китай представлен в англоязычном медийном дискурсе, а также определить роль фразеологических единиц, используемых для характеристики страны.

Китай – древнейшая цивилизация и культура. За последние четыре десятка лет Поднебесная превратилась из страны третьего мира во вторую, а по некоторым показателям – в первую экономику мира, имеет гигантские валютные резервы и огромный потенциал развития. Но в середине XIX в. Китай находился под протекторатом Великобритании, являлся фактически полуколонией. И сейчас некоторые западные страны пытаются препятствовать поступательному развитию Китая.

Конфуцианство как философское, религиозное и этическое учение регламентирует все сферы жизни китайцев: семейные отношения,

государственно-административное устройство, нормы межличностного общения. Для учения Конфуция характерны строгий рационализм, который ставит на первое место государственную пользу, и преобладание общих интересов над личными. Именно эта религиозно-философская система определяет современные взгляды китайцев на мир, на международное сотрудничество, на глобальные проблемы. Сегодняшнее процветание Китая основывается на знаниях и упорном труде его жителей.

В статье английской газеты *The Telegraph* *China's refuses to play the Good Samaritan* (29 октября 2011 г.)¹⁰ встречается ряд фразеологических единиц, которые характеризуют действия Китая после экономического кризиса 2008 г. 2011 год – это третий год финансового кризиса. Европа восстанавливается после экономических потрясений, нуждается в средствах, ищет источники финансирования и надеется на помощь Китая. Но богатый Китай прагматичен и осторожен. Руководство Поднебесной защищает государственные интересы, ничего не делает в ущерб своей стране.

Страны Европы надеялись на финансовую помощь Китая. Но представитель министерства иностранных дел Китая, совершивший турне по странам Евросоюза, не увидел никаких признаков кризиса в Европе. С точки зрения чиновника, есть просто проблемы отдельных людей, чье благосостояние незначительно ухудшилось.

An editorial published by the state-run Xinhua news agency this week warned tartly that China and other emerging economies were not the "EU's Good Samaritans", and that in the end, "the EU has to pull itself out of the crisis".

В заголовке и в тексте статьи встречается выражение *the Good Samaritan*, которое имеет значение «бескорыстно помогать другим». Добрый самаритянин – это «добросердечный, снисходительный, милосердный человек; равнодушный гражданин; тот, кто помогает незнакомцам в беде; тот, кто помогает бедным и нуждающимся»¹¹.

Согласно библейской притче, иудеи считали самаритян людьми низшего сословия. Однажды еврей шел в Иерихон. По пути разбойники его ограбили и оставили полуживого умирать. Избитый еврей долго лежал на оживленной дороге, но никто из его единоверцев не бросился помогать ему. Только проходивший мимо самаритянин омыл и перевязал ему раны, отвез в гостиницу, заплатил за проживание и уход за больным.

В данном контексте нежелание быть добрым самаритянином для Европы, т. е. оказывать безвозмездную помощь, не содержит отрицательной оценки (аксиологическая модальность). Хорошо быть равнодушным и милосердным среди людей, безвозмездно помогать всем, но в современном мире помощь странам оказывается, как правило, на взаимовыгодной основе. Китай в

силу своего национального менталитета ставит свои экономические интересы выше «страданий» Европы в период рецессии. Решение Китая не спасать бескорыстно страны ЕС не вызывает осуждения с точки зрения эмотивной модальности. Европа должна сама прикладывать усилия и выходить из кризиса. Согласно деонтическим нормам, руководители страны должны в первую очередь отстаивать государственные интересы на международной арене. Философия Китая заключается в следующем: «не проси помощи на стороне, обратись к себе».

Современный Китай существует в состоянии постоянного кризиса. Это – непрекращающиеся социальные беспорядки в ряде провинций страны, серьезные экологические проблемы, крупнейшая в истории миграция населения из сельской местности в города. Страна находится в отчаянной гонке, чтобы прокормить растущее колоссальными темпами население. На этом фоне проблемы изнеженной Европы кажутся руководством Китая несущественными.

So set against these challenges, the crisis facing a French teacher who might now have to retire at 62, or the prospect of a few years of stagnant growth in the eurozone doesn't have China's leadership racing to man the pumps on Europe's behalf.

Фразеологизм *to man the pumps* означает «поставить людей к насосам, сильно напрягаться»¹². Можно представить ситуацию, когда в трюм корабля поступает вода, вся команда становится к насосам и откачивает ее, чтобы спасти корабль. Это большие усилия и большое напряжение сил.

В данном медиатексте эта идиома употребляется для обозначения того, что кризис в Европе не заставит руководство Китая «напрягаться», тратить свои деньги для спасения стран Евросоюза в период экономического спада. Китай не будет жертвовать своими ресурсами, никому не будет помогать в ущерб своим интересам. С точки зрения лингвокогнитивного анализа аксиологическая оценка во фразеологизме находится в данном контексте на отрицательном полюсе, поскольку «плохо» напрягаться ради других стран, это вызывает осуждение (эмоциональная оценка). Следует думать в первую очередь об интересах своего государства и трудиться для его блага, что соответствует нормам любого социума (деонтическая модальность).

As one diplomat in Beijing gloomily put it, the Chinese will "milk the situation for all it's worth", doing all it can to present its economically-motivated investments as an act of pained generosity.

Образное фразеологическое выражение *to milk the situation for all it's worth* значит «извлекать выгоду из ситуации по полной программе, использовать ситуацию на полную катушку для получения выгоды»¹³.

Данное выражение характеризует Китай как прагматичного участника событий. Руководство Поднебесной станет инвестировать деньги в эконо-

номику других стран только для получения прибыли и усиления своего влияния, причем это будет представлено как акт невероятной щедрости.

С точки зрения модальностей извлечение прибыли из инвестиций положительно оценивается (когнитивно-модальный оператор «хорошо»), это поощряется в экономике (когнитивно-модальный оператор «одобрение») и считается нормой в рыночной экономике (деонтическая модальность). Но пользоваться сложным экономическим положением стран в период кризиса не совсем «хорошо», это осуждается и не соответствует нормам межгосударственных отношений. Китай слишком прагматичен, а прагматиков в мире никто не любит.

В редакционной статье газеты *The Guardian The Guardian view on China: Unease at home and abroad* (19 августа 2018 г.)¹⁴ используется ряд фразеологизмов для характеристики Китая, проблем внутри страны и на международной арене. Наряду с внутренними вызовами (коррупция, бюрократия) в 2018 г. обострилась торговая война между США и Китаем. США планируют обложить китайские товары дополнительными пошлинами. Это сложный период для руководства Поднебесной.

Donald Trump's tariffs have rattled nerves in Beijing, already unsettled by the slowing economy.

The question is whether he (Xi Jinping) will retain the same leeway in pursuing his course as his nation enters choppy waters.

To rattle nerves – волновать, действовать на нервы, щекотать нервы, вызывать беспокойство¹⁵.

Решение США ввести дополнительные пошлины вызывает беспокойство в Китае. Состояние нервозности и тревоги оценивается отрицательно (аксиологическая модальность), вызывает осуждение, если кто-то или что-то действует на нервы (эмотивная модальность). Это не считается нормой (деонтическая модальность).

Choppy waters – бурные воды, беспокойный период, неустойчивый период¹⁶.

Лингвокогнитивный анализ семантики фразеологизма показывает, что сейчас для Китая наступил сложный период: обострилась ситуация в ряде провинций, осложнились отношения с западным миром. С точки зрения рациональной оценки это плохо для развития государства, но такие периоды случаются в истории и их нельзя избежать (эмотивная и деонтическая модальности находятся на отрицательном полюсе оценочной шкалы).

В свое время один из ведущих политиков и инициатор экономических реформ Китая Дэн Сяопин выдвинул принцип развития страны «скрывать свои успехи и ждать своего часа». Современный руководитель государства Си Цзиньпин считает, что стране пора выходить на международную арену, заявлять о себе, отстаивать свои права и вносить свой вклад в развитие мирового сообщества.

*Less than a year ago, Mr Xi spoke of a new era which would see China moving "closer to centre stage and making greater contributions to mankind", in a decisive break with the long-held maxim that the country should **hide its light and bide its time**.*

To hide one's light – быть излишне скромным, скрывать свой ум и талант, умалять свои достоинства, зарывать талант в землю¹⁷.

To bide one's time – ждать благоприятного момента, ожидать удобного случая, не торопить события, занимать выжидательную позицию, ждать своего часа¹⁸.

Скромность вызывает положительную оценку, одобряется в обществе и не противоречит нормам, т. е. модальности находятся на положительном полюсе. Но наступает время, когда нужно продемонстрировать свои достижения, заявить о своих намерениях и целях. Это правильно и хорошо, это поощряется и соответствует нормам социума. Именно такой момент наступил для Китая.

Бурное развитие, накопленные силы и ресурсы позволяют Поднебесной заявить о себе в мировом сообществе. У Китая есть амбиции влиять на состояние глобальной экономики и политики, а также есть соответствующий потенциал. Руководство страны проводит активную международную политику, китайские компании осуществляют экономическую экспансию во многих странах мира. Это вызывает беспокойство у США и ЕС, поскольку они видят в Китае серьезного конкурента.

Британская газета *The Guardian* в статье *We must stand up to China's abuse of its Muslim minorities* (31 октября 2019 г.)¹⁹ обвиняет Китай в нарушении прав человека, в притеснении религиозных меньшинств в провинции Синьцзян и в Тибете. Руководство коммунистической партии считает, что в стране должен быть приоритет партийной идеологии и все, что угрожает ей, должно усмиряться или уничтожаться. Цель – насаждение политики китаизации на всей территории страны, подавление инакомыслия.

Any religion or ideology that recognizes a higher power than the party is a threat that must be brought to heel or eliminated. Political and cultural conformity must be enforced at all costs.

To bring to heel – подчинить, покорить, усмирить, подавить, поставить на колени, прижать к ногтю, заставить подчиняться, заставить повиноваться. Идиома произошла от команды собаке следовать за своим хозяином²⁰.

Рациональная оценка в семантике данной идиомы отрицательная (аксиологическая модальность). Подавление всегда вызывает осуждение (эмотивная модальность). Насильственное принуждение к каким-либо действиям не соответствует нормам общества (деонтическая модальность). Страны Запада осуждают Китай за его политику в отношении национальных меньшинств. Автор статьи призывает страны мира не

оставаться безразличными и реагировать на репрессию Китая внутри страны.

The international community cannot turn a blind eye to what is unfolding in Xinjiang, Tibet, Ningxia and throughout the rest of China.

To turn a blind eye – не реагировать, повернуться спиной, проявить безразличие, смотреть сквозь пальцы, безучастно взирать, закрыть глаза, игнорировать²¹.

Оценки данного фразеологизма находятся на отрицательном полюсе, т. е. «плохо» не реагировать на насилие и репрессию, это осуждается и не соответствует нормам. Но с другой стороны, государство должно себя защищать, не допускать беспорядков. США и страны Европы часто остро реагируют на действия правительств в других странах, если эти действия не соответствуют критериям коллективного Запада. Сами же часто нарушают права своих граждан и подавляют инакомыслие у себя в стране.

В статье *The Guardian 'Amazing deal' or 'capitulation'? Why the US-China trade truce may not last* (15 декабря 2019 г.)²² описывается торговая война между Китаем и США, которая началась в 2018 г. и закончилась временным перемирием. Пекин пошел на некоторые уступки. Согласно достигнутой договоренности Китай должен будет провести определенные реформы, а Вашингтон снизит тарифы на китайские товары. Фактически это война между двумя экономическими моделями. США пытаются препятствовать экономической экспансии Китая. В статье китайскую компанию Huawei, которая планирует поставлять в Европу технологию 5G, телекоммуникационный стандарт нового поколения, называют «тройским конем» для европейских стран. США считают компанию конкурентом американским компаниям.

It is now not only a battle over trade and intellectual property, but also one about the future of the rules-based system of international trade and which economic model will prevail. ... Washington's fears about technology company Huawei acting as a Trojan horse in western economies...

A Trojan horse – скрытая опасность, обман²³.

По легенде, осада Трои продолжалась десять лет. Тогда данайцы решили обмануть неприятеля. Они изготовили огромного деревянного коня, спрятали туда своих воинов, а сами ушли от стен города, оставив коня как подарок богине Афине. Троянцы решили, что война закончилась, а враг отступил. Коня привезли в город, а ночью данайцы выбрались из него и открыли ворота города. Так пала Троя. В переносном смысле «тройский конь» – это тайный коварный замысел, способ проникнуть во враждебную область, дар врагу с целью его уничтожить.

Лингвокогнитивный анализ данного фразеологизма позволяет сделать вывод, что «плохо» строить коварные замыслы против кого-либо (аксиологическая модальность), это не одобря-

ется (эмотивная модальность) и не считается нормой (деонтическая модальность). В данной статье автор пытается создать отрицательный образ Китая, обвинить его в тайных намерениях нанести вред странам Запада, что не имеет доказательств и не соответствует действительности. Китай, безусловно, использует свои ресурсы, свои технологии и компании как «мягкую силу» (soft power) для усиления своего влияния в странах Запада, для продвижения своей продукции и получения прибыли.

Интернет-сайт AllAfrica публикует новости политики, экономики, культуры африканского континента. В статье *Nigeria: How China Is Exploiting Nigeria With Greek Gifts, Economic Sabotage* (4 августа 2019 г.)²⁴ дается представление об экономической экспансии Китая в Африке.

In Nigeria and across Africa, Chinese investments evoke and provoke widespread suspicion of a new form of colonialism as well as praise, but for the most part, their coming and stay, attract undue attention, privileges whilst they flout existing operational guidelines and prevailing business principles by hook or by crook.

Бурно развивающемуся Китаю требуются сырьевые ресурсы и рынки сбыта. Африканский континент находится в фокусе внимания Поднебесной. Китайские компании вкладывают миллиарды долларов в африканские проекты для получения собственной прибыли. Это новая форма колонизации континента и эксплуатации людей. В своей коммерческой деятельности Китай преследует собственные интересы, часто пренебрегает существующими в других странах правилами и законами, добиваясь своих целей любыми средствами.

By hook or by crook – во что бы то ни стало; всеми правдами и неправдами; не мытьём, так катаньем; любым путем; всеми возможными средствами²⁵.

Стремление Китая достигать своих целей любой ценой вызывает отрицательную оценку (аксиологическая модальность). Игнорирование интересов других стран осуждается в мировом сообществе (эмотивная модальность). Такие действия не считаются нормой в международных отношениях (деонтическая модальность). Но в бизнесе и в политике нет места нравственным принципам.

В статье одного из крупнейших международных агентств информации и новостей Associated Press *In India, top US diplomat calls China 'elephant in the room'* (13 октября 2020 г.)²⁶ Китай представляется как «раздражающий фактор» в Юго-Восточной Азии. В территориальном споре Индии и Китая США поддерживают индусов, поставляют им оружие. Спорные острова в Южно-Китайском море являются источником конфликта между Поднебесной и рядом стран региона. Китай наращивает в районе свое военное присутствие. Военная активность Пекина вызывает серьезное беспокойство США.

A top U. S. envoy speaking in New Delhi has called China "an elephant in the room" and said Washington is keen to advance India's interests across the Indo-Pacific region.

An elephant in the room – основная проблема; главный вопрос на повестке дня; большой вопрос; раздражающий фактор; острая, тщательно избегаемая тема; головная боль²⁷.

С точки зрения представителя США, политика Китая в Юго-Восточной Азии является огромной проблемой и вызывает негативную оценку (аксиологическая модальность). Действия Поднебесной в регионе вызывают неодобрение в некоторых странах (эмотивная модальность). Нормы права предусматривают соблюдение международных договоров и статус-кво (деонтическая модальность).

При дискурсивном анализе данного текста следует учитывать внелингвистические факторы. Соединенные Штаты пытаются препятствовать росту экономической мощи и политического влияния Китая, ведут торговую войну с Пекином, считают его основным геополитическим противником. Цель данной статьи – создать негативный образ страны, вызвать отрицательные эмоции и оправдать санкции и другие действия США в отношении Китая как нарушителя международных норм.

В статье рассматривается применение метода дискурсивного анализа для определения коннотативного потенциала фразеологических единиц в англоязычном медийном дискурсе. Исследуемые тексты представляют собой презентации «реконструкцию» и «миф», в которых создается не всегда объективный образ Китая. Образность идиом в медийных текстах вызывает определенные оценки и эмоции у читателя при восприятии Поднебесной.

Дискурсивный анализ медийного текста следует проводить с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических аспектов, которые являются условиями его актуализации. Лингвокогнитивный анализ модальностей в семантике идиом позволяет сделать вывод о том, как характеризуется страна в англоязычном информационном пространстве.

В англоязычном медийном дискурсе Китай представлен государством, которое стремится завоевать место под солнцем, осознает свою экономическую мощь и возможности и не боится бросить вызов странам-конкурентам, таким как США. В то же время руководители Китая всегда отстаивают государственные интересы, заботятся о благополучии своей страны. Лингвокогнитивный анализ идиом в медиатекстах позволяет представить особенности менталитета китайцев, в основе которого лежат идеи конфуцианства с его приоритетом общественной пользы над личной.

Современный Китай обладает гигантским промышленным и интеллектуальным потенциалом, становится мировым лидером и стремится

влиять на международные события. Страна находится в состоянии торговой войны с США. Но война и торговля – это две стороны одной сущности. Китай в данном случае идет на разумные компромиссы, постепенно расширяет сферу своего влияния с помощью «мягкой силы», способствует экспансии своих компаний в различных регионах мира.

Идиомы характеризуют Китай как целеустремленное и прагматичное государство. Западные СМИ акцентируют внимание на внутренних проблемах Китая, на авторитарном режиме страны, представляют Поднебесную как опасного игрока на международной арене, который бросает вызов конкурентам. В своей глобальной политике Пекин не считается с интересами других стран, часто нарушая общепринятые международные правила и нормы. США видят в Китае серьезного соперника, пытаются изобразить его как угрозу мировому сообществу. Но Поднебесная уверенно идет к поставленной цели – стать первой экономикой мира и самым влиятельным государством на планете.

Предложенный метод дискурс-анализа позволяет определить модальность фразеологизмов и, следовательно, механизм манипулирования общественным сознанием читателей, используя коннотативный потенциал лексико-фразеологического фонда языка в медийном пространстве.

Примечания

- 1 Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2014. С. 15.
- 2 Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. С. 8.
- 3 Демьянков В. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М. : Всесоюзный центр переводов, 1982. С. 7. (Тетради новых терминов № 39).
- 4 Красных В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. С. 13.
- 5 См.: Добросклонская Т. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2008. С. 153.
- 6 См.: Филличкина Т. Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология, литературоведение, языковедение, педагогические науки. 2017. № 2 (32). С. 260.

- 7 Апресян Ю. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание и системная лексикография. М. : Школа языка русской культуры, 1995. С. 159.
- 8 См.: Телия В. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 232.
- 9 См.: Филличкина Т. Деонтические нормы в семантике фразеологических единиц русского и английского языков (на материале глагольных фразеологизмов, содержащих наименования головных уборов) : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. С. 65.
- 10 См.: China's refuses to play the Good Samaritan. URL: <https://www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/8857499/Chinas-refuses-to-play-the-Good-Samaritan.html> (дата обращения: 23.10.2020).
- 11 Словарь Мультигран : электронный словарь. URL: <https://yandex.ru/search/?text=multigran.ru&lr=10> (дата обращения: 12.04.2020).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: The Guardian view on China : Unease at home and abroad. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/aug/19/the-guardian-view-on-china-unease-at-home-and-abroad> (дата обращения: 22.01.2020).
- 15 Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru/rattle%20nerves/ru/xx/> (дата обращения: 13.04.2020).
- 16 Словарь Мультигран : электронный словарь.
- 17 Словари и энциклопедии на Академике.
- 18 Словарь ABBYY Lingvo x5 : электронный словарь.
- 19 См.: We must stand up to China's abuse of its Muslim minorities. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/31/china-ughurs-muslims-religious-minorities-marco-rubio> (дата обращения: 10.04.2020).
- 20 Словарь Мультигран : электронный словарь.
- 21 Там же.
- 22 См.: 'Amazing deal' or 'capitulation'? Why the US-China trade truce may not last. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/dec/15/amazing-deal-or-capitulation-why-the-us-china-trade-truce-may-not-last> (дата обращения: 10.04.2020).
- 23 Словарь Мультигран : электронный словарь.
- 24 См.: Nigeria : How China Is Exploiting Nigeria With Greek Gifts, Economic Sabotage. URL: <https://allafrica.com/stories/201908050046.html> (дата обращения: 10.04.2020).
- 25 Словарь Мультигран : электронный словарь.
- 26 См.: In India, top US diplomat calls China 'elephant in the room'. URL: <https://apnews.com/article/india-new-delhi-china-archive-f0c2cb068e962d90be442ea80745961f> (дата обращения: 20.10.2020).
- 27 Словарь Мультигран : электронный словарь.

Поступила в редакцию 24.01.2021, после рецензирования 12.04.2021, принята к публикации 24.04.2021

Received 24.01.2021, revised 12.04.2021, accepted 24.04.2021

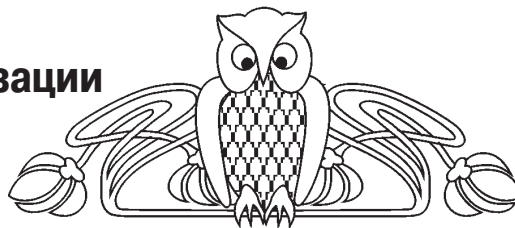

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 261–265
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 261–265
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

Научная статья
УДК 811.161.1'37

Модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии

Т. Ван

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Ван Тяньцзяо, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания, 931515224@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2032-2165>

Аннотация. В работе осуществляется анализ моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии. Показано, что концепт «добро» может не только обозначаться через призму его составляющих типа *доброго дела, добрых слов* и прочих, но и представлять его когнитивные компоненты типа *добрых отношений*. Делается вывод, что можно использовать лингвокогнитивный подход для исследования когнитивных моделей русских паремий и фразеологизмов.

Ключевые слова: когнитивные модели, концептуальные метонимии и метафоры, этический концепт «добро», паремиология

Для цитирования: Ван Т. Модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 261–265. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conceptual metonymical models of the ethical concept of “goodness” in Russian paremiology

T. Wang

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
Wang Tianjiao, 931515224@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2032-2165>

Abstract. The work analyzes conceptual metonymical models of the ethical concept of goodness in Russian paremiology. It is shown that the concept of “goodness” can be designated not only through its components such as a *good action, good words etc.*, but also represent its cognitive components such as *good relations*. It is concluded that it is possible to use a linguistic and cognitive approach in the study of cognitive models of Russian proverbs and idioms.

Keywords: cognitive models, conceptual metonymies and metaphors, ethical concept of “goodness”, paremiology

For citation: Wang T. Conceptual metonymical models of the ethical concept of “goodness” in Russian paremiology. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 261–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Статья посвящена анализу моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии.

Цель исследования – выявление культурно значимых и когнитивных признаков этического концепта «добро», выраженных и закрепленных за русскими паремиями, посредством описания и объяснения моделей концептуальной метонимизации этого концепта.

В качестве метода исследования используются метод лексико-семантического анализа, метод компонентного анализа и методика концептуального анализа.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решение следующих задач: 1) определить понятие «добро» как этический концепт базового уровня в числе многообразных представлений об идее «нюансы человеческих отношений»¹; 2) раскрыть языковые и когнитивные признаки этого концепта, выраженные в соответствующих единицах языка; 3) описать модели концептуальной метонимизации этого концепта в русской паремиологии.

Каждый, кто имеет дело с когнитивными исследованиями, очень хорошо знает, что в когнитивной лингвистике, являющейся совершенно

новым направлением науки о языке, исследовательское внимание акцентируется не только на объяснении этнических наивных представлений, отображенных в единицах языка², но и на изучении языковых значений как концептуальных структур через призму когнитивных стратегий, стоящих за языковыми фактами и моделями³. Именно это дает нам возможность определить и описать лингвокогнитивные признаки этического концепта «добро» в русской паремиологии.

Что касается понятия «добро», то необходимо указать, что оно, по существу дела, является концептом базового уровня, так как это понятие не только полностью соответствует всем критериям определения концептов базового уровня: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость на психологическом уровне; 3) приоритетность; 4) типичная реакция на стимулы; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта⁴, но и совместно с понятием «зло» служит объективно существующим в виде некоторых уникальных, простых, не имеющих «частей» качеств⁵.

Тот общепринятый факт, что в русском языке лексема *добро* служит в качестве языкового знака как одноименного концепта «добро» этического характера, так и концепта «благо», дает нам возможность говорить о соотношениях этих концептов: в концептосфере русского языка в любом случае нельзя отождествить добро с благом. Поскольку добро признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека, благо же, напротив, всегда кому-то «адресовано»⁶. Также благо, в отличие от добра, может быть в большей или меньшей степени, т. е. выступает как параметрическое свойство (*большое благо*, но нельзя **большое добро*).

Причина рассмотрения этического понятия «добро» как концепта базового уровня еще заключается в том, что оно совместно с понятием «зло» выступает в роли ориентира (стандарта, нормы) в рамках этики, которая по природе является моральной философией и в которой «мораль» понимается как оценочно-императивное отношение к миру с точки зрения добра и зла⁷, ее синоним «нравственность» ориентирует каждого человека на выбор добра и на избавление от зла⁸. Таким образом, мы приходим к следующему возможному пониманию этического концепта «добро»: добро – это некий инвариант, возникающий в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской языковой картины мира ‘нюансы человеческих отношений’⁹; это субъективное нравственное представление, имеющее своим источником совесть; это крайний положительный член в ценностной шкале «хорошо – плохо», отражающий именно моральный тип ценностей: то, что приносит другому благо либо материальное, либо психологическое, а себе – духовное удовлетво-

рение¹⁰. В связи с этим этический концепт «добро» попал в сферу нашего исследовательского внимания.

Выше уже было показано, что в научной парадигме когнитивной лингвистики все исследование вряд ли возможно без обращения к языковым единицам, которые сами по себе являются важнейшими и необходимыми носителями ментальной деятельности и психологического процесса. Это совместно с тем фактом, что национальный язык выступает как своеобразная операционная система для мысли¹¹, позволяет нам проводить исследование лингвокогнитивных признаков и моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» не только в его одноименной лексеме *добро*, но и в других языковых единицах, которые в свой состав не включают этой лексемы, но имеют этическую семантику, связанную с добром.

В числе разного рода единиц языка паремиологические единицы занимают особое место, потому что они в плане выражения являются не только и даже не столько устойчивыми сочетаниями, сходными во многом с фразеологическими оборотами, сколько замкнутыми предложениями, состоящими из одних постоянных членов¹² – с одной стороны, с другой – они в плане содержания выступают как носители культурных смыслов нации, отражающие особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей¹³. Иначе говоря, все паремии являются сгустками народной исторической образности и новейшего языкового остроумия, самым точным и ярким способом оценки окружающей среды и самого человека¹⁴. Поэтому пословицы, имеющие общее паремиологическое значение, связанное с этикой, могут служить языковым материалом для исследования моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро».

Однако прежде чем перейти к рассмотрению конкретных когнитивных моделей этического концепта «добро», воплощенных и запечатленных в русских паремиях, нам еще нужно сказать несколько слов об одной когнитивной стратегии, т. е. концептуальной метонимии. Здесь не лишне будет указать, что метафора и метонимия всегда проникают друг в друга в концептуальной системе человека.

В теории концептуальной метафоры¹⁵ метонимия рассматривается не просто как использование одного и того же слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и в пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию, но и как метонимическое обозначение одной части через призму другой, связанной теснейшим образом с предыдущей частью¹⁶, поскольку они и принадлежат к одному и тому же концепту и даже одной и той же когнитивной модели ситуации. Одним

словом, при метонимическом переносе одна концептуальная сущность (исходная часть) предлагает ментальный путь к другой концептуальной сущности (целевой части) одного и того же домена¹⁷. Именно это лежит в основе создания и описания моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро», реализованных в русских паремиях.

Первая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «доброе дело», которая в явном виде отображена в следующих русских паремиях:

Доброе дело без награды не остается;

Доброе дело два века живет;

Доброе дело скрытности не любит;

Добрые дела и после смерти живут;

Добрым делом и кори;

Жизнь дана на добрые дела;

Торопись на доброе дело, а худое само прилепнет – и др.

Понятие «добро» само по себе является довольно сложной и многоаспектной ментальной единицей, включающей в себя достаточно много языковых и когнитивных свойств: *добрая воля, добрые поступки, добрые дела, адресант (творитель добра и/или отправитель добра), адресат (получатель добра), помощь, благотворитель* и т. д. Согласно механизму концептуальной метонимии, составляющие концепта «добро» имеют способность замечать целый концепт в мышлении, что отражается в речи. В соответствии с этим в вышеуказанных пословицах мы видим концептуальную метонимию «доброе дело вместо добра», которая относится к концептуальной метонимии «части вместо целого», находящейся на вышестоящем уровне категоризации, и на основе которой создается другая когнитивная модель, запечатленная в этих единицах языка, – это концептуальная метафора «добро есть одушевленное существо», поскольку в словах *жить, любить* и *смерть* выражаются когнитивные признаки, которыми обладает только одушевленное существо. Это отражается в паремиях: *Добрые дела и после смерти живут; Доброе дело два века живет*. Также предикат *любить* является языковым репрезентантом атрибута человека. Таким образом, на основе модели представления добра как одушевленного существа порождается другая когнитивная модель – концептуальная метафора «добро есть человек», находящаяся на базовом уровне категоризации и отраженная в русской паремии: *Доброе дело скрытности не любит*.

Вторая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый человек», которая эксплицитно выражается в русских паремиях с прилагательным *добрый*:

Доброго чти, а злого не жалей;

Добродетель доброму не вредит;

Доброму Бог помогает;
Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок;

Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу;

Добрый человек в добре проживет век;

Добрый человек плачет от радости, а злой – от зависти;

Добрый скорее дело сделает, чем сердитый;

Мир не без добрых людей;

На добрый привет – добрый и ответ;

Из рук у доброго возьмешь ты горький плод, как сладость;

Рожь да пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится;

Добрый человек лучше каменного моста;

Добрый и честный человек – сила нашего сердца;

Свет не без добрых людей;

С добрым жить хорошо – и пр.

В коллективном языковом сознании носителей русского языка прилагательное *добрый* в субстантивном употреблении способно замечать человека и означать 'тот, кто творит добро и несет его другим'. Это позволяет представить этический концепт «добро» через призму доброго человека (творителя добра и/или отправителя добра) в концептуальной системе русского народа. Поскольку в сознании говорящих по-русски концепт «добро» может метафорически представляться как человек, модели концептуальной метафоризации и модели концептуальной метонимизации понятия «добро» могут проникать друг в друга, что и отражено в вышеотмеченных русских паремиях. Таким образом, в основе данной когнитивной модели, т. е. концептуальной метонимии «добрый человек вместо добра», лежит концептуальная метафора «добро есть человек». Укажем также, что понятие «добрый человек», являясь концептом нижестоящего уровня, принадлежит к понятию «человек» как его видовой аспект.

Третья когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые слова», которая в явном виде отображена в русских паремиях:

Добрые слова дороже богатств;

От лихого не услышишь доброго слова;

Доброе слово сказать – посошок в руки дать.

В абсолютном большинстве случаев абстрактные концепты типа добра всегда репрезентируются в их конкретных составляющих (в нашем случае – это *добрые слова*), что является основанием создания данной когнитивной модели, т. е. концептуальной метонимии «добрые слова вместо добра», суть которой заключается в том, что исходная часть этой метонимизации, т. е. добрые слова, имеет довольно много импликаций: *улучшение настроения других, оказание поддержки другим в сложный момент, созда-*

ние воли к победе, желание двигаться вперед и пр., которые, в свою очередь, приносят адресатам (получателям добра) удовольствие, либо физическое, либо ментальное. Сказанное выше полностью соответствует пониманию добра, возникающему в коллективном языковом сознании носителей русского языка в рамках ключевых идей русской ЯКМ 'нюансы человеческих отношений'¹⁸.

Также отметим, что в паремии *Добрые слова дороже богатств* закреплена и другая когнитивная модель этического концепта «добро», а именно концептуальная метафора «добро есть предмет с большой ценностью». В этой метафоре возможность представления добра как предмета с большой ценностью заключается в сравнении, которое выражено в этой паремии (здесь напомним, что в научной парадигме когнитивной лингвистики сравнение само по себе служит в качестве особой формы выражения концептуальной метафоры в языке).

Четвертая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые чувства», которая реализована в русской паремии: *Добрые чувства – сосед любви*.

Несмотря на тот факт, что данная пословица в основном посвящена выражению идеи 'любовь', необходимо указать на ее теснейшую связь с идеей 'добро', потому что любовь представляет собой основу добрых чувств человека. Это не вызывает никакого сомнения с учетом близких отношений идей 'любовь' и 'добро' в рамках этической философии. Таким образом, в этой паремии мы можем выделить модель концептуальной метонимизации «добрые чувства вместо добра». Кроме этого, слово *сосед*, являясь языковым репрезентантом идеи 'человек, живущий вблизи, рядом с к.-л. или занимающий ближайшее к к.-л. место и сидящий рядом', дает нам основание говорить и о другой когнитивной модели этического концепта «добро», т. е. концептуальной метафоре «добро есть сосед». Исходный домен этой метафоры, т. е. понятие «сосед», полностью относится к понятию «человек» как особая ролевая разновидность последнего, поэтому является концептом нижестоящего уровня с точки зрения теории базисных уровневых категорий (the theory of basic-level categories)¹⁹. Здесь отметим, что в ряде случаев разграничение концептуальной метафоры и метонимии представляет некоторые трудности, потому что, как уже было сказано выше, в концептуальной системе человека концептуальные метафоры и метонимии того или иного концепта могут проникать друг в друга.

Пятая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый характер», которая в явном

виде отражена в русской паремии: *Волосы имеем – косы плетем; добрый характер – слезы льем*.

Как уже говорилось ранее, этический концепт «добро», являясь довольно сложной, комплексной ментальной репрезентацией, включает в себя достаточно много компонентов, в числе которых выступают связанные с человеком добрые признаки. Напомним также, что человек служит в качестве прототипа в рамках этого концепта как творитель добра, отправитель добра и получатель добра. Другими словами, в основе метонимического обозначения добра через призму доброго характера лежит и другая когнитивная модель, т. е. концептуальная метафора «добро есть человек». Таким образом, в сознании русского народа понятие «добрый характер» имеет способность замещать самый концепт «добро».

Здесь стоит отметить, что проанализированные выше модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» по природе могут быть отнесены к концептуальной метонимии «части вместо целого», в связи с чем они находятся на базовом уровне категоризации в иерархии концептуальных метонимий. То же видим и для шестой когнитивной модели.

Шестая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения компонентов этического концепта «добро» через призму самого концепта, которая отображена в русской паремии: *Захочешь добра – посыпь серебра*.

Слово *добро* на первый взгляд является языковым репрезентантом концепта «имущество», поэтому оно не имеет непосредственной связи с этикой. Однако здесь необходимо отметить, что в этой пословице мы можем увидеть ситуацию, когда добрые дела и также добрые отношения покупаются деньгами (в данном случае – *серебром*). Таким образом, слово *добро* является и языковой объективацией одноименного концепта «добро», который замещает его составляющие типа *добрых дел* и *добрых отношений* не только в этой пословице, но и вообще – в языковом сознании носителей русского языка. Напомним еще, что в этой пословице мы видим связь между концептами «имущество» и «добро», которые выражаются в одном и том же слове *добро*.

В заключение отметим, что в процессе исследования культурно значимых и когнитивных признаков этического концепта «добро», воплощенных в соответствующих русских паремиях, мы получаем возможность рассматривать некоторые представления о добре в русской языковой картине мира. Понятие «добро» по сути своей является этическим концептом базового уровня, служащим ориентиром (стандартом, нормой) в нравственно-ценностной оценочной шкале и состоящим из достаточно многих когнитивных и языковых свойств. В когнитивных моделях русских паремий этический концепт «добро» может быть обозначен через призму его составляющих:

доброе дело, добрые слова, добрый человек, добрые чувства и добрый характер – с одной стороны, с другой – этот концепт сам по себе имеет способность репрезентировать его компоненты типа *добрых отношений* и *добрых дел*. Стоит здесь указать, что в концептуальной системе человека теснейшим образом связаны друг с другом. Для дальнейшего анализа когнитивных моделей русских фразеологизмов и паремий вполне возможно использование лингвокогнитивного подхода (в нашем случае – это *концептуальные метонимии* и *метафоры*).

Примечания

- ¹ Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 11, 353–354.
- ² См.: Попова З., Стернин И. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. С. 9.
- ³ См.: Wang Yin. Cognitive Linguistics. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. P. 11.
- ⁴ См.: Wang Yin. An Introduction to Cognitive Linguistics. Chongqing : The Chongqing Press, 2005. P. 11.
- ⁵ См.: Максимов Л. О дефинициях добра : логико-методологический анализ // Логический анализ языка. Языки этики / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. : Н. Д. Арутюнова [и др.]. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 18.
- ⁶ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ⁷ См.: Родионов О. Моральные ценности : история, сущность и специфика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63). С. 42–49.
- ⁸ См.: Пашков В. Историко-теоретический анализ понятий «духовность» и «нравственность» // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 298–302.
- ⁹ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация этических концептов «добро» и «зло» как категорий базового уровня // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 137.
- ¹¹ См.: Рабиль Т. Когнитивистика : учеб. пособие. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2017. С. 5.
- ¹² См.: Пермьяков Г. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. С. 18 ; Телия В. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 74.
- ¹³ См.: Верецагин Е., Костомаров В. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русские языки, 1990. С. 68.
- ¹⁴ См.: Мокиенко В., Никитина Т. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 3.
- ¹⁵ См.: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. P. 36.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Kovecses Z. Metaphor : A Practical Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 173.
- ¹⁸ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ¹⁹ См.: Ungerer F., Schmid H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. P. 60.

Поступила в редакцию 18.02.2021, после рецензирования 05.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 18.02.2021, revised 05.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 266–271

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 266–271

<https://bonjour.sgu.ru>

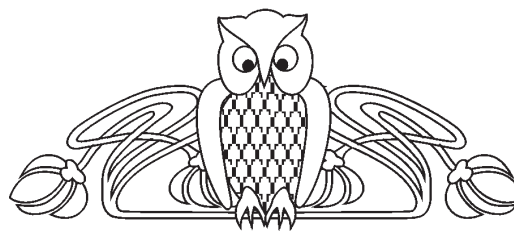
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-266-271>

Научная статья

УДК 801.733:81*373.47

Роль проклятий в библейской коммуникации

С. Н. Воробьева

Тверской государственный технический университет, Россия, 170026, г. Тверь, Наб. Афанасия Никитина, д. 22.

Воробьева Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, vorobeva-66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0980-8893>

Аннотация. Статья посвящена изучению проклятий, активно используемых в межличностной библейской коммуникации. В ходе исследования показано, что высказывания имеют духовную составляющую и вытекают из этических соображений, выступают интегрирующим и регулятивным механизмом, направленным на стабилизацию ситуации, носят диалогический характер. Используются лингвистический, теологический, дискурсивный методы, функционально-прагматический анализ, сопоставительный метод.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, проклятие, речевой акт, наказание, праведный суд

Для цитирования: Воробьева С. Н. Роль проклятий в библейской коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 266–271. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-266-271>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of curses in biblical communication

S. N. Vorobyeva

Tver State Technical University, 22 Naberezhnaya A. Nikitina, Tver 170026, Russia

Svetlana N. Vorobyeva, vorobeva-66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0980-8893>

Abstract. The article studies curses, which are actively used in interpersonal biblical communication. The study shows that statements have a spiritual component and stem from ethical considerations, they act as an integrating and regulatory mechanism aimed at stabilizing the situation, and are of a dialogical nature. Linguistic, theological, and discursive methods, functional and pragmatic analysis, and comparative methods are used.

Keywords: religious communication, curse, speech act, punishment, righteous judgment

For citation: Vorobyeva S. N. The role of curses in biblical communication. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 266–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-266-271>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В научной литературе проклятие понимается как речевой акт, который оформляется через функционально специфицированное высказывание, имеющее значение проклятия¹; словесная формула, с помощью которой обычно выражается негативное отношение к собеседнику, его осуждение, демонстрируется полный разрыв отношений с ним². Проклятие строится по стандартной модели и представляет собой перформативное, а иногда и неперформативное высказывание, которое включает в себя глагол *будь* (*-me*) в форме императива, местоимение второго лица *ты* (*вы*) в И.п., может содержаться обращение, краткое страдательное причастие прошедшего времени *проклят* (*-а, -ы*)³. Лексема со значени-

ем «проклинать» является неперменным функционально-семантическим элементом языковой формулы проклятия⁴. Общая функциональная направленность высказывания заключается в вербальном выражении пожелания бед и несчастий⁵.

Однако, как нам видится, не совсем так обстоит дело с библейскими проклятиями, поэтому в данной статье обратимся к анализу именно этих ветхозаветных высказываний и сосредоточим внимание на их языковых составляющих, характерных речевых формулах, используемых в ситуации произнесения. Кроме того, выделим и попробуем классифицировать типы речевых актов с общим значением проклятия, сопоставим

данную группу с высказываниями, адресантами и адресатами которых выступают люди.

Как известно, первые проклятия произносятся Богом после грехопадения Адама и Евы, довольно часто адресуются и по отношению к их потомкам, о чем свидетельствуют Книги Священного Писания. Их общая коммуникативная цель – предотвратить разрыв духовной связи Бога и человека, его исключение из духовного пространства. Функциональная направленность большинства их них дает нам возможность выделить четыре основных типа божественных высказываний: проклятия-подтверждения, проклятия-наказания, проклятия-предупреждения, проклятия-предсказания.

Первую группу высказываний составляют **проклятия-подтверждения**, произнесенные непосредственно от лица Бога. Примером этой группы являются три проклятия. Первое адресовано змею-искусителю, непосредственному виновнику совершившейся катастрофы, второе обращено к Адаму, но переходит на другой объект, в данном случае на землю, которая не может страдать, но через нее подвергается страданию Адам, третье произносится Каину за братоубийство. Тексты имеют четкую структуру: 1) напоминание о совершенных действиях; 2) произнесение проклятия, подтверждающего факт нарушения соглашения; 3) последствия совершенных поступков. Такая структура повествования позволяет проследить причинно-следственную связь, последовательность действий, приведших к нежелательным результатам, и понять виновнику справедливость положения. Обратимся к данным высказываниям и проанализируем их.

Итак, первое проклятие изрекается в адрес змея-искусителя. Текст начинается с напоминания об искусительных действиях, следствием которых и становится проклятие: «за то, что ты сделал это»; далее идет озвучение факта совершения действия: «проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми»; завершается текст указанием на последствия преступления: «ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей»⁶. Высказывание «проклят ты» является основным функционально-семантическим элементом языковой формулы. Как известно, существительное «проклятие» этимологически связано с существительным «клятва». В. Изотов обращает внимание на то, что в современных этимологических словарях слова соотносятся с глаголом «клонить», который в славянских языках аналогичен по смыслу глаголу «присягать», имеющему значение торжественно обещать, клясться в соблюдении верности, каких-либо обязательств⁷. Соответственно, краткое страдательное причастие «проклят» как элемент языковой формулы, содержащий проклятие, может пониматься как показатель нарушения данных обязательств, а субъект, совершивший подобный проступок, рас-

сматриваться как клятвopреступник⁸. Словесное выражение «Проклят ты» в осуждении дьявола выступает средством подтверждения факта его клятвopреступления: «проклят ты», т. е. клятвopреступник ты. Заметим, что подобные действия (отступничество) уже были совершены им ранее и стали причиной низвержения с Небес. Краткое страдательное причастие прошедшего времени является грамматическим выражением, указывающим на результат в настоящем и будущем времени действия, имевшего место быть в прошлом. Языковые конструкции представляют достаточно детализированные картины последствий совершенных действий и показывают, что установленный Богом вариант миропорядка отвергается и сменяется наихудшим сценарием.

В ситуации проклятия земли, которому она подвергается из-за Адама, грамматическим выражением проклятия также становится краткое страдательное причастие прошедшего времени «проклята». Причинно-следственные связи формируются цепочкой: соблазнение дьяволом – факт нарушения человеком клятвы – проклятие земли. Божественное проклятие земли, «терния и волчцы произрастит она тебе», становится указанием на дальнейший противоестественный способ существования, являющийся результатом нарушения заповеди о невкушении запретного плода и свободного выбора человечеством греха. Здесь мы имеем дело с косвенным проклятием, когда оно адресуется виновнику преступления, а переходит на другой объект, в данном случае на землю, которая не может страдать, но через нее подвергается страданию Адам. В тексте содержится следующее объяснение: «...за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, **проклята земля за тебя**»⁹. Божественное проклятие земли связано с оскудением ее силы, отчего существование людей обрекается на тяжелый труд, скорби и страдания. Результат – земля проклята и отчуждена от Адама.

Примером божественного проклятия, направленного непосредственно на человека, является высказывание, адресованное Каину. Оно имеет следующую структуру: 1) обозначение преступления (убийства): «голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли»; 2) подтверждение факта: «и ныне **проклят ты** от земли (т. е. ты убийца), которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей»; 3) дальнейший сценарий развития жизни преступника: «когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»¹⁰. Как видим, здесь также имеет место причинно-следственная связь между поступком и его следствием.

Таким образом, мы можем утверждать, что проклятие Бога – это словесная формула, содержащая лексему со значением «проклинать»,

которая фиксирует совершенные в прошлом действия. Они становятся причиной исполнения в будущем негативных жизненных сценариев. Их произнесение напрямую соотносится с определенной ситуацией и конкретными поступками, повлекшими за собой последующие изменения событий, ранее не являющиеся пожеланиями Бога. Новые обстоятельства жизни воспринимаются участниками событий как наказание, которое напрямую связывается ими с проклятием.

Однако следует заметить, что в текстах показывается принципиальное отличие между проклятием и наказанием. Проклятие фиксирует совершенные в прошлом действия участников событий (а не желания Бога), а наказания отражают волеизъявление Бога, связанное с желанием отрегулировать определенным образом поведение адресата. Перечень заслуженных наказаний составляют высказывания Бога, произнесенные в адрес Адама и Евы. За нарушение заповеди Адама ожидается: а) «со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей»; б) «терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою»; в) «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят»¹¹.

Обратимся к высказываниям, адресованным жене. В них наказания за греховные действия отражаются на том, что деторождение, как величайший акт жизни человека, бывший предметом особенного божественного благословения, становится источником скорби и страданий: «**умножая умножу** 1) скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей». Данная конструкция с перформативным глаголом (Я умножу) интересна тем, что состоит из двух частей. В первой содержится формулировка наказания (волеизъявление Бога), во второй – ситуация реализации. По такому же принципу строится и второе высказывание: 2) «и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Источником страданий становится супружеское общение с мужем, а также полное его господство над женой. Наказание имеет воспитательный характер: побудить грешников к покаянию и послушанию.

Принципиальное отличие между проклятием (дьявол в образе змея, Каин) и наказанием (Адам и Ева) состоит в степени тяжести вины и ответственности перед Богом. По форме и направленности наиболее тяжким является убийство человека. Однако Бог не лишает жизни Каина, наказание грозит тому, кто совершит подобный грех: «кто убьет Каина, отмстится всемеро». Цель – показать преступность человекоубийства и степень ответственности за это преступление.

Таким образом, общая функциональная направленность проклятия не заключается в вербальном выражении пожелания бед и несчастий. Смысловой компонент также не содержит поже-

лания беды, смерти, болезней, бедности, неудачи и т. д. Бог не ставит своей целью причинение собеседнику морального или физического вреда, отдаление или прекращение дальнейшего общения, как это наблюдается в проклятиях, адресантом и адресатом которых является человек, а, проявляя милость к падшему человечеству, дает шанс на спасение через исправление собственной жизни.

Вторую группу составляют **проклятия-наказания**, высказывания, изреченные Богом через посредников – судей, пророков, апостолов. Адресатами являются те, кто совершил тяжкие (смертные) грехи. Это идолопоклонники, прелюбодеи, убийцы, дети, злословящие родителей, неправедные судьи и другие нарушители Божьего Закона. В данных обстоятельствах проклятия-наказания являются не только следствием совершенных злодеяний, но и непосредственным желанием Бога остановить распространяющееся зло. Преумножающийся грех должен быть искоренен через праведный суд, потому что создаваемая ситуация является противоестественной. Поэтому текст, содержащий данные высказывания, напоминает структуру выносимого судьей приговора: 1) объяснение наложения наказания; 2) озвучение наказания; 3) исполнение наказания с обязательным указанием на то, что приговор приведен в исполнение.

В этих высказываниях не содержится лексема со значением «проклинать», но словесная формула фиксирует совершенные в прошлом преступные действия. Факт наличия Высшего Судьи подчеркивается через ключевую фразу «**так говорит Господь**». Далее используются глагольные формы в сочетании с местоимением 1 л. ед. числа, выражающие волю правосудия. К таким ситуациям, например, относится:

1) прелюбодеяние. Пророк Нафан передает Божие проклятие Давиду: «...**за то, что ты пренебрег Меня** и взял жену Урии Хеттеянина, чтоб она была тебе женою. **Так говорит Господь**: вот, **Я воздвигну** на тебя зло из дома твоего, и **возьму** жен твоих пред глазами твоими, и **отдам** ближнему твоему, и **будет он спать** с женами твоими пред этим солнцем; ты сделал тайно, а **Я сделаю** это пред всем Израилем и пред солнцем... И сказал Давид Нафану: согрешил я пред Господом. И сказал Нафан Давиду: и **Господь снял** [с тебя] грех твой; ты не умрешь; но как ты этим делом подал повод врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын. И пошел Нафан в дом свой. **И поразил Господь дитя**, которое родила жена Урии Давиду, и оно заболело»¹². При помощи использования последовательно употребленных глаголов создается эффект нарастания трагизма происходящего (восходящая градация);

2) идолопоклонство. Царь Охозия за идолопоклонство услышал от пророка Илии проклятие Бога: «...**так говорит Господь**: за то, **что ты** посылал послов вопрошать Веельзевула,

божество Аккаронское, как будто в Израиле нет Бога, чтобы вопрошать о слове Его, – с постели, на которую ты лег, **не сойдешь** с нее, но **умрешь**. И **умер он по слову Господню**, которое изрек Илия...»¹³.

Отдельную группу составляют **родовые проклятия-наказания**. Примером является проклятие, которое Бог налагает на дом священника Илия в наказание за преступления сыновей: «Вот, наступают дни, в [которые] **Я подсеку** мышцу твою и мышцу дома отца твоего, так что **не будет** старца в доме твоём; и **ты будешь** видеть бедствие жилища Моего, при всем том, что [Господь] благодворит Израилю и не будет в доме твоём старца во все дни, **Я не отрешу** у тебя [всех] от жертвенника Моего, чтобы томить глаза твои и мучить душу твою; но все потомство дома твоего будет умирать в средних летах. И вот тебе знамение, которое последует с двумя сыновьями твоими, **Офни и Финеесом: оба они умрут в один день**»¹⁴.

Как видим, в данной группе существует тесная взаимосвязь между проклятием и наказанием, являющимися проявлением воли Бога. Проклятия-наказания представляют собой самостоятельное высказывание, которое строится по стандартной модели «я + глагол», входящий в нее перформативный глагол выражает тактику наказания. Наказания необходимы для исправления людей, являются средством вразумления грешников, показателем человеколюбия Бога, который делает все возможное для пользы человека, его спасения. Карающие действия Бога передаются также выражениями: «Пошлет Господь на тебя .., Поразит тебя Господь .., Господь даст .., Предаст тебя Господь на .., Отведет Господь .., Пошлет на тебя Господь народ издалека .., Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами .., возвратит тебя Господь в Египет на кораблях тем путем, о котором я сказал тебе: “Ты более не увидишь его”» и т. д.

Эти библейские эпизоды интересны еще и тем, что в них представлены допустимые и запретные ситуации, критерии правильного поведения человека, т. е. дается указание на нормы и правила, которые в дальнейшем будут регулировать коммуникативный процесс как на уровне общения с Богом, так и внутри религиозного сообщества. Ограничения, наложенные Высшей силой, позже оформятся в виде предписаний, имеющих статус закона, регулирующих правовые отношения избранного народа с Богом.

Их основу составляют благословения и **проклятия-предупреждения** (третья группа). Цель – выстроить правильные отношения как между Богом и человеком, так и внутри сообщества. В. Изотов обращает внимание на то, что для этого используется форма вассального договора¹⁵. Обратимся к книге Второзаконие и проанализируем информацию 27-й и 28-й глав, в которых дается достаточно большой список налагаемых

проклятий со стороны Бога, являющихся зеркальным отражением Божьих благословений. Приведем несколько примеров.

Благословения	Проклятия
Благословен ты в городе и благословен на поле	Проклят ты будешь в городе и проклят ты будешь на поле
Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец твоих	Проклят будет плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов, и плод овец твоих
Благословенны житницы твои и кладовые твои	Прокляты будут житницы твои и кладовые твои
Благословен ты при входе твоём и благословен ты при выходе твоём	Проклят ты будешь при входе твоём и проклят при выходе твоём

В фокусе читательского внимания оказываются потенциальные условия, модели возможных жизненных сценариев: в одном из них благополучная жизнь избранного народа, находящегося в гармоничных отношениях с Богом, а в другом – предполагаемые варианты, следствием которых становятся разного рода несчастья, духовная и физическая смерть. Оба варианта (позитивный и негативный) развития событий относятся к возможным направлениям развития событий. Моделирование возможных ситуаций осуществляется с помощью глаголов будущего времени, являющихся вербализованными представлениями предполагаемых в будущем событий. В анализируемых текстах смысл директивных высказываний сводится к фразам: «Делай так» или «Не делай так», «Поступай так» или «Не поступай так».

Проклятия-предупреждения представляют собой изображения всеобъемлющего человеческого горя. Можно выделить несколько смысловых групп:

- 1) физиологическая сторона жизни человека: нищета, внезапное разорение, невозможность удовлетворить основные жизненные потребности;
- 2) природные катаклизмы, в том числе уничтожающие и плоды человеческого труда;
- 3) физические страдания, вызванные нестабильной жизнью, внезапным разорением, болезнями и засухой, нападением соседних народов и пленением;
- 4) духовные страдания, результатом которых являются отсутствие материального благополучия, благоденствия семьи, несчастий в обычной жизни, лишение наслаждения женой, детьми, домом, виноградником, стадами крупного и мелкого скота вследствие ведения оборонительных войн, отсутствие личных и политических успехов;
- 5) зависимое положение: пленение, невозможность спасения от врагов;

б) грядущие исторические потрясения народа:

а) ужасы осады и падения (духовного и физического, когда люди опускаются до каннибализма), поражение и рассеяние;

б) поражение теми же бедствиями, какие были посланы на Египет (страсти египетские, которые наводятся на Израиль);

в) снятие обетования о многочисленности народа;

г) утрата обетованной земли и веры в будущее народа.

Через проклятия-предупреждения выстраивается четкая система правил, норм и предписаний, по которым должен жить человек. Они становятся способом побудить народ соблюдать условия договора, дают возможность предоставить будущую жизнь и убедиться в том, что именно Бог управляет всеми возможностями и случайностями в человеческой жизни.

Четвертую группу составляют **проклятия-предсказания**. Их иллюкутивная цель – сообщение праведникам информации о событии, которое обязательно произойдет в будущем, сигнал к тому, что для предотвращения грядущего бедствия необходимы покаянные действия, которые способны изменить текущее положение дел. Примером являются высказывания Бога о разрушении Ниневии, переданные жителям через пророка Иону, согласно которым город будет разрушен, все погибнут за свои грехи. Ниневитяне, узнав о надвигающейся угрозе, объявляют пост и начинают усиленно каяться. Бог услышал ниневитян и простил их: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой»¹⁶. Отличить правую руку от левой не умеют дети, значит, любовь Бога к людям – это любовь отца к своим детям.

Если жители Ниневии раскаялись после проповеди пророка Ионы, то жители Иерусалима не принесли покаяния после проповеди-предсказания Иисуса Христа о грядущей национальной катастрофе еврейского народа. В этом предсказании вновь используется образ любящего родителя. Святитель Тихон Задонский в келейных письмах по этому поводу писал, что обращение Христа показывает великую любовь и сожаление о том, что все Его попытки обратиться к еврейскому народу к Богу не увенчались успехом. Господь уподобляется птице, которая любит и хранит своих птенцов, согревает, защищает и питает их, призывает к себе родительской любовью¹⁷. В проклятиях-предсказаниях мы видим проявление горячей отеческой любви Бога к человеку, Его желание спасти свое творение от вечной гибели не только через извещение о предстоящих трагических событиях, но призыв покаяться в своих грехах. Покаяние, как и проклятие, также связывается с изменением, которое становится возможным только через перемену

сознания, переосмысление собственной жизни, глубокое раскаяние, сокрушение о совершенных грехах, твердое желание преобразования внутренней и внешней жизни, стремление проводить ее в согласии с волей Бога.

Библейские проклятия являются прототипическими формами. Они послужили образцом для создания подобных высказываний, адресантами и адресатами которых выступают люди. Ярким примером становится Псалтирь царя Давида, в текстах которой не раз звучат проклятия в адрес врагов и недоброжелателей, просьбы ниспослать на них заслуженное наказание, собственное раскаяние в совершенных грехах.

Таким образом, проклятие Бога – это словесная формула, чаще всего содержащая лексему со значением «проклинать», которая фиксирует совершенные в прошлом действия. Их последствия становятся причиной исполнения в будущем негативных жизненных сценариев, воспринимающихся виновными как наказание или являющихся непосредственно выражением Божьей кары. Они используются в особой ситуации общения (нарушение обязательств, норм поведения). Коммуникативная цель – предотвратить разрыв духовной связи Бога с человеком. По функционально-прагматическому основанию можно выделить следующие типы данных высказываний: проклятия-подтверждения, проклятия-наказания, проклятия-предупреждения, проклятия-предсказания. Они имеют духовную составляющую и вытекают из этических соображений, что не характерно для проклятий, адресантом и адресатом которых выступает человек. Высказывания носят диалогический характер, их воспитательный контекст ориентирует адресата на совершение посткоммуникативного действия, которое напрямую связывается с проявлением покаяния, послушания.

Между проклятием, наказанием и покаянием прослеживается определенная связь: проклятие фиксирует нарушение божественного закона, отпадение от Бога меняет обстоятельства жизни и самого человека, создавшаяся при этом неблагоприятная ситуация становится невольным или запланированным наказанием, восстановить утраченную связь и вернуть потерянное райское состояние человеку возможно только через покаяние. Эта мысль становится центральной во всех типах божественных проклятий. Через нее оказывается определенное воздействие на слушающего, устанавливаются отношения Адресанта высказывания с ее непосредственным адресатом.

Примечания

¹ См.: *Виноградова Л.* Проклятие как вербальная магия, как ритуальный акт и как разновидность брани (историческая смена функций). URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls09_program_vinogradova.htm (дата обращения: 24.02.2021).

- ² См.: *Абраменко О.* Клятвы и проклятия в речевой практике русских цыган // Архив петербургской русистики : К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/abramenko.html> (дата обращения: 20.02.2021).
- ³ См.: *Крюкова И.* Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. С. 5.
- ⁴ См.: *Лукашкина А.* Формулы благословений и проклятий в ирландском и русском языках. URL: <http://epistema.ucoz.ru/OPERA/Lukaschkina-Prokljatja.htm> (дата обращения: 24.02.2021).
- ⁵ См.: *Толстая С.* Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М. : Наука, 1994. С. 173.
- ⁶ Библия. Книги Священного Писания. Ветхого и Нового Завета. М. : Московская патриархия, 2007. С. 11.
- ⁷ См.: *Изотов В.* Проклятие, заклятие, клятва, анафема. Представления о функциях и механизмах реализации проклятий в мировой культуре и Библии. Киев : ИП Стрельбицкий, 2015. С. 183.
- ⁸ См.: *Орехов С.* Клятва и проклятие как элементы религиозного культа // Отношение человека к иррациональному : сб. ст. / отв. ред. Д. В. Пивоваров. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 198–215.
- ⁹ Библия. С. 11.
- ¹⁰ Там же. С. 12.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 317.
- ¹³ Там же. С. 369.
- ¹⁴ Там же. С. 274.
- ¹⁵ См.: *Изотов В.* Указ. соч. С. 183.
- ¹⁶ Библия. С. 821.
- ¹⁷ См.: *Задонский Тихон, святитель.* Беседы на Евангелие от Матфея. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf> (дата обращения: 03.03.2021).

Поступила в редакцию 28.04.2021, после рецензирования 07.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 28.04.2021, revised 07.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 272–276

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 272–276

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-272-276>

Научная статья

УДК 81'27

Понятие «любовь» как компонент языковой картины мира носителей языка: результаты ассоциативных экспериментов

С. В. Андреева[✉], Л. С. Усейнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Андреева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, svandreeva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Усейнова Любовь Сергеевна, студентка Института филологии и журналистики, ljubov.usejnova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1197-7012>

Аннотация. В статье анализируется роль понятия «любовь» в языковом сознании современных носителей языка разного возраста. На основе серии ассоциативных экспериментов и количественных подсчетов определяются частотные смысловые категории реакций респондентов десяти возрастных групп. Рассматривается динамика ассоциаций в рамках смысловой категории «негативные эмоции и состояния».

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, смысловая категория ассоциаций, динамика ассоциаций, ассоциативный профиль

Для цитирования: Андреева С. В., Усейнова Л. С. Понятие «любовь» как компонент языковой картины мира носителей языка: результаты ассоциативных экспериментов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 272–276. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-272-276>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of “love” as a component of native speakers’ linguistic picture of the world: The results of associative experiments

S. V. Andreeva[✉], L. S. Useynova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Andreeva, svandreeva64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5896>

Lubov S. Useynova, ljubov.usejnova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1197-7012>

Abstract. The article analyzes the role of “love” concept in the linguistic picture of the world of modern native speakers of different ages. Based on a number of associative experiments and quantitative analysis the research defines the most frequent semantic categories of the reactions of the respondents belonging to ten age groups. The authors focus on the dynamics of associations within the semantic category “negative emotions and states”.

Keywords: language conscience, associative experiment, semantic category of associations, dynamics of associations, associative profile

For citation: Andreeva S. V., Useynova L. S. The concept of “love” as a component of native speakers’ linguistic picture of the world: The results of associative experiments. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 272–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-272-276>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Любовь – многогранное чувство, которое есть в жизни каждого человека. Поэтому трудно переоценить многомерность смысловой значимости и когнитивную ценность понятия *любовь*. Цель нашего исследования – проанализировать

роль этого понятия в языковом сознании и место в системе ценностей носителей языка разного возраста.

Полагаем, что эффективным методом изучения языковой картины мира являются пси-

холингвистические эксперименты. Безусловно, они не абсолютны, так как полученные результаты обнаруживают зависимость от пола, профессии, ситуации проведения эксперимента и многих других параметров, что с трудом поддается учету и обобщению. Кроме того, распределение реакций по смысловым категориям может несколько варьироваться в зависимости от индивидуальности исследователя, но в целом выделенные категории реакций позволяют сделать объективные и достоверные выводы.

Согласно А. Н. Леонтьеву, «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния»¹. Как отмечают психолингвисты, в термине «языковое сознание» объединены две разные сущности: сознание – **психический** феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам) и **материальный** феномен произносимой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей. Поскольку любое понятие в языковом сознании имеет свой ассоциативный аналог, «посредством ассоциаций можно судить о соотношении смысла, связанного со словом в сознании человека (субъективной реальности), и картины мира (объективного конструкта) в его сознании»². Таким образом, результаты ассоциативных экспериментов могут быть объективной базой для выявления языковой картины мира человека.

В серии проведенных нами экспериментов приняли участие 440 респондентов: дошкольники, ученики 5–11-х классов, студенты вузов, курсанты военных институтов, жители г. Саратова от 30 до 80 лет. Всем респондентам (11 групп по 40 человек) в качестве ассоциативного стимула было предложено слово *любовь*. На стимул нужно было написать ассоциаты, совокупность которых составила ассоциативные поля. Выявленные поля можно рассматривать как ассоциативную норму, поскольку они «максимально приближены к отражению мыслительных образов и структур»³. В анонимных анкетах респонденты указывали пол, возраст, род занятий, место проживания (дошкольники приняли участие в устной форме эксперимента, отвечая на вопрос «Что такое любовь?»).

Обратимся к анализу полученных данных. На основе общего смысла конкретных реакций нами формировались **смысловые категории ассоциаций**. Посредством количественных подсчетов выявлялись наиболее частотные в каждой возрастной группе. Так, у дошкольников 6–7 лет абсолютное преимущество по частотности получила смысловая категория, которую можно обозначить как «родственная любовь» (33%): *мама, к маме, мамыны руки, папа, бабушка*. Можно предположить, что реакции *мама* и *к маме* различаются. В первом случае *мама* воспринимается ребенком как воплощение любви. Во втором

случае предложно-падежная форма *к маме* указывает на объект этого чувства. Следующая по частотности смысловая категория (23%) – это ассоциации с солнечным светом и теплом: *солнце, когда светит солнце, солнечный свет, как солнце*. Третья категория – «пристрастие к сладкому» (18%): *к конфетам, это когда ешь мороженое, это любить мороженое, к бутикам, это когда любишь печенье*.

Группа учеников 5-х классов (11 лет). Как и ожидалось, преимущество получила смысловая категория «родственная любовь» (32%): *мама, к маме, папа, бабушка, дедушка, родители, к сестре, когда любишь своих родителей*. Репертуар ассоциатов здесь увеличился из-за расширения круга общения подростков с родственниками. На втором месте – группа реакций, состоящих со словом *любовь* в гиперо-гипонимических или синонимических отношениях (23%): *чувство, влюбленность, привязанность, интерес, когда тебе кто-то нравится*. Следующая по частотности смысловая категория – «объединение в пару, семью» (17%): *отношения, семья, быть вместе, быть всегда вдвоем, быть вдвоем, быть рядом*. Следует отметить, что такую же частотность получила и смысловая категория «готовность к самопожертвованию ради любимого человека» (17%): *когда готов ради человека на все, когда готов отдать все самое лучшее человеку, стремление помочь*.

Группа учеников 8-х классов (14 лет). Реакции восьмиклассников отличаются от ассоциаций младших представителей. Абсолютное преимущество по частотности имеет смысловая категория «объединение со сверстниками» (37%): *дружба, товарищи, друзья и знакомые, к друзьям, приятели*. Психологической особенностью данного возраста является стремление к самопознанию, интерес к человеку как к личности. Одновременно с этим из-за внутренних и внешних изменений у подростков наблюдается психологический кризис, который приводит к напряжению нервной системы: «драматически важной» оказывается потребность быть принятым, «причастным» к группе сверстников. Вторая по частотности смысловая категория близка предыдущей – это «общность интересов» (26%): *вместе что-то делать, общие увлечения, общие интересы*. Далее следует категория «предпочтение, увлеченность» (16%): *спорт/к спорту, к плаванию, к рисованию, танцы*.

Ученики 9-х классов (15 лет). Самая частотная смысловая категория здесь – «позитивные эмоции и состояния» (28%): *радость, самая большая радость, чувство восторга, счастье, самое большое счастье*. Такие ассоциации обусловлены первым чувством влюбленности, которое, как правило, окрашено в самые светлые тона. Об этом же свидетельствует вторая по частотности ассоциация, содержащая «оценки с позитивной модальностью» (18%): *нежная,*

сильная, счастливая, теплая. Далее следуют реакции из смысловой категории «сердечная склонность, тяготение» (14%): *к правде, к благородству, к театру, к родному дому.*

Ученики 10-х классов (16 лет). В этом возрасте на первый план выходит категория «взаимность чувства» (21%): *ответная, взаимная, взаимность.* На втором месте оказалась категория «скоротечность, непостоянство» (19%): *быстро проходит, пройдет/проходит, это не навсегда.* На третьем месте – антонимичная с предыдущей – смысловая категория «протяженность во времени, вечность» (16%): *вечная, навсегда, будет всегда, не пройдет, не умирает.* Ассоциации этой возрастной группы подтверждают тесную связь понятий *любовь и время.*

У учеников 11-х классов (17 лет) первой по частотности неожиданно оказалась смысловая категория «негативные эмоции и состояния» (35%): *негатив, безразличие, душит, ненавижу, ненависть, портит жизнь.* Рост числа таких ассоциаций связан, видимо, с тем, что старшеклассники нередко разочаровываются в безответном чувстве влюбленности. На втором месте смысловая категория «ненужность чувства» (27%): *не нужна, лучше без неё, не хочу.* Следует заметить, что среди представителей этого возраста снова появляются ассоциации, обозначающие родственную любовь (14%): *мама, родители, родственники, бабушка.* Это связано, видимо, с тем, что в семнадцать лет подростки вновь сближаются с родными.

У студенческой молодежи самой частотной стала категория «позитивные эмоции и состояния» (17%): *счастье, радость, улада, отрада, блаженство, душевная теплота.* В меньшем количестве представлены ассоциации с негативными оценками (16%): *боль, негатив, разочарование, обида.* В меньшей степени *любовь* ассоциируется у студентов с «объединением в пару, семью» (14%): *семья, брак, пара, союз.* У филологов зафиксированы реакции, в которых *любовь* является компонентом стихотворной строки или устойчивого выражения: *я вас любил: любовь, еще быть может, в душе моей угасла не совсем; любить иных – тяжёлый крест; любовь зла – полюбишь и козла; любовь с первого взгляда; вечная любовь.*

Для сравнения эксперимент был проведен и среди курсантов военных институтов. Неожиданно самой частотной оказалась категория «родственная любовь» (35%): *мама, к маме, бабушка, к бабушке, дедушка, родители, к родителям.* Второе место здесь занимают ассоциации, обусловленные спецификой будущей деятельности (27%): *к Родине, Родина, Россия.* Показательно, что у курсантской молодежи выделяется смысловая категория «ценность умения ждать» (19%): *ждать, когда ждут, когда умеют ждать, когда тебя ждут.* Вполне понятно, что, находясь вдали от дома, юноши осознают

ценность поддержки близких, которые ждут их возвращения. Среди реакций курсантов военно-воздушной академии зафиксированы специфические ассоциаты: *безоблачная, воздушная, как штопор.* Как известно, штопор – это особый критический режим полета самолета, заключающийся в его снижении по крутой спиралевидной нисходящей. Можно предположить, что данное сравнение связано с опытом губительного влияния чувства любви.

Интересно было продолжить ассоциативный эксперимент среди представителей более старших поколений (30–80 лет). Участники опроса были разделены на три возрастные группы. Первая группа – респонденты 30–40 лет. Следует сразу отметить, что впервые ассоциации здесь различаются по гендерному признаку. У женщин доминирует смысловая категория «объединение в пару, семью» (53%): *семья, отношения, брак, союз, объединение сердец.* Весомая также группа ассоциаций со значением необходимости в этом чувстве (33%): *нужна, необходима, без нее нельзя/никак, самое нужное чувство.* Большая часть ассоциаций мужчин имеет материальный «прикус» (39%): *к деньгам/деньги, к зарабатыванию денег, к жизни без денежных проблем.* Зафиксированы реакции, обозначающие абстрактные понятия (33%): *к природе, к жизни/жизнь, к свободе, к миру.*

Вторая группа – респонденты 45–55 лет. Было замечено, что после 45 лет реакции мужчин и женщин почти не различаются. Высокочастотной у респондентов этого возраста оказалась смысловая категория «вечность чувства» (24%): *вечная, любовь до гроба, навсегда, не пройдет/не проходит.* Следующая по частотности категория – «любовь к детям» (19%): *дети, к детям, мои дети, к своим детям, внуки, к внуку;* а также категория «любовь и тепло к родителям» (19%): *к Маме, родители/к родителям, к Отцу.*

Третья группа – респонденты 55 лет и старше. Самая частотная смысловая категория – «полное понимание и принятие» (19%): *принимать человека таким, какой он есть; когда понимаешь; понимание; полное принятие.* Зафиксированы ассоциации со значением «вечности чувства» (18%): *пройдет, но обязательно вернется; возвращается; вернется,* а также «позитивные эмоции и состояния» (16%): *радость, восторг, восхищение.* Преимущественно среди женщин распространены реакции с духовным, религиозным содержанием (15%): *Божий свет, Бог, Божья щедрость, вера, надежда.* Важно подчеркнуть, что обнаруженную нами отчетливую связь понятий *любовь* и *Бог* подтверждает такой же вывод Л. Н. Чурилиной, сделанный ею на основе анализа ассоциативных словарей. Вместе с тем такая взаимная соотнесенность этих понятий, по данным Л. Н. Чурилиной, практически не отражается в современных толковых словарях⁴.

Нельзя не отметить, что было зафиксировано значительное количество единичных реакций, которые выходили за рамки обозначенных смысловых категорий: *узор, планета, мир, спичка* и др. В целом, смысловые категории ассоциаций, доминирующие в рамках выделенных возрастных групп, можно представить в виде таблицы.

Динамическая картина смысловых категорий ассоциаций респондентов разных возрастных групп

Возрастные группы	Частотная смысловая категория ассоциаций
Дошкольники (6–7 лет)	Родственная любовь
Пятиклассники (11 лет)	Родственная любовь
Восьмиклассники (14 лет)	Объединение со сверстниками
Девятиклассники (15 лет)	Позитивные эмоции и состояния
Десятиклассники (16 лет)	Взаимость чувства
Одиннадцатиклассники (17 лет)	Негативные эмоции и состояния
Студенты (18–28 лет)	Позитивные эмоции и состояния
Респонденты 30–40 лет	Объединение в пару, семью
Респонденты 40–55 лет	Вечность чувства
Респонденты 55–80 лет	Полное понимание и принятие

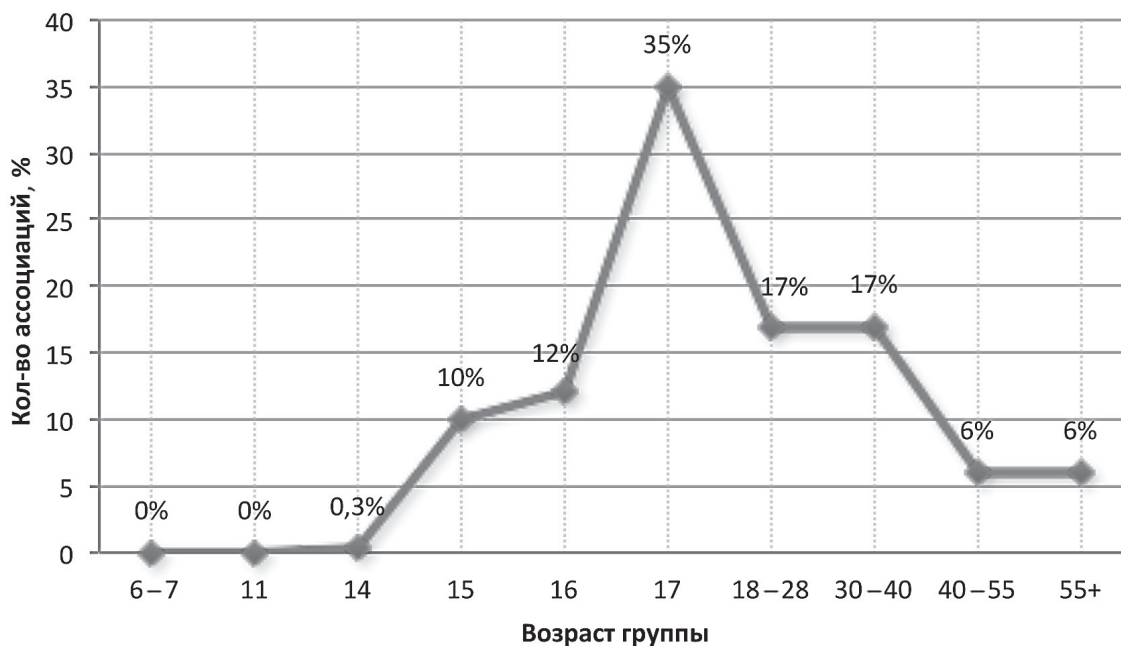
Как видно из данных таблицы, наблюдается динамика ассоциаций от смысловой категории «родственная любовь» (дошкольники и пятиклассники) к категории «полное понимание и принятие» (старшее поколение). Показательно,

что в «Большом универсальном словаре русского языка» в словарной статье на лексику *любовь* в качестве первого дается значение «чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л., искренней преданности к кому-, чему-л.»⁵. Действительно, «полное понимание и принятие» становится возможным только на основе «глубокой привязанности и искренней преданности».

Проведенные эксперименты позволили выявить явную динамику ассоциаций смысловой категории «негативные эмоции и состояния» в зависимости от возраста (рисунок).

По данным графика можно заключить, что параметр «возрастной период» существенно влияет на характер ассоциативного профиля смысловой категории «негативные эмоции и состояния». Впервые единичные реакции типа *ненависть* появляются у 14-летних, у 15–16-летних их количество растет и достигает пика к 17 годам (35%). Позже наблюдается сначала резкое снижение кривой (в период с 18 до 40 лет), а затем постепенное дальнейшее ее снижение. Можно предположить, что именно опыт первой неразделенной любви является одной из причин разочарования в жизни и печальных случаев суицида молодых.

Безусловно, полученные в результате экспериментов данные не могут рассматриваться как абсолютный показатель состояния языкового сознания современного общества, поскольку каждый эксперимент имеет ограниченное число участников. Тем не менее, на основе полученных результатов сделаем несколько выводов.

Динамика ассоциаций в рамках смысловой категории «негативные эмоции и состояния» в зависимости от возраста

Как известно, лексикон – это средство доступа к языковому сознанию личности. Ядро лексикона составляют лексические единицы с наибольшим количеством ассоциативных связей. По результатам исследований А. П. Сдобновой, понятие *любовь* входит в ядро лексикона школьника только с 5-го класса, и постепенно его ранг повышается⁶. Наш эксперимент показал, что начиная с 11 лет это понятие входит в базовую часть лексикона респондентов всех возрастных групп, трактуется как главная жизненная ценность: *то, что действительно нужно; должна быть обязательно, смысл жизни*.

Показательна динамика ассоциаций в рамках смысловой категории «негативные эмоции и состояния»: наблюдается максимальная ее выраженность в юношеском возрасте и существенное снижение после 40 лет. Представляется, что с увеличением возраста категоричность в человеке проявляется во все меньшей степени. Зрелые по возрасту люди стараются «принимать» окружающих, находить оправдания их поступкам, ценить «безусловную» любовь.

Язык выступает инструментом отражения действительности в языковом сознании, в связи с этим в языковых знаках человек улавливает те аспекты, которые согласуются с соответствующими параметрами его внутреннего мира. Вербальное отражение действительности – это точка пересечения субъекта и окружающего его мира как объекта коммуникации. Субъект «приспосабливает» объект к себе, «поворачивает» его той или иной гранью, «вписывает» в свой внутренний мир. Следствием этого являются специфиче-

ские реакции, обнаруженные, например, у курсантской молодежи: «родственная любовь» (что было характерно только для дошкольников и пятиклассников), «любовь к Родине», «ценность умения ждать».

Таким образом, в результате серии экспериментов среди респондентов от 6 до 80 лет и последующего количественного анализа были выявлены высокочастотные смысловые категории ассоциаций для каждой из 10 возрастных групп. Динамика понятия «любовь» как компонента языковой картины мира человека является отражением эволюции системы ценностей.

Примечания

- ¹ Леонтьев А. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. С. 167.
- ² Горошко Е. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М. ; Харьков : РА-Каравелла, 2001. С. 23.
- ³ Караулов Ю. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Филология. Журналистика. 1994. № 1. С. 17.
- ⁴ См.: Чурилина Л. Концепт «Любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира : ассоциативный аспект // Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2010. С. 228.
- ⁵ Морковкин В. Большой универсальный словарь русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС школа, 2018. С. 507.
- ⁶ См.: Сдобнова А. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015.

Поступила в редакцию 26.04.2021, после рецензирования 30.04.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 26.04.2021, revised 30.04.2021, accepted 12.05.2021

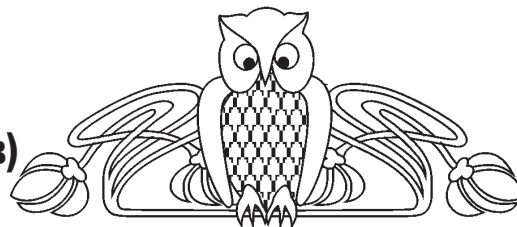

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 277–281
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 277–281
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-277-281>

Научная статья
УДК [811.111+811.133.1]:659.123.4

О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков)

Л. В. Дудникова¹✉, М. С. Шевченко²

¹ Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

² Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83

Дудникова Лина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, dudnikovalina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5504-7610>

Шевченко Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, med8744@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0049-9564>

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические средства, которые активно используются в современном рекламном тексте. Исследуется структура рекламного текста, дается характеристика основных его элементов. Проводится анализ частотности употребления частей речи в англо- и франкоязычных рекламных слоганах.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный слоган, морфологические средства, часть речи, имя существительное, глагол, имя прилагательное

Для цитирования: Дудникова Л. В., Шевченко М. С. О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 277–281. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-277-281>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the role of morphological means in an advertising text (Based on the English and French languages)

L. V. Dudnikova¹✉, M. S. Shevchenko²

¹ Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 83 Eremenko St., Rostov-on-Don 344015, Russia

Lina V. Dudnikova, dudnikovalina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5504-7610>

Marina S. Shevchenko, med8744@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0049-9564>

Abstract. The article considers morphological means actively used in modern advertising text. The structure of the advertising text is studied, the characteristics of its main elements are given. The authors analyze how frequently the parts of speech are used in the English and French advertising slogans.

Keywords: advertising text, advertising slogan, morphological means, part of speech, noun, verb, adjective

For citation: Dudnikova L. V., Shevchenko M. S. On the role of morphological means in an advertising text (Based on the English and French languages). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 277–281 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-277-281>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Реклама – это одно из самых сложных и многогранных явлений в современном мире. Она является наиболее эффективным способом коммуникации между производителем товара и его потенциальным покупателем. Язык рекламы

привлекает внимание исследователей различных отраслей современной науки, в том числе и лингвистов. Среди них: К. В. Гаврилов, Т. Г. Добросклонская, Х. Кафтанджиев, Е. В. Песоцкий, В. В. Ученова и др.

Рекламные сообщения отличаются от других типов коммуникации своей глобальностью и многоуровневостью информации, содержащейся в них. В рекламе учитываются все возможности и свойства человеческого интеллекта, которые смогут сделать рекламное сообщение наиболее эффективным¹.

Язык рекламы является мощным социальным фактором, который регулирует и воздействует на целевую аудиторию на всех уровнях сознания. Это происходит посредством формирования конкретного восприятия товара (позиционирующая коммуникативная стратегия) либо посредством усиления воздействия сообщения и сокращения числа факторов, неблагоприятных для коммуникации (оптимизирующая коммуникативная стратегия)².

Эффективность рекламы зависит от всех компонентов, которые она в себя включает: изображение, текст, образ в целом. Но наиболее значительную роль играет текст, т. е. вербальный компонент рекламы. Именно благодаря тексту становится понятна идея рекламы.

Текстовая составляющая рекламного сообщения имеет определенную структуру: слоган, заголовок, основной рекламный текст и эхо-фраза. Обычно состав английских и французских рекламных текстов строго соответствует данной структуре и обязательно включает в себя все составляющие, следующие строго по порядку.

Одно из определений рекламного заголовка гласит, что заголовок – один из самых важных компонентов рекламного текста, который включает в себе главное рекламное обращение. В рекламе применяются заголовки прямого и косвенного действия. Заголовки прямого действия применяются с целью обычного информирования аудитории о выпускаемом товаре. Косвенные заголовки рассчитаны на провокацию, вводят интригу, чем вызывают интерес у потребителей³.

В отличие от слогана, рекламный заголовок не должен целиком отображать суть, указывать название товара и бренда. Единственная его цель – заинтриговать покупателя, заставить его обратить внимание на рекламное сообщение⁴.

Многие потенциальные покупатели ориентируются именно на рекламный заголовок: прочитав его, они могут решить, стоит ли им продолжить ознакомление с представленным товаром. Поэтому при создании заголовка особое внимание уделяется его коммуникативной части. Также необходимо помнить, что информация воспринимается читателем на четырех уровнях: подсознательном, сознательном, эмоциональном и ментальном. Наибольшего эффекта рекламный заголовок достигает в том случае, если учитываются следующие моменты: должна быть озвучена проблема, в которой будет заинтересован читатель; далее необходимо предложить решение этой проблемы и в конце убедить читателя предпринять соответствующее действие, а именно

приобрести товар или воспользоваться услугой фирмы. В противном случае покупатель проигнорирует рекламное сообщение⁵.

Главными параметрами основного рекламного текста являются аргументация и стратегия. Аргументация – это способ рассуждения, в ходе которого появляется некоторое положение в виде тезиса. Тезис должен присутствовать в каждом рекламном сообщении и предоставлять потребителю информацию об особенностях и преимуществе товара.

Основная классификация рекламных аргументов – их распределение по трем признакам: желательность, привлекательность и исключительность⁶. Например, предприятия, работающие в сфере общепита, при создании рекламы иногда пытаются убедить покупателя в том, что его желание – обедать в их кафе, это и есть пример аргумента желательности. Если же данная компания попыталась бы убедить покупателя в том, что их продукция отличается и во многом превосходит продукцию других подобных компаний, то это уже был бы пример исключительности.

В маркетинге существует несколько стратегий рекламной аргументации. Самая известная из них – стратегия «перевернутой пирамиды», которая основывается на принципе «драматизированная» и «недраматизированная» реклама. В драматизированной рекламе в самом начале вводится некий конфликт/проблема, который будет в дальнейшем решен благодаря приводимым аргументам. В недраматизированной рекламе такой конфликт отсутствует. Наиболее веские аргументы приводятся в самом начале, на самой вершине так называемой пирамиды, а ближе к завершению перечисляются все более слабые аргументы. Как ни странно, такой вид рекламы признан самым распространенным.

Эхо-фраза – это заключительная вербальная часть в рекламе. Так же как и рекламный заголовок, эхо-фраза является одним из самых важных рекламных компонентов. Она располагается в конце рекламного объявления и дублирует главную идею слогана или заголовка. Эхо-фразу можно встретить как в теле-, так и в аудиорекламе в виде речевого фрагмента (например, названия бренда или самого товара).

Научно доказано, что обычный человек лучше всего запоминает начало услышанного сообщения и его концовку. Этим фактом и воспользовались маркетологи: в начале рекламы стоит слоган либо заголовок, подсознательно воздействующий на покупателя, следовательно, и в конце должен присутствовать подобный элемент, т. е. эхо-фраза⁷.

Однако слоган – едва ли не важнейший элемент всего рекламного текста и вызывает наибольший интерес к изучению. Источником фактического материала стали современные рекламные слоганы в количестве 200 единиц, по-

лученные методом сплошной выборки из англо-франкоязычной прессы (Vogue, L'Officiel, Marie Claire, Glamour), а также реклама на английском и французском телевидении.

По мнению Ю. С. Бернадской, слоган – это краткая афористическая фраза, выражающая основную идею всех сообщений в рамках рекламной кампании⁸.

М. М. Блинкина-Мельник утверждает, что слоган – краткая запоминающаяся фраза, основа рекламной коммуникации, своеобразный девиз, выражающий основную мысль коммерческого предложения⁹.

Другие определения сравнительно похожи. Суть заключается в том, что во всех них акцент ставится на краткости и на обязательности присутствия названия торговой марки.

К функциям слогана относят: увеличение продаж, поднятие уровня престижа торговой марки и, конечно, привлечение внимания потенциального клиента. Самая главная особенность слогана, которая и отличает его основную функцию от других элементов рекламы, это то, что он является сущностью и философией компании, характеризующей ее политику¹⁰.

Слоганы обладают несколькими классификациями. Одна из них подразделяет слоганы на прагматические и имажинативные¹¹. Первые указывают на реальную характеристику продукта и нацелены на разум потребителя. Имажинативные слоганы отвечают за имиджевые свойства товара и нацелены на чувства потребителя. Также существуют слоганы, совмещающие как прагматичность, так и имажинативность.

И. Морозова выделяет еще одну классификацию рекламных слоганов, которая способна повлиять на правила их создания¹²:

– слоганы широкого применения обычно используются долговременными компаниями, которые применяют сразу несколько форм воздействия для рекламы своей продукции (такие формы, как печатная реклама, телевидение, радио);

– слоганы узкого применения, в отличие от предыдущего типа, используются небольшими компаниями. Они обладают небольшим сроком действия и рассчитаны на меньшее количество форм воздействия рекламы (например, только телевидение или печатная реклама).

Именно слоган делает рекламу ярче и выразительнее, используя широкий арсенал языковых средств. Для составления эффективного рекламного слогана зачастую применяется морфологический аспект. Рекламные слоганы могут состоять из различных частей речи: глаголов, существительных, прилагательных, наречий и др.

Глагол – одна из частей речи, которая отвечает за динамичность текста. Динамичность в рекламном сообщении очень важна, так как она определяет его читаемость. Глагол в свою очередь добавляет движения, жизни, с его помощью раскрывается сущность товара. Например:

Every woman wears it her way (Estée Lauder Sensuous);

The road will never be the same (Honda);

L'amour, ça se cultive (LU);

Le changement a du goût (Alpro).

Глаголы в данных слоганах стоят в форме изъявительного наклонения настоящего (*to wear* (носить), *se cultiver* (развиваться, возделываться), *avoir* (иметь)) и будущего времени (*to be* (быть)). Побуждение к покупке происходит имплицитно, с помощью указания на положительные качества рекламируемого товара и достигаемый с его помощью результат.

Большое количество рекламных слоганов основано на употреблении глагольных форм повелительного наклонения. Например:

Say Si (Armani);

Choose love (Revlon);

Protégeons la vie à sa source (Evian);

Donnez de l'énergie à vos matinées (Belvita).

Повелительные предложения выражают побуждение к действию с целью выполнения желания, приказа, просьбы, разрешения, совета говорящего. Английские глаголы *to say* (сказать), *to choose* (выбрать) и французские глаголы *protéger* (беречь, защитить), *donner* (дать, придать) стоят в утвердительной форме повелительного наклонения. В отрицательной форме повелительные предложения могут выражать запрещение. Неслучайно данный стилистический прием получает широкое распространение в рекламных текстах. Именно повелительное предложение, побуждающее к действию, является одним из средств реализации воздействующей функции рекламы.

Ключевая роль в рекламном тексте принадлежит имени существительному, выполняющему информативную функцию. Например:

Grace, space, pace (Jaguar);

Power, beauty and soul (Aston Martin);

Vos poils. Vos choix. Nos produits (Veet);

Du choix, des saveurs, de l'innovation (Crazy Tiger).

Слоганы состоят исключительно из существительных как конкретных (*produit* (продукт, товар), *poil* (волос)), так и абстрактных (*grace* (грация, изящность), *space* (пространство), *pace* (скорость), *power* (сила, мощь), *beauty* (красота), *soul* (душа), *choix* (выбор), *saveur* (вкус), *innovation* (инновация, новшество)). Эти примеры подтверждают, что отсутствие глаголов может сделать рекламный слоган уникальным и оригинальным.

Имена прилагательные придают рекламному слогану больше выразительности и экспрессивности. Например:

Feminine. Ethereal. Beautiful (Givenchy Amari);

The new magical fragrance (Nina Ricci Nina);

Frais et humain depuis 2001 (Cojean);

Familiale depuis 1921 (Milleret).

В данных примерах представлены следующие прилагательные, которые подчеркивают отличительные свойства товара: *feminine* (женский, женственный), *ethereal* (нежный, изысканный), *beautiful* (прекрасный), *new* (новый), *magical* (магический, волшебный), *humain* (гуманный, человеческий), *familial* (семейный).

Многие рекламные слоганы построены с использованием степени сравнения прилагательных. Наиболее популярной является превосходная степень. Здесь нет ничего удивительного, ведь каждая компания пытается обозначить только самую лучшую характеристику своей продукции. Приведем примеры:

The happiest place on earth (Disneyland);
Good to the last drop (Maxwell House);
Le plus mignon des péchés (La Boulangère);
Les plus belles couleurs du noir (Carte Noire).

Английские прилагательные *happy* (счастливый), *last* (последний) и французские прилагательные *mignon* (милый, прелестный), *beau* (красивый), употребленные в форме превосходной степени, акцентируют внимание на товаре или услуге, тем самым воздействуют на потенциального клиента.

Личные местоимения в рекламных слоганах применяются с целью персонификации говорящего. Благодаря местоимениям реклама становится более доверительной, повествование в рекламном сообщении перестает быть анонимным. Например:

We find ways (Banco de Oro);
As unique as you are (Citroën C3);
Avec Ariel, vous allez faire des merveilles (Ariel);
Nous cultivons le pain (Jacquet).

Как мы можем наблюдать, наличие личных местоимений *we* (мы), *you* (ты, вы), *vous* (вы), *nous* (мы) в слоганах создает дружественную обстановку и располагает читателя к бренду.

Необходимо отметить, что также часто встречаются и притяжательные местоимения. Рассмотрим примеры:

Your vision, our future (Olympus);
Live your life, love your home (IKEA);
Notre histoire est aussi la vôtre (Brioche Pasquier);
Vos ambitions sont les nôtres (Banque Palatine).

В слоганах присутствуют притяжательные местоимения *your* (твой, ваш), *our* (наш), *la vôtre* (ваша), *les nôtres* (наши), что является знаком адресованности покупателю.

Не менее важную роль в рекламном тексте играет наречие. Данная часть речи характеризует товар с точки зрения его надежности, удобства, особенностей функционирования. Например:

Always Coca-Cola (Coca-Cola);
Trusted everywhere (Duracell);
Naturellement bon (Fruit d'Or);
Prenez le temps d'aller vite (TGV).

Английские наречия *always* (всегда), *everywhere* (везде) и французские наречия *naturellement* (натурально, действительно), *vite*

(быстро) позволяют выгодно представить рекламируемые товары и услуги.

Имена числительные могут выступать действенным способом актуализации авторских интенций, что обусловлено их способностью дополнять ряд важных функций, одной из которых является информативная. Например:

57 varieties (Heinz);
Born 1820 – still going strong (Johnny Walker);
Eau en couleurs depuis 1720 (Teisseire);
La référence de la cosmétique naturelle et bio depuis 1921 (Weleda).

В данных примерах числительные служат для обозначения даты рождения компании (1820, 1720, 1921), а также для обозначения количества различных видов продуктов питания производства «Heinz» (57).

Изучение частотности употребления частей речи в составе англо- и франкоязычных слоганов привело нас к определенным выводам. Так, в английском языке чаще всего используются существительные (28%) и глаголы (27%), затем местоимения (19%) и прилагательные (15%). Реже можно заметить употребление наречий (8%) и числительных (3%). Авторы рекламных слоганов на французском языке чаще всего обращаются к существительным (29%) и глаголам (28%). Важную роль также играют прилагательные (16%), местоимения (13%) и наречия (10%). Числительные (4%) менее характерны для рекламных слоганов. Результаты проведенного анализа представлены в процентном соотношении, что позволяет наглядно показать частотность употребления каждой группы.

Наше исследование позволило установить, что особую роль в достижении эффективности рекламы играет рекламный слоган. Именно поэтому он должен быть запоминающимся и вызывать ассоциации с конкретным рекламируемым продуктом. Морфологические средства придают слогану оригинальность, экспрессивность и эмоциональность. В англо- и франкоязычных слоганах наиболее частотными частями речи являются существительные и глаголы, которые раскрывают специфику рекламируемого товара и усиливают воздействие на потенциального покупателя.

Примечания

- 1 См.: Медведева Е. Рекламная коммуникация. М.: УРСС, 2003. С. 38.
- 2 См.: Кеворков В. Слоган? Слоган! Слоган... М.: РИП-холдинг, 1996. С. 24.
- 3 См.: Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. С. 5.
- 4 См.: Сычев О. Реклама и текст // Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 351.

- ⁵ См.: Пирогова Ю. Речевое воздействие и игровые приемы в рекламе // Рекламный текст : семиотика и лингвистика / отв. ред. Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин. М. : Изд-во Междунар. ин-та рекламы ; Изд. дом. Гребенникова, 2000. С. 168.
- ⁶ См.: Котлер Ф. Основы маркетинга : краткий курс : пер. с англ. М. : ИД «Вильямс», 2007. С. 43.
- ⁷ См.: Майорова Э. Структурно-когнитивный анализ рекламного текста // Лингвистика : Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2003. Т. 9. С. 27.
- ⁸ См.: Бернадская Ю. Текст в рекламе : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 6.
- ⁹ См.: Блинкина-Мельник М. Рекламный текст : задачник для копирайтеров. М. : ОГИ, 2007. С. 57.
- ¹⁰ См.: Елисеева А. Как оценить слоган? // M.A.DE. Marketing. Advertising. Design. 2002. № 2–3. С. 10.
- ¹¹ См.: Кармин А. Психология рекламы. СПб. : ДНК, 2004. С. 64.
- ¹² См.: Морозова И. Слагая слоганы. М. : РИП-холдинг, 2001. С. 75.

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 11.05.2021, принята к публикации 13.05.2021
Received 01.03.2021, revised 11.05.2021, accepted 13.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 282–288

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 282–288

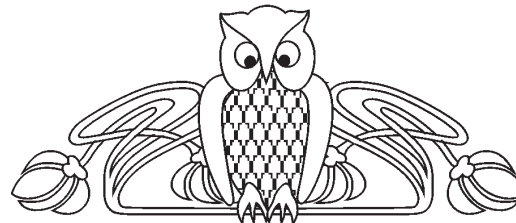
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-282-288>

Научная статья

УДК 811.161.1'27:[070:796]

Языковые особенности спортивных Telegram-каналов

К. А. Онуприенко

Ульяновский государственный университет, Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42

Онуприенко Ксения Александровна, ассистент кафедры журналистики, simbushka94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6535-035X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языка современных медиа на примере публикаций на спортивную тематику в мессенджере Telegram. В качестве материала для исследования были отобраны российские Telegram-каналы: «Реальный футбол», «Футбол с GOAL24», «Sports.ru». Рассматривается новостной контент за период с июля 2018 по июль 2020 г., анализируются методы отображения в текстах спортивных и околоспортивных событий.

Ключевые слова: лингвистика, журналистика, медиаконтент, социальные сети, мессенджеры, лексика, стилистика

Для цитирования: Онуприенко К. А. Языковые особенности спортивных Telegram-каналов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 282–288. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-282-288>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Language features of sports Telegram channels

К. А. Onuprienko

Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia

Kseniya A. Onuprienko, simbushka94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6535-035X>

Abstract. The article considers linguistic peculiarities of the modern media language on the example of publications about sports topics in the Telegram messenger. The following Russian Telegram channels were selected as the material for the study: “Real football”, “Football with GOAL24”, “Sports.ru”. The author studies the news content for the period from July 2018 to July 2020; the ways of reflecting sport events and those close to sport in the texts are analyzed.

Keywords: linguistics, journalism, media content, social media, messengers, vocabulary, stylistics

For citation: Onuprienko K. A. Language features of sports Telegram channels. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 282–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-282-288>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях растущего влияния цифровых технологий резко меняются стратегии взаимодействия с аудиторией. На смену одностороннему вещанию приходит живой диалог с подписчиком, который становится ключевой фигурой информационного рынка: его потребности и интересы ставятся превыше всего. Журналистика трансформируется как на уровне понимания своей миссии, функций, техник и практик, так и на языковом уровне. Феноменом дистрибуции контента для СМИ стали мессенджеры, созданные изначально исключительно для межличностного общения, особенно Telegram. Его популярность в 2018–2020 гг. обусловлена «точной», персонализированной доставкой контента непосредственно заинтересованным читателям. Платформа свободна от любой цензуры и защищена сквозным шифрованием, что гарантирует кон-

фиденциальность и позволяет найти данные, не доступные в других источниках.

Поскольку Telegram-каналы сегодня широко распространены и являются источником информации для многих людей, их можно считать полноправным элементом системы массовой коммуникации. Не обладая статусом СМИ, Telegram-каналы выигрывают за счет экономии времени аудитории: клиенты-мессенджеры установлены прямо в смартфоне, они незамедлительно посылают уведомления о новой публикации, тогда как для доступа к прочим источникам информации требуется открывать браузер, включать телевизор или радио и т. д.

Миграция аудитории с сайтов и социальных сетей в мобильные мессенджеры активно продолжается¹, потребители спортивного контента в этом смысле одни из наиболее радикальных.

Telegram-каналы опережают как традиционные СМИ, так и социальные сети в скорости публикации, доставляя актуальную информацию (расписание матчей, счет, фото, комментарии игроков) непосредственно заинтересованному пользователю в режиме реального времени.

В публичных каналах формируются определенный язык, стилистика, лексика и тональность. Причин тому множество. Как в свое время журналистский текст адаптировался для размещения на веб-сайтах, так и сейчас он вновь претерпевает изменения в рамках технологических ограничений социальных медиа. Немаловажным представляется и тот факт, что над созданием контента для спортивных Telegram-каналов работают не только профессиональные журналисты, но и любители, порождающие и распространяющие медиатексты, по своему качеству конкурирующие с материалами СМИ².

Отличительной особенностью Telegram-каналов выступает анонимизированный статус медийного актора, который может быть авторской группой или использовать выдуманную маску. Соседство с реальными собеседниками из списка контактов приводит к тому, что даже анонимные авторы становятся ближе к читателю, чем журналисты традиционных СМИ, которые выступают под своими именами, но коммуникативно отстранены от непосредственного общения³. Неслучайно многие журналисты ведут персональные каналы, где распространяют как уникальные сообщения, так и ссылки на редакционные статьи.

Попытки изучить новую среду коммуникации и осмыслить специфику языка медиатекстов в той или иной степени уже предпринимались отечественными учеными. Так, Е. И. Горошко и Е. А. Землякова⁴ характеризуют тексты Telegram как особый жанр интернет-коммуникации, анализируют лингвистические и паралингвистические особенности общения в мессенджере. Делается вывод о том, что именно технологические возможности клиентской программы во многом определяют языковую специфику коммуникации, опосредованной смартфоном.

В работе Д. Э. Коноплева⁵ рассматриваются особенности функционирования Telegram-каналов как персональных медиа. На наглядных примерах автор доказывает востребованность мессенджеров среди современной аудитории и необходимость освоения подобных площадок средствами массовой информации.

Исследователь А. Г. Кириллов⁶ рассматривает процесс модификации медиатекстов в программах обмена мгновенными сообщениями на примере анализа контента классических блогов и Telegram-каналов. В своей работе он подчеркивает необходимость дальнейшего исследования контента мессенджера с дискурсивной, речевой и языковой позиций.

Наименее изученным сегментом медиаконтента Telegram являются спортивные каналы.

При этом интеграция профильных СМИ в мобильные мессенджеры становится жизненной необходимостью, поскольку болельщики нуждаются в круглосуточном цифровом взаимодействии с командами, которые они поддерживают⁷.

Число спортивных Telegram-каналов стремительно увеличивается, в настоящий момент их насчитывается уже более пятисот. Одним из самых популярных является канал «Реальный футбол», насчитывающий свыше 134 тысяч подписчиков. Контент – постоянно обновляющаяся информация о чемпионатах мира по футболу и премьер-лиге, видеообзоры и ленты новостей.

Заслуживает внимания также Telegram-канал «Футбол с GOAL24», который насчитывает 119,2 тысячи подписчиков. Здесь публикуются обзоры футбольных матчей и ссылки на голы в прямом эфире с сайта goalhd.net. Цель площадки – предоставлять самые свежие новости из мира футбола в одном месте, что позволяет пользователям избежать необходимости просматривать множество сайтов и тратить время на поиск информации.

Растущей популярностью пользуется «Sports.ru» (89,2 тысячи подписчиков). Это официальный канал одноименного СМИ, в котором освещаются новости всех видов спорта. Его по праву можно назвать самым оперативным и либеральным спортивным каналом о спорте в рунете. Содержание – аналитика и околоспортивные интриги, сопровождаемые качественной графикой.

В связи с широким распространением и особой стилистикой подачи материала на подобных коммуникационных платформах анализ их лексических, стилистических и лингвистических особенностей представляется вполне актуальным. В рамках нашего исследования рассматриваются особенности языка российских Telegram-каналов о спорте (как анонимных, так и закрепленных за конкретными СМИ).

Используя методы компьютерной лингвистики, мы выявили ряд языковых особенностей спортивных Telegram-каналов. Выборочную совокупность составил контент трех каналов: «Реальный футбол», «Футбол с GOAL24» и «Sports.ru» (период с июля 2018 по июль 2020 г.), что в общей сложности определило объем нашей выборки – 100 000 словоупотреблений. Чтобы в полной мере понять, какова специфика языка Telegram-каналов и в чем его отличие от литературной нормы, мы обратились к анализу художественных произведений. С целью получения максимально объективной картины мы взяли для сравнения произведение спортивной тематики – роман С. Белова «Движение вверх» (122 321 словоупотреблений). Для более детального рассмотрения трансформаций современного языка мы приняли решение сопоставить данные тексты с одним из центральных произведений русской классики – 1-м томом романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир» (109 428 словоупотреблений).

Это позволило нам увидеть некоторые изменения в функциональной системе русского языка с XIX по XXI в. и подтвердить выдвигаемую гипотезу о сокращении количества символов, необходимых для передачи смыслов.

Методика исследования заключалась в построении алфавитно-частотных словарей словоформ⁸, в которых фиксировались следующие количественные характеристики:

– абсолютная частота словоупотребления F (сколько раз данное словоупотребление – последовательность букв от пробела до пробела – встречается в выборке);

– относительная частота f (отношение абсолютной частоты словоформы – слово во всех видоизменениях – к общему количеству словоупотреблений);

– накопленная относительная частота f* (какую часть текста занимает данное количество словоформ от начала списка);

– ранг i (порядковое число данной словоформы в словаре).

Изучение количественных показателей языка позволяет достаточно объективно судить о лексических, стилистических и грамматических особенностях большого массива медиатекстов. Так, авторы Telegram-каналов говорят с подписчиками на упрощенном языке, используя большое количество вводных слов, частиц и междометий, что характерно для разговорной речи. Тексты содержат много спортивных терминов. Проблематика ограничена результативностью игроков, трансфером и околоспортивными вопросами.

Можно заметить, что главной темой текстового массива являются продажи и переходы футболистов из одной команды в другую, их стоимость (причем выраженная в иностранной валюте: слово *евро* занимает 23-ю позицию и употребляется 292 раза в нашей выборке; непосредственно за ним следует сокращение *млн*, которое используется 277 раз; полная словоформа *миллионов* встречается в массиве текста 139 раз), а также выступления на чемпионатах. Об этом говорят часто

употребляемые словоформы: *сборной, контракт, клуб, Челси, матча, Реал, Сити, ПСЖ, команды, ЦСКА, клуба, матче, матччей, игроков*. Самым популярным футболистом, пользуясь полученными данными, можно считать Криштиану Роналду. Только его фамилия попала в топ-100 используемых словоформ. Это же видно из рассмотрения частотного словаря словосочетаний, фрагмент которого приведен ниже (таблица).

Терминологические слова специальной лексики (*сэйв, хавбек, голкипер*) превышают по частотности многие традиционно высокочастотные слова. Наблюдается постоянное цитирование материалов СМИ, обилие ссылок на сайты спортивных клубов и личные страницы журналистов, экспертов, спортсменов и тренеров в социальных сетях. Бросается в глаза бравирование связями в официальных структурах (клубах, комитетах, судебных коллегиях). Слова *спортсмен, футболист, главный тренер, пресс-атташе* как источники информации соседствуют с глаголами *сказал, сообщил, опубликовал, стало известно* и сопровождаются пометкой *официально*. Чрезвычайно характерна привязка ко времени, стремление точно передать обстоятельства происходящего: *наконец, вот-вот, прямо сейчас* – авторы оперирует фактами в режиме реального времени и стремятся быть максимально актуальными.

Показатель «богатства» языка Telegram-каналов, т. е. относительная величина активного словаря, которая определяется как отношение неповторяющихся словоформ к общему объему словоупотреблений данной выборки («индекс разнообразия» или *type-token ratio*⁹), равен 0.2178. Абсолютное сравнение этого показателя с литературными текстами (около 0.4–0.5) свидетельствует о чрезвычайной бедности языка, однако необходимо учитывать и то обстоятельство, что авторы стремятся за минимальный срок изложить большее количество сведений, поэтому говорят «телеграфным», максимально упрощенным языком. Ограничено и время, которое подписчики готовы потратить на чтение новостной ленты.

Алфавитно-частотный словарь словосочетаний

i	Словосочетание	F	f	f*
1	Млн евро	159	0.000318	0.000318
2	Миллионов евро	92	0.000184	0.000693
3	Ранее сообщалось	44	0.000088	0.002746
4	Сборной России	44	0.000088	0.002834
5	Главный тренер	38	0.000076	0.003965
6	Млн фунтов	36	0.000072	0.004184
7	Чемпионата мира	31	0.000062	0.004847
8	Лиги чемпионов	26	0.000052	0.005798
9	Может перейти	25	0.000050	0.006100
10	Криштиану Роналду	23	0.000046	0.007006

Приведем диаграмму (рис. 1), которая характеризует показатель частотности словоформ, указывающий на «растяжение» словарей данных текстов и определяющий точки излома, в которых разделяются основная зона наиболее часто употребляемых языковых единиц, зона средних частот и наконец зона малоупотребительных.

График частотно-рангового распределения представляет собой гиперболу, тем более отходящую от прямой, чем менее структурирован текст. В диаграмме ряд 1 – закономерность распределения частоты слов в романе Л. Толстого «Война и мир», ряд 2 – в романе С. Белова «Движение вверх», а ряд 3 – в анализируемых нами Telegram-каналах.

По этому показателю тексты 1 и 2 в большей степени схожи, поскольку относятся к художественной литературе. Первые строчки в словарях словоупотреблений занимают предлоги, союзы и частицы: *в, и, не, на*. У Л. Толстого смыслодержательные слова появляются уже на 4-м ранге (*он*). Для сравнения: в текстах Telegram слово *он* появляется на 13-м ранге, в «Движении вверх» – лишь на 22-м. При этом С. Белов чаще пользуется группой словоформ, которые приходятся на высокие ранги (от 1-го до 6-го), куда за исключением служебных частей речи вошло местоимение *я*. Это указывает на принадлежность текста к художественной литературе и дает представление об особенностях построения предложений. Судя по искривлению графика, текст отличается большим разнообразием фраз, чем тексты спортивных Telegram-каналов, менее «заштампован» и более структурирован стилистически.

Для Л. Толстого характерно использование большого количества предлогов, частиц и союзов, связывающих сложносочиненные и слож-

ноподчиненные предложения. Уступая по числу используемых служебных частей речи «Движению вверх», «Война и мир» берет верх на 5–12-м рангах, где впервые появляется имя существительное (*князь*). В зоне средних частот графики 1 и 2 практически идентичны.

Авторы Telegram-каналов в большей степени используют формальные языковые конструкции. Смещение графика 3 вниз по ранговой координатной оси свидетельствует о менее разнообразном сочетании слов, редком использовании устойчивых фразеологических оборотов и сложных языковых конструкций. Эта группа текстов обладает меньшей стилистической структурированностью, т. е. менее организована и приближается к разговорной речи.

Следующий график (рис. 2) показывает интегральное (кумулятивное) распределение относительных накопленных частот и характеризует заполняемость текста, т. е. соотношение количества словоформ, которые занимают определенный объем выборки.

Telegram-каналы (ряд 3) используют наименьшее число словоформ, которые чаще употребляются, что свидетельствует о бедности языка и ограниченности их лексики. Стилистически текст в мессенджере строится не на структурированных словосочетаниях, определенного рода штампах и фразеологических матрицах, которые и в незначительном количестве словоформ позволяют выразить разнообразное содержание, а на более частом сочетании случайного характера. Такая хаотическая кластеризация характерна для языка современных электронных СМК, приближающихся к разговорному стилю.

Линия квантитативного соотношения накопленной частоты и ранга для романа «Движение

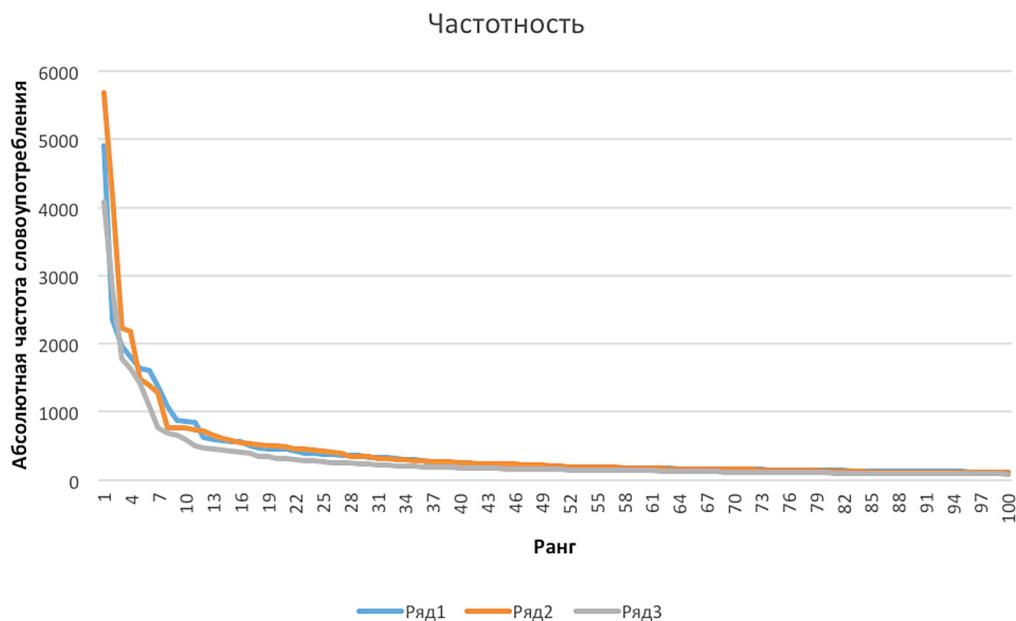

Рис. 1. Частотно-ранговое распределение (цвет online)

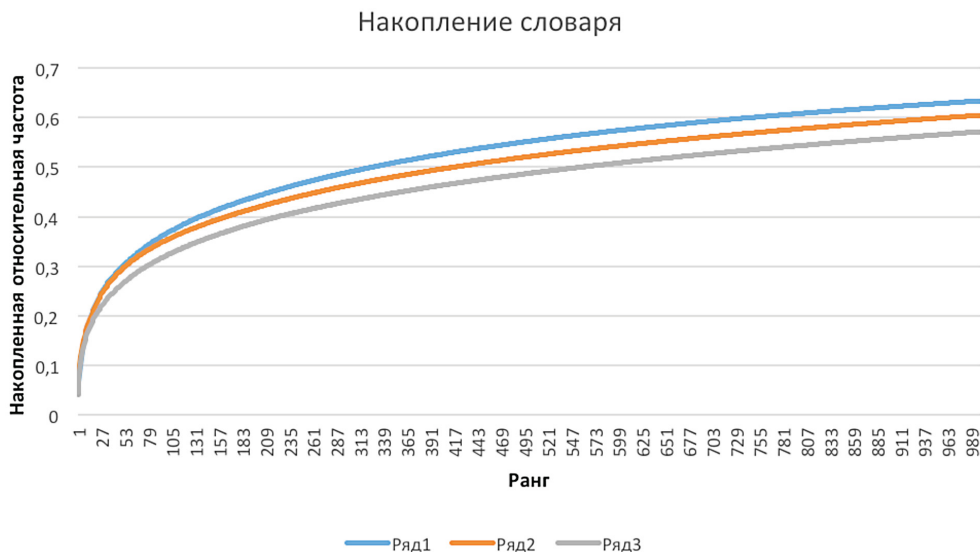

Рис. 2. Интегральное распределение относительных накопленных частот (цвет online)

вверх» (ряд 2) более пологая в зоне средних частот и в «хвосте», так как ограниченность рамки спортивной тематики не предусматривает большого лексического и композиционного разнообразия. Лидирующее положение на графике по праву занимает произведение бессмертной классики «Война и мир» (ряд 1). Богатейший лексический запас Л. Толстого дополняют и заимствования из французского языка.

Авторы Telegram-каналов склонны к публикации предположительной, вероятностной информации (*может, думают, возможно, по словам, по мнению, по слухам*).

Исследование на уровне длин слов и предложений показывает, что, в отличие от традиционных текстов СМИ, которые на стилистическом уровне стремятся к построению достаточно сложных синтаксических конструкций, современный язык мессенджеров функционален и прост. Он передает события однозначно, легко используя терминологическую лексику, которая у определенной группы читателей (спортсменов, болельщиков) переходит и в обиход. Несмотря на ограниченность словарного запаса авторов, широко используются тропы и фигуры речи: эллипсис (структурная неполнота конструкций) – *Подробности и фото – по ссылке*; парцелляция (разделение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков) – *У нее бесконечно холодное лицо. Как тот лед в Пхенчхане*; метафоры: *завершились сразу три трансферных сериала, сборная в четвертьфинале Кубка Азии бьется с японцами*; эпитеты: *бомбическое интервью, фантастический рекорд, величайшие футболисты*.

В отличие от современных СМИ, Telegram сводит к минимуму связи, которые журналист пытается установить между событиями (*при этом, причем, в связи*). Авторы представляют

события и факты почти в конспективной форме, стремятся передать максимум информации, используя минимум слов и приемы «заигрывания» с читателем (*НАСКОЛЬКО ХОРОШО ТЫ ЗНАЕШЬ КАРЬЕРУ ПЕТРА ЧЕХА? Легендарный голкипер объявил, что нынешний сезон станет последним для него. Сможешь пройти тест по его блестящей карьере?*).

Следует предположить, что в новых медийных условиях формируется новая форма языкового взаимодействия – письменная разговорная речь¹⁰ (*ГООООЛ!!!!🔥*). Функцию интонационных конструкций в таком случае принимают на себя эмодзи и разнообразные способы графического оформления текстов. Для усиления эмоциональной окраски они чаще всего употребляются в сочетании с другими лексическими, стилистическими или синтаксическими приемами.

Итак, опираясь преимущественно на количественные показатели языка, мы выявили ряд особенностей современных медиатекстов в сравнении с литературными образцами. Для более полного рассмотрения языковой специфики представления информации в Telegram-каналах необходимо провести сопоставительный анализ контента данной платформы и интернет-СМИ, основываясь на качественных критериях.

Публикации в Telegram относятся к публицистическому стилю, языковые трансформации которого обусловлены особенностями новой коммуникационной платформы и спортивной тематики. С другой стороны, ряд тем находится в центре общественного внимания (личная жизнь и состояние здоровья спортсменов, ремонт и строительство стадионов), в этом случае используется общеупотребительная лексика.

Рассмотрим типичный материал, являющийся адаптацией текста с сайта Sports.ru для одноименного Telegram-канала. В оригинале это

аналитическое интервью журналиста Романа Муна со спортивным юристом Михаилом Прокopcом¹¹. При переносе на другую платформу контент претерпевает значительные (в несколько раз) сокращения и определенные трансформации. Хэдлиан «Кардифф» не хочет платить за Салу. Так можно, но есть детали остаются неизменными, как и стилистика публикации в целом. Опубликованный на канале отрывок посвящен проблеме приобретения клубом футболиста, ставшего пассажиром пропавшего самолета. Пост в Telegram не претендует на наличие исчерпывающей информации, его цель – побудить подписчика перейти по ссылке и прочитать материал полностью.

По типу речи текст представляет собой повествование с элементами рассуждения. В нем выделяются две смысловые части, каждая заключена в соответствующем абзаце и начинается с вопроса, который затем поясняется и раскрывается. Завершается ознакомительный фрагмент фразой *Объясняет спортивный юрист* и гиперссылкой для перехода к интервью. На сайте данное предложение вынесено в лид. В корпусе текста оно расширяется: *Спортивный юрист Михаил Прокорец объяснил Sports.ru, что может случиться дальше*. Сложное, распространенное предложение подобной длины при использовании в Telegram, вероятнее всего, оттолкнуло бы подписчика.

Кроме традиционных эпитетов (*неудобный, но важный вопрос*) и метафор (*волна поисков*) используются риторические вопросы (*Что будет с его трансфером? Должны ли валлийцы платить за игрока, который погиб?*). С их помощью автор достигает своей цели – привлечь внимание читателя, заинтересовать и заставить прочитать материал целиком. В основном используется общеупотребительная лексика и нейтральный стиль с вкраплениями из высокого (*трагедия*) и сниженного (*придержаться*), встречаются специальные слова: *трансфер, нападающий, трани, дедлайн, премьер-лига*, названия клубов.

Текст является письменным и состоит преимущественно из сложных предложений, связанных цепным способом. Эта связь осуществляется при помощи следующих языковых средств: вводные слова (*кроме того*), лексические и синонимические повторы, союзы в начале предложений (*если*), замена слов местоимениями. Все предложения являются двусоставными, что позволяет передать максимум информации, которая трактуется однозначно. В тексте присутствует образ автора – беспристрастного журналиста.

Почти все посты в Telegram структурируются по одному принципу: сообщение представляет собой краткий блок, состоящий из заголовка и описания новости. Контент на большинстве популярных Telegram-каналов несложный: оригинальные изображения и видео, инфографика, новостные дайджесты, трансляции матчей и интерактивы

(тесты, онлайн-голосования). Популярностью также пользуются аналитические статьи, интервью, прогнозы, обзоры и рекомендации тематических Telegram-каналов, насчитывающих сотни тысяч подписчиков. Ориентация на «думающую» аудиторию указывает на принципиальную потребность в качественном контенте спортивной тематики среди существенной части пользователей. На смену «кликбейту» приходит «модель вовлеченного читателя», ориентированная на полноценное знакомство аудитории с текстом¹², что свидетельствует об определенном «оздоровлении» медийного пространства. Таким образом, в Telegram пользователь может получить гораздо больше информации, нежели в официальных источниках, причем в режиме реального времени и в самой доступной для восприятия форме. Тексты мессенджеров обладают высокой степенью креолизованности, но основное наполнение, как правило, составляет вербальный компонент. При всей ограниченности словарного запаса авторов язык мессенджера отличается максимальной информативностью и эмоциональной насыщенностью. Диалогичность, устно-письменная форма речи, тенденция к снижению лексики и экспрессивность обуславливают выбор авторами лингвистических и паралингвистических средств¹³. Повествование, как правило, ведется от первого лица, даже если канал анонимный. Преобладают простые предложения, однако в аналитических материалах достаточно часто встречаются сложные предложения и даже сложные синтаксические конструкции. Несмотря на отмеченное нами обилие терминов и наличие различных тропов и фигур речи, текст насыщен преимущественно разговорной лексикой. Контент мессенджера организуется с учетом интересов читателей и максимально соответствует клиповому сознанию современного человека¹⁴, для которого чтение – тяжелейший труд. В этой связи каналы в Telegram представляются формально-содержательной альтернативой спортивным СМИ, позволяющей современному автору находить заинтересованного читателя и предоставлять информацию в наиболее удобном для него виде.

Примечания

¹ См.: Коноплев Д. Telegram как новая среда коммуникации в СМИ и соцсетях // Знак. Проблемное поле медиаобразования, 2017. № 3. С. 198–200.

² См.: Солдаткина Я. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 3. С. 323–330. <https://orcid.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-323-330>

³ См.: Кириллов А. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 260–267. <https://orcid.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267>

- ⁴ См.: *Горошко Е., Землякова Е.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // *Жанры речи.* 2017. № 1 (15). С. 92–100. <https://orcid.org/10.18500/2311-0740-2017-115-92-100>
- ⁵ См.: *Коноплев Д.* Указ. соч.
- ⁶ См.: *Кириллов А.* Указ. соч.
- ⁷ См.: *Football's Digital Transformation. Growth opportunities for football clubs in the digital age* // PwC, Exozet. 2014. P. 3. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/football-digital-transformation.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).
- ⁸ См.: *Алексеев П.* Методика количественной типологии текста : учеб. пособие. Л. : ЛГПИ, 1983. С. 3–4.
- ⁹ См.: *Тулдава Ю.* Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики. Таллин : Валгус, 1987. С. 96.
- ¹⁰ См.: *Костадинов В., Базанова А.* Медиаконвергенция и языковые особенности интернет-пространства в современных условиях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика,* 2016. № 4. С. 139–146.
- ¹¹ См.: *Мун Р.* «Кардифф» не хочет платить за Салу. Так можно, но есть детали // *Sports.ru* : [сайт]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/innuendo/2323239.html> (дата обращения: 04.02.2021).
- ¹² См.: *Солдаткина Я.* Указ. соч.
- ¹³ См.: *Кириллов А.* Указ. соч.
- ¹⁴ См.: *Волкова И., Гужвий Д.* Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа : постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика.* 2017. Т. 22, № 3. С. 532–543. <https://orcid.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-532-543>

Поступила в редакцию 23.03.2021, после рецензирования 10.04.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 23.03.2021, revised 10.04.2021, accepted 12.05.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 289–295
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–295
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-289-295>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1|1879|+929[Фет+Ревелиоти]

Крымская страница в биографии Фета: Афанасий Фет и Ксенофонт Ревелиоти

Л. И. Черемисинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой начального языкового и литературного образования, larisa.cheremisinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>

Аннотация. Статья посвящена исследованию крымского путешествия А. А. Фета (25 сентября – 8 октября 1879 г.). Введение в научный оборот неопубликованных материалов (из переписки поэта с К. Ревелиоти, А. Кази, С. Аргамаковым, А. Л. Бржеской и М. К. Ревелиоти) позволяет уточнить хронологию, обстоятельства и содержание поездки в Крым.

Ключевые слова: биография А. А. Фета, путешествие в Крым, документальные источники, воспоминания, переписка, армейские друзья, Ксенофонт Ревелиоти

Для цитирования: Черемисинова Л. И. Крымская страница в биографии Фета: Афанасий Фет и Ксенофонт Ревелиоти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 289–295. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-289-295>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A Crimean page in the biography of Fet: Afanasy Fet and Xenophont Revelioti

L. I. Cheremisinova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

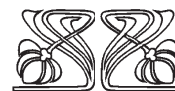
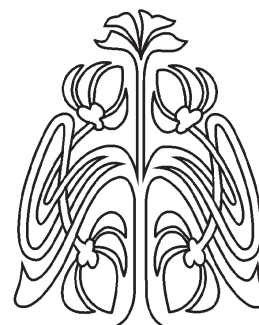
Larisa I. Cheremisinova, larisa.cheremisinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>

Abstract. The article deals with the study of the Crimean journey of A. A. Fet (September 25 – October 8, 1879). The introduction of unpublished materials (from the poet's correspondence with X. Revelioti, A. Kazi, S. Argamakov, A. L. Brzheska, and M. K. Revelioti) into the scientific circulation allows us to clarify the chronology, circumstances, and content of the trip to the Crimea.

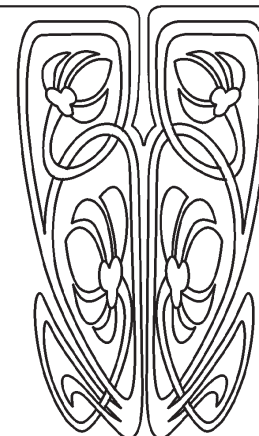
Keywords: biography of A. A. Fet, journey to the Crimea, documentary sources, memoirs, correspondence, army friends, Xenophont Revelioti

For citation: Cheremisinova L. I. A Crimean page in the biography of Fet: Afanasy Fet and Xenophont Revelioti. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–295 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-289-295>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

*Посвящается светлой памяти
Вячеслава Анатольевича Кошелева*

В жизни А. А. Фета после 1860 г., когда он купил землю и занялся хозяйством, было только одно путешествие, имевшее целью отдых, смену впечатлений. Оно стало возможным после того, как Фет продал свое имение в Степановке Орловской губернии, в 1877 г. купил Воробьевку в Курской губернии и поселился там. Знакомство с красотами природы и культурными достопримечательностями, встречи со старыми друзьями – вот что составляло содержание этого путешествия. Речь идет о двухнедельной поездке в Крым, хронология и обстоятельства которой фактически не изучены. Между тем значимость крымского путешествия Фета трудно переоценить: благодаря ему собрание лирических произведений поэта пополнилась замечательным стихотворением «Севастопольское братское кладбище» (1887), а книга «Мои воспоминания» – несколькими страницами крымских впечатлений.

В «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком, есть запись, относящаяся к осени 1879 г.: «Сентябрь. Феты и Иост в Крыму, где навещают старых однополчан Фета Ревелиоти и Кази»¹. Действительно, с 25 сентября по 8 октября 1879 г. Фет с женой Марьей Петровной и управляющим имением Александром Ивановичем Иостом совершили поездку в Крым. Они планировали побывать в Бахчисарае (там жил приятель Фета по кирасирскому Орденскому полку Ксенофонт Федосеевич Ревелиотти), в Севастополе (где намечена была встреча с другим полковым приятелем, «орденцем» – Александром Андреевичем Кази), в Ялте и ее окрестностях. Затем путешественники намеревались пересечь море и посетить Одессу, а оттуда через Киев вернуться домой. По погодным условиям поездка в Одессу не состоялась.

Имеются документальные источники о Крымской поездке Фета. Среди опубликованных особую значимость имеют письма А. А. Фета к Н. Н. Стрехову и Л. Н. Толстому, а также фрагмент книги «Мои воспоминания»², в котором содержится довольно подробный рассказ о путешествии. Следует отметить, что воспоминания о Крыме расположены в контексте событий и писем 1880–1881 гг.: они начинаются вслед за письмами Л. Н. Толстого к Фету от 8 июля и от 26 сентября 1880 г.; вскоре после завершения крымских воспоминаний идет рассказ об убийстве Александра II (1 (13) марта 1881 г.). Видимо, Фет, начавший работу над мемуарами в 1887 г.³, по ошибке отнес путешествие в Крым к осени 1880 г.

Сохранилась записная тетрадь, в которой поэт зафиксировал свои передвижения по Крыму, связанные с ними финансовые расходы и даже сделал карандашный набросок очертаний крымских гор⁴. Частично сохранилась переписка

Фета с Ксенофонтом Федосеевичем Ревелиоти и его семьей: 8 писем Ревелиоти (первое датировано 25 июля (6 августа) 1879 г., последнее – 20 июля (2 августа) 1880 г.)⁵, 3 письма Фета к К. Ревелиоти⁶ и 2 письма Марии Ксенофоновны Ревелиоти⁷. Есть два письма от Александра Андреевича Кази⁸.

В книге «Мои воспоминания» Фет излагает причины, побудившие его отправиться в путешествие: «Наслушавшись зимою восторженных восклицаний Каткова об очаровательной природе Крыма, я все лето толковал, что стыдно проживать в недалеком сравнительно расстоянии от Крыма и умереть, не выдавши Южного берега, невзирая на Севастопольскую железную дорогу. К этому желанию случайно присоединился дошедший до меня слух, что добрый мой товарищ, однополчанин кирасирского Военного Ордена полка, – Ревелиоти, покинувший полк еще до Венгерской кампании, женат и проживает в своем имении близ станции Бахчисарай»⁹.

Уже зимой 1878–1879 гг. Фет, «наслушавшись восторженных восклицаний Каткова», начал предпринимать шаги, направленные на реализацию мечты о Крыме. Об этом свидетельствует письмо от сослуживца Фета С. Аргамакова от 29 декабря (ст. ст.) 1878 г.: «Многоуважаемый Афанасий Афанасевич! Хотя и много времени прошло с тех пор, как мы расстались с Вами, но воспоминания молодости и добрых товарищей никогда не изглаживаются из памяти; письмо ваше напомнило мне многих товарищей, с которыми я провел так приятно и беззаботно свою молодость. Очень рад случаю, который привел Вас вспомнить обо мне, и надеюсь, что не письменно, а лично когда-нибудь буду говорить с Вами. Относительно адреса Ревелиоти в настоящее время я не могу Вам сообщить, потому что не имею об нем давно никакого известия; со мною в полку был ротмистр Ревелиоти, а как его звали, я не помню. Впрочем, не теряю надежды узнать и не замедлю Вас уведомить. Прошу Вас не забывать Вашего старого сослуживца. С истинным уважением честь имею быть Ваш покорный слуга С. Аргамаков»¹⁰.

Таким образом, путешествие в Крым предшествовало поиску адреса Ксенофонта Ревелиоти. С этой целью Фет обращался к своим сослуживцам и к тем, кто был как-либо связан с Орденским кирасирским полком в период его службы в нем. Он обращался и к Александре Львовне Бржеской, херсонской помещице, другу молодости Фета. Известно, что на протяжении всей жизни Фет и Бржеская поддерживали дружеские связи, переписывались¹¹. Летом 1879 г. Бржеская, жившая в Висбадене, по крайней мере дважды гостила в Воробьевке: в мае–июне и в августе. О первом визите говорится в письме Фета к Л. Н. Толстому от 3 июня <1879 г.>¹², о втором становится ясно из письма Бржеской Фету от 27 августа (8 сентября) 1879 г.¹³. Она была хо-

рошо осведомлена о планах Фета отправиться в крымское путешествие. В письме к супругам Фетам от 26 сентября (8 октября) 1879 г. Бржеская писала: «Вот приближается и у вас октябрь, и вы полетите на юг, в Тавриду. Откликнитесь оттуда, дорогие, и о здоровье упомяните. Если эта поездка вам приятна и полезна будет, то в будущем хорошо бы в нашу сторону заглянуть и меня гомерыку проведать»¹⁴.

Адрес Ксенофонта Ревелиоти был получен именно от А. Л. Бржеской. Об этом сообщил Фет в письме к Ревелиоти от 12 (24) июля 1879 г.: «Милый и дорогой старый товарищ и сослуживец! Ксенофонт Федосеевич, если память не изменила в отчестве. Сегодня для моей души праздник, так как наконец-то я получил твой давно искомый мною адрес – от Александры Львовны Бржеской, с которой, как она мне говорила, воспитывалась твоя супруга»¹⁵. Наконец-то после долгих, долгих лет я могу от всего сердца позвать твою честную руку и поблагодарить за многое, о чем в настоящую радостную для меня минуту и говорить излишне и некстати»¹⁶.

Автограф этого письма частично воспроизведен А. И. Григоровичем в книге «История 13 драгунского Военного ордена ... полка». Копия, сделанная рукою Н. Н. Черногубова, хранится в НИОР РГБ, она купирована: в частности, сокращено обращение к Ревелиоти (слова «если память не изменила в отчестве»), опущена информация о получении адреса К. Ревелиоти от Бржеской, а именно слова: «от Александры Львовны Бржеской, с которой, как она мне говорила, воспитывалась твоя супруга». С какой целью осуществлено такое сокращение, неясно. Третье письмо Фета в рукописи Черногубова имеет заголовок «Из писем Фета», что указывает на избирательность представленного исследователем материала¹⁷.

Феты отправились в путь 25 сентября 1879 г. Об этом поэт известил Н. Н. Страхова в письме из Воробьевки от 20 сентября: «Хозяйство наше идет обычным путем, с той разницей, что мой доход в этом году равняется без прикрас = 0. Благодарю Бога, что не – Х. Это однако не мешает нам, т. е. жене и Алекс<андру> Ивановичу ... втроем ехать 25 сентября в Бахчисарай, Севастополь, Ялту, Одессу, Киев и домой. Давно хотелось мне видеть Крым, а теперь у меня там, в Бахчисарае, отыскался старый сослуживец-однополчанин, который нас поджидает»¹⁸.

Ксенофонт Федосеевич Ревелиоти на самом деле с нетерпением ждал приезда гостей из Воробьевки, о чем говорят его письма Фету, задуманные, искренние, наполненные восторгом от предстоящей встречи, теплотой армейских воспоминаний, рассказами о своем житье-бытье в родовом имении, расположенном в селении Актаци в восьми километрах от Бахчисарая. Узнав о намерении Фетов посетить Крым, Ревелиоти просил «отрекомендовать» себя Марье Петровне

Фет и «приехать прямо» к ним, заранее предупредив о своем выезде¹⁹. В последующих корреспонденциях он напоминал: «Приезжай, голубчик, поскорее, пока у нас в деревне хорошо – да смотри, Афанасий, прямо к нам – напиши телеграмму в Бахчисарай, приеду на вокзал, встречу вас»²⁰.

Хлебосольный хозяин торопил с приездом, опасаясь, что осенний Крым не понравится жителям средней полосы России: «Долго ждать октября, досадно, что ты поздно приедешь, – хотя у нас октябрь большею частью хорош, но иногда бывает и бурный. А главное – тогда дороги у нас отвратительные и мой уютный уголок теряет свою красоту – ни винограду, ни плодов – все начинает мертветь. Приезжайте раньше, а то унесете о Крыме дурное воспоминание» (от 4 (16) августа 1879 г.)²¹; «...не могу не досадовать, что теперь вас здесь нет. Действительно, теперь у нас хорошо. Несмотря на мою усталость и тысячу забот, притупивших во мне любовь к природе, я не могу без наслаждения смотреть на деревья, украшенные миллионом яблок, на эти грандиозные тополи, окутанные зеленым плющом, и сквозь которого (так!) высоко, высоко виднеются большие кисти винограда. Но жаль, с каждым днем время изменяется, и еще 5–6 дней – яблоки снимут, еще дней 15–20 – и люди этот приятный, здоровый виноград превратят в одуряющий напиток, но подчас весьма утешительный, как приносящий забвение человеческим глупостям. Да, очень сожалею, что вы месяцем раньше не приехали; воздух теплый, праздничный вид нашего уголка скрыли бы из ваших глаз глубокие раны, нанесенные беспорядочным хозяйством нашей Тавриде, этой русской красавице. Вы бы унесли добрую память о ней – и снова весною посетили бы ее, и снова я обнял бы тебя, старого, доброго товарища любимой орденской семьи» (письмо от 3 (15) сентября 1879 г.)²²; «... погода меня пугает – сыро, холодно, и ты приедешь, когда будет гадко <...> Протяну уборку яблок, авось хоть один садик ты увидишь в своей красе» (письмо от 12 (24) сентября 1879 г.)²³.

Фетовские воспоминания довольно подробно воссоздают атмосферу и детали крымского путешествия. Но, судя по письмам Ксенофонта Ревелиоти, многое осталось за пределами воспоминаний, например, беседы о состоянии помещичьего хозяйства в условиях «переворотившейся» России. Этой теме уделяется много внимания в письмах Ревелиоти, который хотел получить практические советы от опытного землевладельца Фета и, возможно, непосредственную помощь в ведении его собственного, весьма расстроенного хозяйства.

Ксенофонт Ревелиоти (как и его брат Аристид) являл собой пример беспомощного хозяина. «Нет в нас практичности», – признавался он в письме от 12 (24) сентября²⁴. Он был романтически настроенным, благодушным человеком,

рисовавшим в письмах идиллические картины сельского быта: «Я никогда не смотрел на хозяйство как на источник сугубого обогащения – мне нравилось, я находил, если можно так сказать, более человеческого в этой жизни. Плуг! Уборка хлеба! Какая прелесть! Я 1½ месяца поздно при свечах возвращаюсь с поля, веселым, бодрым – ни один царь не ел так вкусно – борщ, каша, галушки, приготовление хохлушки. Весело шли работы, русские напевы сменялись татарскими <...> Эта жизнь внушала мне уважение к самому себе – а это чувство весьма утешительное. <...> Рисую тебе картину с натуры. В степи <1 нрзбр> деревце, после обеда на пальто засыпаю под ним, поодаль мой приказчик, а там солдаты, татары, хохлы, хохлушки. Сон праведника хорош – это не то, что после штоса или тяжелых часов, проведенных в камере Мирowego или окружного суда <...> Часа два сна, а там приказчик, дергая меня за ногу: “Барин, барин, вставай, пора будить на работу”. И снова закипит работа, послышатся песни»²⁵. В изменившихся реалиях сельской жизни Ревелиоти не сумел перестроиться и вести хозяйство на новых, капиталистических основах. «Нужны молодые силы и свободный капитал», – писал он²⁶.

Получив в наследство от отца солидное состояние²⁷, братья Ревелиоти не смогли достойно распорядиться им. В одном из писем Фету (от 4 (16) августа 1879 г.) Ксенофонт рассказывал о своей жизни в Актаци: «Живу в деревне, в 8 верстах от фонтана слез <...> Живу в старом отцовском доме весьма скромно, почти безвыездно 27 лет. Соседей нет, разве пристав заглянет с окладным или исполнительным листом. Отец оставил мне порядочное состояние, но, к несчастью моему, и 2 тяжбы; много покоя, здоровья, времени и денег проклятые поглотили у меня; бросал хозяйство, <рыскал> по судам и сочинял прошения. Какие мерзости! Ты же, Афанасий, узнался, 20 т<ысяч> дохода для тебя пустяк. Получай я такой куш, считал бы себя Крезом²⁸ и не жил бы постоянно в деревне. <...> У нас ... вся беда, что людей мало – цены большие и хозяйство движается дурно – все делается не вовремя, и все приходит в упадок. Старый порядок отжил свое – к новому привыкнуть трудно под старость. Нужен собственный усиленный труд – чтобы изменить все пружины этой сложной машины, как наши разносторонние хозяйства, всего понемногу. Сил же нет и денег нет»²⁹.

Зная, что Фет был образцовым хозяйственником, Ревелиоти предлагал ему купить один из своих садов в Актаци: «От тебя зависит быть со мной в соседстве – деньги есть. Легко купить здесь сад»³⁰, – писал он 20 августа (1 сентября) 1879 г. (датируется по почтовому штемпелю. – Л. Ч.). «Правда, я получил имения от отца прелестьные... Но 26 лет трудного и бестолкового моего хозяйства расстроили их. Быть может, возобновленная дружба наша, кроме душевной от-

рады, принесет мне и пользу. Отыщи мне арендатора на это имение и покупателя на другие», – просил Ревелиоти в письме от 12 (24) сентября 1879 г.³¹

В том же письме он просил помощи в извлечении прибыли из лесных владений, а также в ремонте дороги: «Еще у нас в общем владении³² вековой лес, из которого более 1000 дес<ятин> моих. Но для меня он все равно, что на луне – нужен большой капитал для того, чтобы выручить доход – от берега моря в 4 верстах и верст 30 нужно поправить дорогу. Быть может, у тебя есть человек, который улаживает подобные дела, назначь ему по своему усмотрению куртажных – великую дружбу окажешь мне»³³.

Фет, видимо, намеревался помочь Ревелиоти. Не исключено, что он пригласил в поездку своего управляющего Александра Ивановича Иоста для того, чтобы тот помог квалифицированно оценить состояние хозяйства и предложения Ревелиоти о продаже имений. Возможно, Иост задумывался о покупке имения для себя. Речь о поездке управляющего вместе с Фетами зашла только в письме от 12 (24) сентября, отправленном накануне отъезда: «Марья Степановна убедительно, от искреннего сердца просит Александра Ивановича Иоста доставить нам удовольствие своим знакомством и приездом. <...> Александр Иванович агроном, природа хороша, земля благодатная, но не понравится ему наше цыганское хозяйство»³⁴. Видимо, решение поехать втроем созрело в процессе переписки Фета с Ксенофонтом Ревелиоти, по мере открывавшихся в ней реалий.

Наверняка разговоры о хозяйстве, равно как и о прошлой военной службе в Орденском полку, продолжались и во время пребывания семьи Фетов в Актаци. Но Фет не успел помочь Ревелиоти. Последнее письмо от старого «орденца», датированное 20 июля (2 августа) 1880 г., сообщало о внезапной смерти его родного брата Аристида, вскоре после которой ушел из жизни и Ксенофонт (1 (13) августа 1880 г.).

Фет, долго ожидавший писем от Ревелиоти, поинтересовался у А. А. Кази возможной причиной молчания их общего друга-однополчанина и в ответ получил известие о его смерти: «Дорогой Афанасий Афанасьевич! Если Ревелиоти до сего времени на твои два письма не ответил, то это потому, что с того света не пишут, он вслед за его братом вскоре и сам умер; жаль очень его, но что же делать? Это участь всех смертных. Теперь же Марья Степановна, вероятно, уже несколько успокоилась, и если еще не писала тебе, то наверное скоро напишет»³⁵.

Были ли письма от Марьи Степановны Ревелиоти, неизвестно. После встречи в Актаци между семьями Фетов и Ревелиоти установились теплые, дружеские отношения, продолжилась и переписка. Ксенофонт Федосеевич рассказывал в письмах о хозяйственных заботах, о здоровье,

об общих друзьях, о смерти брата Аристида. С особой гордостью он писал о своих сыновьях, которые пошли по военной стезе³⁶. Так, 10 (22) апреля 1880 г. он извещал: «Мой Володя (старший сын. – Л. Ч.) часто нам пишет, последнее письмо было из Адена, предстоял им большой переход в Сингапур, дней 50 будет в море, тяжелая служба – то ли была наша благословенная крыловская – и переходы не слишком тяжелые, в милую Тясминку или Александрию...»³⁷; «Володя в Японии, Лева с нами, милейший, разумный юноша» (письмо от 20 июля (2 августа) 1880 г.)³⁸.

Письма Фета, отправленные после возвращения из Крыма, не сохранились. Некоторое представление об их содержании дают ответные корреспонденции Ксенофонта Ревелиоти. Так, например, из контекста письма от 10 (22) апреля 1879 г. становится ясно, что Фет с Ревелиоти обсуждали, где брать саженцы винограда, поэт просил прислать актачинские образцы культуры. Однако, по свидетельству Ревелиоти, «вследствие небывалой злой зимы виноградники померзли и разве года через два пустят живые лозы, и мы будем есть актачинский виноград <...> Впрочем вздумал просить ты у меня растений, – продолжал он, – когда морозы поглотили виноградник, а зайцы загрызли мою богатую школу – более 2 т<ысяч> деревьев в двух шагах от дома, даже в палисаднике загрызли деревья»³⁹. Ревелиоти посоветовал выписать виноград у некоего «господина» из Одессы, имя которого он не назвал.

Из воспоминаний Фета известно, что по возвращении в Воробьевку Марья Петровна, узнав об отсутствии в Крыму малины и, видимо, желая отблагодарить хозяев за гостеприимство, послала в Актаци «пуд малины, приготовленной во всех видах. Но никакого известия о получении посылки не последовало»⁴⁰. Ссылаясь на письмо от А. А. Кази, Фет указывает в воспоминаниях, что смерть К. Ф. Ревелиоти наступила «через две недели после нашего отъезда»⁴¹. На самом деле Ревелиоти умер примерно через 10 месяцев после отъезда Фетов из Крыма⁴².

Сохранились два письма Марии Ксенофоновны к Фету, относящиеся к 1891 г. Первое из них (от 16 (28) марта) было ответом на не дошедшее до нас письмо Фета, адресованное семье Ревелиоти, что явно из контекста. К письму Марии Ксенофоновны приложены три стихотворения с просьбами «указать недостатки <...> непризнанной музыки»⁴³, а также прислать фотографическую карточку. Второе письмо из Актаци (от 31 марта (12 апреля)) 1891 г. начиналось радостным приветствием: «Глубокоуважаемый, добрейший Афанасий Афанасьевич! Спешу выразить Вам мою сердечную благодарность за присланный портрет и нашу общую радость ввиду предстоящего свидания с Вами в нашем Актаци. Сегодня <на>пишу маме (она уехала в Симферополь на несколько дней) о Вашем намерении побывать в Крыму и у нас. Воображаю, как она будет обра-

дована этой вестью! Я глубоко надеюсь, что наш благодатный юг совершенно излечит Вас от Вашего мучительного недуга»⁴⁴. Намерение Фета посетить благословенную Тавриду и подлечиться там не осуществилось.

Последний документ, свидетельствующий о дружеских связях между Фетом и семьей Ксенофонта Ревелиоти, – телеграмма на смерть Фета, (принята 28 ноября (10 декабря) 1892 г.), адресованная его жене: «Глубоко сочувствуем Вашему несчастью. Пошли Господь Вам сил перенести страшное горе! Мир праху незабвенного Афанасия Афанасьевича»⁴⁵.

Поездка в Крым оставила глубокий след в душе А. А. Фета. Она оживила в памяти далекое армейское прошлое, способствовала возобновлению дружеских связей с близкими по духу сослуживцами, открыла невероятную красоту крымской природы, настоящий «край земной», по словам Фета, заставила задуматься о развитии хозяйства России в послереформенное время. В письме Н. Н. Страхову от 10 октября 1879 г., т. е. вскоре по возвращении домой, поэт делился своими впечатлениями: «Крым – это рай земной, с громадными кипарисами, лимонами, не говоря о персиках – и даже с гранатами. – Но всюду следы русской апатии и беспомощности. Крым в настоящее время тот же Севастополь. Так же, как в России, помещики жалуются на невозможность вести хозяйство, указывая на то, что богатеют армяне да немецкие колонисты, т. е. труд, а безделье уже не может стоять на своих quasi интеллигентных курьих ножках, и вот Вам история. Вот ханы – варвары – лежат в мраморных гробницах среди бывших роскошных садов, табунов, пчельников, стад овец и коров, а цивилизация поворovala леса, иссушила оросительные каналы и превратила цветущие долины в безводные степи, где не встретишь даже тощей коровы и молоко возят из Швейцарии в герметических бочках»⁴⁶.

Будучи рачительным хозяином, Фет с болью в сердце воспринимал разруху и всеобщую безхозяйственность. Причины разорения страны, превращения «рая земного» в руины он видел в бездельи, в опустошительном влиянии цивилизации, в распространении оторванного от жизни образования и др. Об этих проблемах Фет говорил позднее – в публицистике 1880-х гг.

Биография Фета, которого В. А. Кошелев называл «как будто известным, но *мало известным* деятелем русской культуры»⁴⁷, сейчас находится в стадии активного изучения и научной разработки. Не секрет, что нередко поэт сам (вольно или невольно) становился «мифотворцем» собственной жизни, причиной появления различных интерпретаций событий его биографии, неточностей в ней. Это демонстрирует, в частности, крымский эпизод в воспоминаниях Фета, в котором, видимо, вследствие аберрации памяти несколько искажена хронология событий. Переписка с семьей Ревелиоти, с сослуживцами Фета по

кирасирскому полку (С. Аргаматов, А. А. Кази), а также с доброй подругой молодости поэта А. Л. Бржеской позволяет уточнить некоторые обстоятельства пребывания Фета в Крыму, получить представление о характере общения его с Ксенофонтом Ревелиоти и другими «орденцами», дает обильный материал для комментирования фетовских воспоминаний о крымском путешествии.

Примечания

- 1 Блок Г. Летопись жизни А. А. Фета. Публикация Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения : межвуз. сб. науч. тр. Курск : Изд-во КГПИ, 1985. С. 176.
- 2 См.: Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889 : в 2 ч. Ч. 2. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1890. С. 372–380.
- 3 См. об этом: Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 298–304.
- 4 См.: Фет-Шеншин А. Записная тетрадь – дорожные расходы во время поездки в Крым // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 14. Ед. хр. 30.
- 5 См.: Ревелиоти К. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880 // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 10. Ед. хр. 58. Первое письмо датируется по почтовому штемпелю.
- 6 См.: Фет-Шеншин А. Письма к Ревелиоти К. Ф. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 4. Ед. хр. 22.
- 7 См.: Ревелиоти М. Письма к Фету-Шеншину А. А. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 10. Ед. хр. 59.
- 8 См.: Кази А. Письма к Фету-Шеншину А. А. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 8. Ед. хр. 15.
- 9 Фет А. Мои воспоминания. Ч. 2. С. 372.
- 10 Аргаматов С. Письмо к Фету-Шеншину А. А. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 5. Ед. хр. 58. Л. 1–1 об.
- 11 О взаимоотношениях Фета и А. Л. Бржеской см.: Блок Г. Фет и Бржеская // Начала : Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106–123. Фет посвятил Бржеской несколько стихотворных посланий: «А. Л. Бржеской („Далекий друг, пойми мои рыдания...”)» (1879), «Ей же („Опять весна, опять дрожат листья...”)» (1879), «Ей же („Нет, лучше голосом ласкательно обычным...”)» (1886).
- 12 «У нас 5 день гостит Висбаденская Бржеская, – писал Фет Толстому. – Бледная, больная тень когда-то прелестной женщины. Теперь после всякого *ras* она раздевается и ложится – для циркуляции крови – в постель» (Литературное наследство. Т. 103 : в 2 кн. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2011. С. 78).
- 13 «Бог знает, придется ли нам еще с Вами свидеться, голубчик дорогой мой Афанасий Афанасьевич! Оттого-то я и без зазрения совести протянула еще несколько дней по первому слову Вашей дорогой Марьи Петровны, хотя признаюсь, какое-то щекотливое чувство не оставляло меня... Совестно как-то было жить и жить на чужой счет... ужасно совестно. Поблагодарите еще Вашу добрую Марью Петровну за ее гостеприимство старому Вашему другу» (Бржеская А. Письма к Фету-Шеншину А. А. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 7. Ед. хр. 7. Л. 6 об. – 7). Датируется по почтовому штемпелю.
- 14 Бржеская А. Письма к Фетам-Шеншиным А. А. и М. П. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 7. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.
- 15 Ксенофонт Ревелиоти отреагировал на информацию о Бржеской в ответном письме: «Как посмотрела на тебя Александ<ра> Львов<на>, узнавши, что мы в хороших, дружеских отношениях? Я для них был рвотным порошком – и не скрывала свою ненависть ко мне. Я не сердился – меня никогда не интересовала внешняя сторона – и тем более тогда, когда я любил серьезные занятия». См.: Письмо Ксенофонта Ревелиоти Фету от 25 июля (6 августа) 1879 года (датируется по почтовому штемпелю) (Ревелиоти К. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880. Л. 5 об. – 6). Видимо, мнению Ревелиоти о характере отношений с Бржескими стало известно Александре Львовне, которая в письме Фету от 8 октября (н. ст.) 1879 г. отреагировала на него: «... я не ответила на уморительное замечание Ревелиоти, будто он был моей антипатией. Ничего подобного! И откуда такая ахиня приходит ему в голову? Не понимаю. Весьма редко мы его встречали, а от моей приятельницы Марьи Степановны всегда много ему похвал слышали, вот и все. Кажется, был он мне представлен, но у нас не бывал. Но Бог с ним. Пусть думает, как хочет» (Бржеская А. Письма к Фетам-Шеншиным А. А. и М. П. Л. 1 об. – 2).
- 16 Цит. по: Григорович А. История 13-го драгунского Военного ордена генерала-фельдмаршала графа Миниха полка : в 2 т. Т. 2. 1809–1860 гг. С.-Пб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. С. 163.
- 17 См.: Фет-Шеншин А. Письма к Ревелиоти К. Ф. Л. 4.
- 18 Литературное наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 290.
- 19 Письмо К. Ревелиоти от 27 июля (8 августа) 1879 г. См.: Ревелиоти К. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880. Л. 2 об.
- 20 Там же. Л. 7 об.
- 21 Там же. Л. 10.
- 22 Там же. Л. 15 об. – 16 об.
- 23 Там же. Л. 22 об.
- 24 Там же. Л. 21 об.
- 25 Там же. Л. 19–20.
- 26 Там же. Л. 21 об.
- 27 В книге «Мои воспоминания» Фет писал: «По поводу восхищения моего Актачами хозяин сказал: „Это имение представляет только бедный остаток отцовского достояния. Отец наш, отставной генерал-лейтенант, мало-помалу приобрел почти все земли южного берега, которые, конечно, в то время не представляли своей настоящей ценности, и отец приобретал их у татарских владельцев, иногда выменивая на восточные ягаганы и сабли. Только со временем все эти имения, как Мисхор, Гурзуф, Ливадия, Орианда и т. д., перепроданы им новым владельцам» (Фет А. Мои воспоминания. Ч. 2. С. 375).
- 28 Крез – царь Лидии, прославился несметным богатством, нажитым во многом благодаря чеканке монет. Правил Крез сравнительно недолго, с 560 по 546 г. до н. э. Богатство этого царя было связано не только с

- землями, которые ему подчинялись. Он первым начал чеканить металлические монеты, что стало источником баснословных доходов.
- ²⁹ Ревелиоти К. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880. Л. 2 об., 9–11.
- ³⁰ Там же. Л. 14 об.
- ³¹ Там же. Л. 18–19.
- ³² Имеются в виду общие владения братьев Ксенофонта и Аристиды Ревелиоти.
- ³³ Ревелиоти К. Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880. Л. 2 об., 22–22 об.
- ³⁴ Там же. Л. 17 об. – 18 об.
- ³⁵ Письмо от 17 (29) ноября 1880 г. См.: *Казин А.* Письма к Фету-Шеншину А. А. Л. 1.
- ³⁶ «Бог дал мне добрую семью. Один сын хорошо выдержал экзамен гардемаринном и переведен в Балтийский флот, говорят, будет назначен в заграничное плавание. Другой юнкером в Елисаветградском училище, третий в Николаеве, тоже готовится во флот. С женой и тремя дочерьми живем постоянно в деревне», – писал К. Ф. Ревелиоти Фету 25 июля (6 августа) 1879 г. (*Ревелиоти К.* Письма к Фету-Шеншину А. А. 1879–1880. Л. 6 об.).
- ³⁷ Там же. Л. 25.
- ³⁸ Там же. Л. 30 об.
- ³⁹ Там же. Л. 23–23 об.
- ⁴⁰ *Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. 2. С. 380.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Феты вернулись из крымского путешествия 8 октября 1879 г., о чем Фет написал Н. Н. Страхову 10 октября 1879 г.: «Вернувшись 8 вечером из Крыма, нашел конверт с 54 рублями <...>» (Литературное наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 291).
- ⁴³ *Ревелиоти М.* Письма к Фету-Шеншину 1891 марта 16 и 31 // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 10. Ед. хр. 59. Л. 1 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5 об.
- ⁴⁵ *Ревелиоти, семья.* Телеграмма к Фет-Шеншиной М. П. // НИОР РГБ. Ф. 315. Отд. II. К. 10. Ед. хр. 60.
- ⁴⁶ Литературное наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 291.
- ⁴⁷ *Кошелев В.* Афанасий Фет : Преодоление мифов. Курск : Курск. гос. ун-т, 2006. С. 5.

Поступила в редакцию 05.04.2021, после рецензирования 05.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 05.04.2021, revised 05.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 296–301

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 296–301

<https://bonjour.sgu.ru>

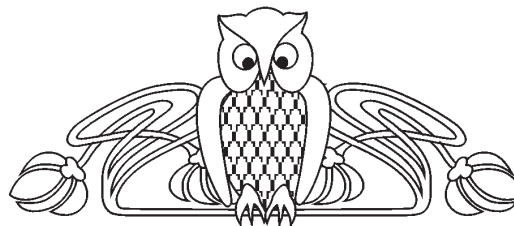
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

Научная статья

УДК [821.161.1.09:091.5]+027.021(470.44-25)ЗНБ СГУ+929[Бунин+Батюшков]

Федор Батюшков и Иван Бунин. Неизвестный автограф

В. И. Чернышева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернышева Вероника Игоревна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, chernysheva.veronika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-9794>

Аннотация. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им. Н. Г. Чернышевского обнаружен ранний, до сих пор не введенный в научный оборот, автограф Ивана Бунина. Это подписанный автором перевода экземпляр «Манфреда» Дж. Г. Байрона, отданный товариществом «Знание». Книга предназначалась Федору Дмитриевичу Батюшкову. Известно, что Батюшков, занимая пост ответственного редактора журнала «Мир Божий», писал отзывы на произведения авторов, выдвигавшихся на Пушкинскую премию.

Ключевые слова: Бунин, Батюшков, «Манфред», товарищество «Знание», Байрон, издательская репутация, начинающий автор

Для цитирования: Чернышева В. И. Федор Батюшков и Иван Бунин. Неизвестный автограф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 296–301. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Fyodor Batyushkov and Ivan Bunin. An unknown autograph

V. I. Chernysheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Veronika I. Chernysheva, chernysheva.veronika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-9794>

Abstract. In the Manuscripts and Rare Books Division of the Regional Scientific Library of Saratov State University, an early autograph of Ivan Bunin, which has not yet been introduced in scientific circulation, has been discovered. This is a signed copy of the translation of G. G. Byron's *Manfred* published by the "Znanie" Partnership. It is known that Fyodor Batyushkov, holding the post of the editor-in-chief of the magazine *Mir Bojij* (The World of God), wrote reviews of the works of authors nominated for the Pushkin Prize.

Keywords: Bunin, Batyushkov, *Manfred*, partnership "Znanie", Byron, publishing reputation, aspiring author

For citation: Chernysheva V. I. Fyodor Batyushkov and Ivan Bunin. An unknown autograph. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 296–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

2020 год, юбилейный для первого русского Нобелевского лауреата И. А. Бунина, безусловно, был знаковым для научного буниноведения. Масштабные конференции, приуроченные к 150-летию со дня рождения писателя, были проведены в ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН), на родной для Бунина Орловщине. (В Орле прошла Всероссийская научная конференция «Творчество И. А. Бунина в контексте культуры XX–XXI веков», проведенная совместно Орловским государственным университетом имени И. С. Тургенева и Орловским государственным литературным музеем И. С. Тургенева. В ИРЛИ РАН прошла международная конференция «Бунин и его время».

В ИМЛИ РАН конференция носила название «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества».) Очевидные успехи проекта «Академический Бунин», представившего в этом году научной общественности первую книгу очередного 110-го тома «Литературного наследства», посвященного юбилею (работа над изданием продолжается, запланирован выход еще трех книг с результатами исследований буниноведов со всего мира), также трудно переоценить. Разумеется, нельзя не упомянуть в этой связи вышедшее недавно в издательстве «Вита Нова» фундаментальное исследование Т. М. Двинятиной «Иван Бунин. Биографический пунктир» – первое полное жизнеописание Бунина, опи-

рающееся как на недавно обнаруженные, так и впервые публикуемые архивные документы. Издание в двух книгах представило широкой научной общественности материалы Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (Великобритания), а также хроникальные свидетельства ближайшего окружения классика, вплетенные в журнальную и газетную периодику, мемуарные штрихи к портрету юбиляра, оставленные в разное время его современниками. Все это создает уникальное по своей значимости полотно сразу нескольких страниц истории русской литературы конца XIX – первой половины XX в.

В связи с этим особую актуальность приобретают любые разыскания и находки, связанные с жизнью, творчеством, кругом общения И. А. Бунина, а также интерпретациями фактов его биографии, восприятием их массовым читателем, зрителем, открытиями и презентацией новых научно-исследовательских методов, которые, безусловно, существенно обогатила сама возможность создания единой для исследовательского поля цифровой среды (речь о проекте «Академический Бунин»). В этом же ряду необходимо упомянуть и несобственно-художественные тексты, а именно автографы, оставленные Буниным и, наоборот, адресованные ему. В исследовании, равно как и каталогизации автографов, несомненно, еще остались белые пятна. Так, в отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им Н. Г. Чернышевского (далее ЗНБ СГУ) нами был обнаружен ранний автограф Бунина, до сих пор не введенный в научный оборот.

Можем предположить, что надпись «Многоуважаемому Федору Дмитриевичу Батюшкову. Ив. Бунин», оставленная автором перевода в левом верхнем углу форзаца «знаниевского» издания «Манфреда» Байрона, вышедшего отдельной книгой в 1903 г., хотя на обложке указан 1904-й, имела целью для автора перевода заручиться поддержкой человека, непосредственно оценивающего качество произведений, выдвигавшихся на Пушкинскую премию. Кроме того, как известно, художественный перевод как таковой был предметом специального интереса Ф. Д. Батюшкова.

Очевидная научная ценность находки состоит в том, что все другие автографы Бунина и его жены, имеющиеся в Саратове, введены в научный оборот давно. Они были переданы в ЗНБ СГУ в 1978 г. дочерью К. А. Федина. Выполняя волю отца, Н. К. Федина обогатила фонды библиотеки книгами с автографами не только И. А. Бунина и В. Н. Буниной, но также экземплярами различных изданий с инскриптами Р. Роллана, С. Цвейга, Л. Франка, М. Горького, А. Н. Толстого, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака¹.

Книги с автографами Бунина К. А. Федину, как известно, были подарены В. Н. Муромцевой-Буниной, инициировавшей и терпеливо

продолжавшей многотрудный для Бунина путь «возвращения на родину стихами». В 1959 г. она отправила Федину бандероль с улицы Ж. Оффенбаха в Париже, где с 1922 по 1953 г. жил Бунин. В той посылке была ее книга «Жизнь Бунина 1870–1906», вышедшая в 1956 г. Кропотливого документальному воссозданию жизнеописания Бунина, хронологически доведенному до момента встречи будущих супругов в 1906 г., был предпослан автограф: «Многоуважаемому Константину Александровичу Федину на добрую память. В. Муромцева-Бунина. Париж. 10. III. 59»².

Представленное же издание перевода «Манфреда», судя по соответствующей ведомственной печати, ранее принадлежало библиотеке Института народного просвещения г. Саратова. Как и когда экземпляр попал туда и где находился прежде – предмет отдельного историко-литературного разыскания. Мы же остановимся на отношениях между автором перевода и предполагаемым рецензентом – адресатом автографа, о которых говорить можно, разумеется, не только в связи с вышеописанной находкой.

Примечательно, что еще один экземпляр перевода «Манфреда» из того же тиража, подписанный Буниным, упоминается в сообщении В. Г. Лидина «О некоторых автографах И. А. Бунина», опубликованном в «Литературном наследстве»³. «Михаилу Васильевичу Аверьянову от всей души», – гласит надпись на книге. Книга предназначалась М. В. Аверьянову (1867–1941), издателю, библиофилу, много лет, кстати сказать, хранившему у себя подлинную рукопись стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда», к сожалению, утраченную во время войны уже после его смерти. Мы видим, что тексты автографов Бунина Аверьянову и Батюшкову, оставленные на одинаковых экземплярах книг, не идентичны, что важно в данном контексте, поскольку позволяет рассуждать как об отношениях с адресатами автографов, так и о том, что значил этот перевод для самого автора.

Историк литературы, видный ученый-филолог (ученик и последователь А. Н. Веселовского), а также литературный и театральный критик, журналист, общественный деятель Ф. Д. Батюшков (1857–1920), как известно, был автором статьи, посвященной Бунину, в «Русской литературе XX века» под редакцией С. А. Венгерова. А в тот момент, когда Бунин подписал ему экземпляр «Манфреда», занимал пост ответственного редактора журнала «Мир Божий» (1902–1906).

О своей работе над переводом «Манфреда» Бунин впервые упоминает 15 декабря в 1902 г. в письме к К. П. Пятницкому. Сетует, что перевел «очень болтливо», сообщает, что переделывает коренным образом и потому просит отсрочки до последних чисел декабря. Интересуется при этом все-таки, когда выйдет книга, если он представит текст к первому января, и твердо обещает, что корректуры не будет, поскольку вещь неболь-

шая. «...Ведь если бы я теперь представил – все равно вот-вот праздники <...> Очень прошу Вас ответить немедленно (эти слова Бунин выделяет. – В. Ч.) – мне очень совестно и тяжело. Будьте снисходительны»⁴. Тогда же Бунин приложил к письму гранки, словарь и список рисунков, т. е. подробное оглавление.

Бунинский перевод «Манфреда» в «Знании» вышел в итоге только в середине октября 1903 г., хотя на титульном листе значится 1904 г. Выходу его предшествовало продолжение переписки с Пятницким. Бунин просит отсрочки предоставления текста в издательство ввиду болезни и невозможности окончить перевод в срок, Пятницкий же убеждает его работать над «Манфредом» не торопясь.

Известно также, что Бунин хотел издать в «Знании» переводы отдельной книгой. Однако не делать этого, дабы не исказить представлений публики о себе как о поэте, убедил его Горький: «Этим изданием вы должны будете понизить интерес публики к вашим оригинальным вещам»⁵; «<...> она [публика] переводы Ваши, конечно, не уравнивает с оригинальными стихами, да еще переводы известных вещей. Как вы полагаете?»⁶. Так и получилось – отдельной книгой переводы Бунина в «Знании» не выходили.

Кроме самого текста драмы «Манфред», книга, выпущенная товариществом «Знание», содержит каталог книжного склада книгоиздательского товарищества «Знание» от 20 марта 1903 г. Здесь же сообщается, что лица, выписывающие книги из каталога, не платят за пересылку, а также что книжный заказ считается оплаченным, если читателем внесено не менее четверти его стоимости. Предлагаемое издание описано в подробностях, сообщается, что вышло «роскошно иллюстрированное издание» бунинского перевода «Песни о Гайавате» по цене два рубля и «дешевое издание» за 40 копеек. Здесь же упомянуто, что книга содержит портрет Лонгфелло, около 400 рисунков в тексте, «тот же перевод, те же иллюстрации», как и в «роскошном издании», но «бумага и формат другие». И тот, и другой варианты перевода были иллюстрированы рисунками американского художника Фредерика Ремингтона (1861–1909), пожалуй, на тот момент самого популярного в России визуализатора эстетики Дикого Запада. Примечательно, кстати, что историки искусства отмечают факт влияния на художника русского баталиста Василия Верещагина, с чьим творчеством Ремингтон познакомился еще в 1888 г. на выставке в Нью-Йорке.

В «знаниевском» издании «Манфреда» Байрона помещено любопытное приложение, представляющее собой выдержки из газетных и журнальных рецензий на перевод Бунина «Песни о Гайавате». Один только беглый взгляд на это ревью, озаглавленное «Отзывы печати о переводе Ив. А. Бунина», безусловно, должен был заставить читателя заинтересоваться. «Молодой

автор», которому читатель «знаниевских» книг обязан был знакомством с Лонгфелло и благодаря которому теперь предстояло познакомиться с Байроном, представлен в самом выгодном свете, да и само обилие и разнообразие цитируемых изданий не может не вызвать интерес к переводчику. Возникает мысль о том, что Горький, возможно, и не был прав, отговаривая молодого автора издавать переводы отдельно. Обзор критических откликов на перевод «Песни о Гайавате» свидетельствует как раз об обратном. Если верить рецензентам, переводчик незаурядно талантлив, и вряд ли тревоги Горького о том, что имена авторов оригиналов заслонят от читателя молодое дарование переводчика, были оправданны. Возможно, их слава и не помешала бы собственной писательской карьере молодого Бунина, вопреки опасениям Горького. Однако вернемся к описанию «знаниевского» «Манфреда». Тип издания, логика размещения материала, на наш взгляд, наглядно и красочно не только характеризует издательскую политику товарищества, но также дает представление о литературном процессе времени появления на книжном рынке переводов Бунина. Подборку критических отзывов на перевод «Песни о Гайавате», помещенный в книге с бунинским переводом «Манфреда» Дж. Байрона, открывает выдержка из анонимной рецензии газеты «Русские ведомости»: «Во всемирной литературе немного есть эпических произведений, которые по художественной красоте превосходили бы “Песнь о Гайавате”... Перевод исполнен прекрасно во всех отношениях»⁷.

Цитируются также публикации из «Вестника воспитания», «Одесского листка», «Жизни». «Сын Отечества» называет перевод Бунина «незаурядным», «сделанным с величайшей тщательностью». «Стих легок и музыкален, образы поэтичны, тон выдержан прекрасно и как нельзя лучше передает то величественное впечатление, какое и должна передавать “Песнь о Гайавате”, – делится своими восторгами журналист издания. – “Песнь о Гайавате” – одно из замечательнейших произведений знаменитого американского поэта <...> Благородный и величественный образ Гайаваты, постоянно борющегося со злом и глубоко страдающего за людей, производит необыкновенно облагораживающее и возвышающее впечатление...»⁸. Как видим, индейская Эдда, нежную любовь к которой Бунин нес в сердце из глубокого детства, встречена критикой благожелательно.

Приведен здесь и отклик журнала «Мир Божий» (рецензия дана без подписи): «Лонгфелло принадлежит к благороднейшим поэтам нашего времени и по своему исключительному поэтическому дарованию, но и по широким интересам и высоко гуманному настроению <...> В Великобритании он занимает место в ряду величайших поэтов <...> Лучшая поэма его – “Песнь о Гайавате”. Переводчик успешно справился со своей

нелегкой задачей, сумев сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабив его могучей образности, что очень редко случается с нашими стихотворениями <...>⁹.

Очевидно, что мнением Батюшкова Бунин дорожил и, конечно, был знаком с опубликованным на страницах октябрьского номера «Мира Божьего» в том же 1903 г. обзором «Новые побеги русской поэзии». Бунинский сборник «Стихотворения» критик анализирует в этой статье наряду со «Стихотворениями» А. М. Федорова и «Будем как солнце» К. Д. Бальмонта, во многом полемизируя с «летописцем» поэзии «гнева и скорби», как он сам его называет, Н. А. Котляревским. При всей разности и в качественном, и в количественном отношении некоторых претензий к выбранным трем поэтам Батюшков все же провозглашает их творчество выходом из некоего кризиса, сложившегося, по его мнению, в последние десять–пятнадцать лет. Хотя слово «кризис» он, конечно, не употребляет, но тенденция смены настроения в молодой поэзии явно импонирует ему. Батюшкова обнадеживает то, что «поколение нытиков сложило свое оружие, выплакав свое бессилие»¹⁰. И разбирая поэзию Федорова, Бальмонта и Бунина, он, подчеркивая их различия, в то же время усматривает в их творчестве общую тенденцию – склонность к радости бытия как таковой при различии творческих методов и поэтических форм.

В частности, Бунин критик хвалит за то, что в поэзии его нет ничего декадентского, но в то же время стих его ничуть не банален. Вписывая молодого поэта в привычный, но почетный ряд «Пушкин – Лермонтов – Тютчев» (Батюшков в связи с Буниным выстраивает эту цепочку именно в таком порядке), он отмечает, что ему удастся при этом не быть ни подражательным, ни банальным. «Г. [господин] Бунин совершенный романтик, или нео-романтик по настроению. Вполне новых, вполне оригинальных мыслей и тем мы едва ли найдем в его сборнике (имеется в виду сборник, вышедший тогда же, когда и перевод «Манфреда», в 1903 г. – В. Ч.). Но все-таки он говорит нам *свое* (курсив Батюшкова. – В. Ч.)»¹¹. Любопытно, что чисто стилистических претензий к стиху Бунина у Батюшкова почти нет. Он лишь констатирует, что местами это почти проза. Не в пример разбору бальмонтовских образов, спорность лексического и ритмического аккомпанемента которых Батюшков иллюстрирует скрупулезно и щедро.

Однако вернемся к переводу «Манфреда». Вероятно, адресуя свой вновь вышедший перевод знатоку мировой литературы Ф. Д. Батюшкову, Бунин дорожит не просто его мнением как фигуры влияния в издательском мире. Ему скорее важна та тонкость понимания Батюшковым поэзии в целом, которую критик демонстрирует, в частности, в статье «Новые побеги русской поэзии», где Бунину, кстати сказать, уделено не так

уж много внимания, но суть сказанного близка поэту. Вот почему, вероятно, он дарит Батюшкову экземпляр издания, заметим, не из «роскошных». Он как бы передает ему то, что дорого изнутри, и дорого чем-то большим, чем общий интерес поэтов в 1900-е к байронизму.

Бунинский байронизм – это, как известно, не просто литературное паломничество переводчика к оригиналу («Манфред», «Каин», «Небо и земля»). В девятисотые годы он путешествует по байроновским местам. Он стремится реально преодолеть метафизические пути в Швейцарских Альпах и самого Байрона, и его героя – можно утверждать, что он сознательно идет к творческому опыту переложения поэтического текста на русский язык через некую собственную трансформацию, собственный очень личный опыт. О том, что это действительно было так, и этот опыт далеко не просто работа с текстом, когда «переводчик не раб, а соперник», свидетельствует и тот факт, что много лет спустя он упоминает об этом опыте в философском трактате «Освобождение Толстого».

Вопрос о том, что Байрон вошел в культуру Серебряного века во многом именно благодаря этим переводам Бунина, подробно разбирается, в частности, в диссертационном исследовании С. Б. Климовой «Байрон в восприятии Бунина: аспекты рецепции»¹². Байронизм рассматривается автором в контексте русской переводческой культуры начала XX в., специфика бунинских же опытов с этой точки зрения, по мысли Климовой, не подражательна или вторична, как любой голос в унисон хора в духе времени, а, напротив, оригинальна. И, больше того, хранит в себе ключи к пониманию зрелого бунинского творчества, и даже его взглядов, высказанных позднее в публицистике и переписке. Тот самый демон как часть человеческой психики, существующий будто бы в противовес божественной природе души, – не это ли тема почти всего позднего творчества Бунина? И именно свое, быть может, в 1900-е еще самому едва слышимое, но настойчиво проигрывающееся где-то в глубинах собственной поэтической природы звучание этого мотива и хочет сообщить молодой автор «многоуважаемому» Ф. Д. Батюшкову. Он адресует экземпляр перевода с автографом тому, чей слух, по предположению поэта, тоже обязательно должен это различить, уловить, учесть, откликнуться.

Для Бунина, в отличие, смеем предположить, даже и от самого Байрона, как это ни парадоксально, все это – от эстетики до проблематики – гораздо больше, чем литературный миф, который в процессе перевода становится частью собственного художественного мира. И в этом ранний Бунин едва ли не больше модернист, чем сами модернисты, его творческий эксперимент шире игры с текстом оригинала, больше диалога с чужой культурой, важнее заимствования с целью прочесть «другому», чтобы понять само-

му. Это в чем-то, быть может, попытка продолжать следовать кумиру юности Л. Н. Толстому, который при встрече убеждал своего молодого последователя все-таки пойти своим путем, отговаривая от окончательного опрощения, попытка перерождения в рамках земной жизни, осознаваемая или нет. Смелый опыт прорыва к трансцендентному – через опрощение ли, через перерождение ли, через путешествие ли по следам чужого, но не чуждого творческого «я» – не важно, но опыт обязательно осуществленный, предпринятый, реально прожитый творческой единицей бытия – человеком-художником – в рамках собственной земной жизни.

Вернемся к автографу. Известно, что обращение «многоуважаемый» устойчиво и общепотребительно. Это видно даже при сравнении приведенных выше автографов В. Н. Буниной – К. А. Федину и И. А. Бунина – Ф. Д. Батюшкову. В девятисотые годы и позднее «глубокоуважаемый» и «многоуважаемый» было одинаково распространено и востребовано эпистолярным жанром. Но есть все-таки едва уловимая семантическая разница между, например, «глубокоуважаемый» – обращением, не менее распространенным в таких случаях, и «многоуважаемый». «Глубокоуважаемый» в каких-то контекстах могло звучать немного подобострастно или, наоборот, иронично¹³. Характеризовало больше адресанта и ситуацию, нежели адресата. В некоторых случаях воспринимается более официально, а вот «многоуважаемый» – это и «уважаемый много», и «уважаемый многими». То есть некое априорное положительное качество незаурядной личности, возможно, напрямую не связанное с конкретным поводом письма, записки, обращения, автографа (как в данном случае), нечто неоспоримо являющееся фактом объективной реальности.

Именно таков был Ф. Д. Батюшков – уважаемый многими, что позволяло ему быть влиятельным, востребованным и при этом оставаться независимым в суждениях, не страшась быть полемичным. Не боялся, вопреки моде, открыто отрицать здоровое зерно в декадентстве, спорив, в частности, с Н. А. Бердяевым и тем же самым заслужив в свой адрес отповедь Д. В. Филоsoфа под названием «Литературный чиновник», опубликованную на страницах журнала «Мир искусства» в 12-м номере за 1902 год. Впрочем, чиновников на Руси от века почитают, но с чиновниками редко дружат. Вот лишь малая часть большого круга общения Ф. Д. Батюшкова: А. Н. Бекетов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. Е. Репин, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. И. Куприн. А вот слова из дневника «многоуважаемого» Ф. И. Батюшкова, приводимые в воспоминаниях его племянницы и приемной дочери Е. Батюшковой: «Доверие к людям необходимо, даже если бы и пришлось за него поплатиться. Я ни разу не помню, чтобы

был кем-либо вполне обманут, хотя часто бывал обманываем. Я бы сказал, что как относишься к людям, так и к Вам отнесутся, если бы это не звучало прописным парадоксом, однако, парадоксом, в котором большая доля правды, больше чем думают»¹⁴.

О том, что этот «прописной парадокс» был для самого Батюшкова вовсе не общим местом, а важной составляющей жизненного кредо, если не сказать, самой основой его личности, нам позволяют судить воспоминания многих его современников. Кстати, именно так – «Многоуважаемый Федор Дмитриевич!» – обращается к Батюшкову и Горький, когда просит ссудить ему денег в счет будущего гонорара¹⁵. В ответ на эту просьбу Батюшков прислал деньги, подарившие Горькому, по его собственным воспоминаниям, «месяц свободы».

Известно, что никакие просьбы, обращенные к нему, Батюшков не оставлял без ответа, даже если бы и исполнение их шло в ущерб его собственному благополучию или комфорту. А о том, что переписка со многими авторами очень быстро переходила из плоскости чисто деловой в общечеловеческую, свидетельствуют и письма его к Короленко, Чехову¹⁶. «Прошу принять к сведению, что ваш прибор всегда накрыт за моим столом, когда бы мне не случилось обедать дома», – пишет он Короленко. Или в письме к Чехову: «Надо жить, Антон Павлович, надо справляться с грустными думами о том, что было возможно вчера, сегодня уже не воскресимо. Вот Вы помогли нам пережить это настроение – помогите перейти и к другому: что все же есть смысл в жизни». И в конце Батюшков добавляет: «Однако простите, что Вам пишу не по-редакторски»¹⁷. О том, насколько глубоко человеческие отношения связывали Батюшкова с Чеховым, известно. Наверняка, это было хорошо известно и Бунину. Доброта, отзывчивость, человечность – вот доминанты личности Ф. Д. Батюшкова.

Таким образом, мы видим, что немногословный и, на первый взгляд, вполне формальный с точки зрения жанра автограф Бунина, поставленный на изданном «Знанием» переводе «Манфреда» Байрона, бесспорно, является красноречивым штрихом к портрету незаурядной личности Ф. Д. Батюшкова в интерьере эпохи.

Примечания

- ¹ См.: *Артисевич В.* Автографы в личной библиотеке К. Федина // Проблемы развития советской литературы: Проблематика и поэтика творчества К. А. Федина: межвуз. науч. сб. / отв. ред. П. А. Бугаенко, В. А. Ковалев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 137–165.
- ² *Попкова Н.* Автографы И. А. Бунина и В. Н. Буниной из собрания К. А. Федина // Русское Подстепье в историко-культурном и литературно-лингвистическом преломлении: сб. материалов по итогам науч.-практ. конф., посвящ. памяти С. В. Красновой / отв. ред. Н. Н. Ком-

- лик. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2009. С. 57.
- ³ См.: *Лидин В.* О некоторых автографах И. А. Бунина // Литературное наследство. Т. 84 : Иван Бунин : в 2 кн. Кн. 2. М. : Наука, 1973. С. 445.
- ⁴ *Бунин И.* Письма 1885–1904 / подгот. текстов писем и коммент. С. Н. Морозова [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Михайлова. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 417–418.
- ⁵ Там же. С. 449.
- ⁶ Там же. С. 706.
- ⁷ *Байрон Д.* Манфред / пер. Ив. А. Бунина. СПб. : Знание, 1904. С. 65.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 66.
- ¹⁰ *Батюшков Ф.* Новые побеги русской поэзии // Мир Божий. 1903. № 10. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² См.: *Климова С.* Байрон в восприятии Бунина : аспекты рецепции : дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
- ¹³ См. об этом, например: *Евсеева И., Морозова А.* Речевой жанр «Автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 61. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65>
- ¹⁴ *Батюшкова Е.* О Федоре Дмитриевиче Батюшкове // К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн : материалы Всерос. науч. конф. в Устюжне о жизни и творчестве Батюшковых и А. Куприна (28–29 сент. 1966 г.) / ред. И. В. Гура. Вологда : [б.и.], 1968. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/bat/8_09.htm (дата обращения: 06.05.2021).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.

Поступила в редакцию 10.05.2021, после рецензирования 14.05.2021, принята к публикации 16.05.2021
Received 10.05.2021, revised 14.05.2021, accepted 16.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 302–307

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 302–307

<https://bonjour.sgu.ru>

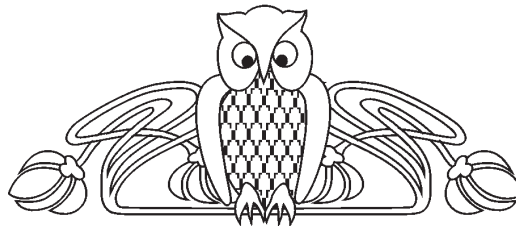
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-302-307>

Научная статья

УДК 821.111.09+821.111(73).09+008(470+571)(09)+929Хирн+929

Лафкадио Хирн и Россия

А. Н. Сальникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Сальникова Анастасия Николаевна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы, heiligtokio@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1019-4307>

Аннотация. В статье исследуется рецепция англо-американского писателя Лафкадио Хирна в России. Проанализировано литературное влияние Л. Хирна на К. Д. Бальмонта и его индивидуальную мифологию, выявлена связь с такими русскими деятелями культуры, как С. М. Эйзенштейн и П. А. Флоренский. Эссе Л. Хирна «Живой бог» сопоставлено с его переводом, сделанным К. Д. Бальмонтом. В свете звукозрительных соответствий С. Эйзенштейна рассмотрена работа Л. Хирна с цветом в своих произведениях.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, синкретизм, звукозрительные соответствия, Л. Хирн, К. Д. Бальмонт, С. М. Эйзенштейн, П. А. Флоренский

Для цитирования: Сальникова А. Н. Лафкадио Хирн и Россия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 302–307. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-302-307>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lafcadio Hearn and Russia

A. N. Salnikova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anastasija N. Salnikova, heiligtokio@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1019-4307>

Abstract. The article studies the reception of the Anglo-American writer Lafcadio Hearn in Russia. The author analyzes the literary influence of L. Hearn on K. Balmont and his individual mythology, reveals the connection with such Russian cultural figures as S. Eisenstein and P. Florensky. The essay “Living God” by L. Hearn is compared with its translation by K. Balmont. The use of color in works by L. Hearn is considered from the standpoint of Eisenstein’s sound and visual correspondences.

Keywords: myth, myth-making, syncretism, sound and visual correspondences, L. Hearn, K. Balmont, S. Eisenstein, P. Florensky

For citation: Salnikov A. N. Lafcadio Hearn and Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 302–307 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-302-307>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Лафкадио Хирн (1850–1904) – англо-американский писатель греческого происхождения, «литературный Колумб», открывший не одну культуру и прославившийся своими японскими рассказами. Родился он в Греции в семье ирландского военного врача и матери-гречанки. Затем в детском возрасте переехал в Ирландию, учился в Англии, в подростковом возрасте из-за детской шалости частично потерял зрение. В 1869 г. отправился в Америку, в Цинциннати, где впервые стал известным в качестве писателя и криминального корреспондента (в Cincinnati Daily Enquirer). Его серия статей об убийстве на кожевенном заводе (The Tanyard Murder) стала сенсацией в 1874 г. В 1877 г. Хирн отправляется в Новый Орлеан и пишет о культуре креолов для

Daily City Item и Times Democrat, собирает местные поговорки, рецепты, песенки, мистические истории. Одним из первых он заинтересовался умирающей креольской культурой и открыл Новый Орлеан. Хирн был обеспокоен стремительным развитием современной цивилизации, индустриализацией, предчувствовал «закат Европы» и искал спасения в других культурах. В 1887 г. он переезжает на Мартинику и продолжает собирать местные легенды. По заданию редакции Harper’s Magazine в 1890 г. он едет в Японию, и так случается, что остается там до самой смерти в 1904 г. Он преподает английский язык японцам и читает лекции по европейской литературе, женится на японке, меняет имя на Якумо Коидзуми и принимает буддизм. Хирн пишет о

нравах японцев для англоязычной газеты Kobe Chronicle, основная же часть трудов продолжает издаваться в Америке и уже с английского языка переводится на японский. Хирн оживляет традиционный для Японии жанр «кайдан» (рассказ о встречах с привидениями и злыми духами), сочетая восточную и западную традиции.

Среди экзотических, восточных стран, привлекавших Хирна, была и Россия. Хирн любил русских писателей, восхищался Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, Н. В. Гоголем, говорил, что «Новь» И. С. Тургенева превосходит «Отверженных» В. Гюго. Особенно отмечает мастерство русских писателей в создании небольших произведений (сам Хирн писал в основном рассказы, малые по объему). Россия, наравне с Грецией или Японией, была для писателя страной, к которой он испытывал особую симпатию. Протестантский мир, считал Хирн, быстро стал холодным, оттуда ушли боги и призраки. Россия же среди тех стран, где их еще можно найти. Россия также проявляет интерес к необычному писателю. Первые критические статьи о нем появились еще в 1895 г.¹, а переводы на русский начинают издаваться с 1904 г., но после 1918 г. о Хирне надолго забыли в России, следующий перевод датируется лишь 1997 г. По замечанию А. Б. Танасейчука, «привидениям и духам этого странного писателя не могло быть места в советской действительности»². Однако Хирна продолжают читать. В Европе с восхищением о Хирне отзываются Г. фон Гофмансталь, С. Цвейг, У. Б. Йейтс, в Японии он почитается наряду с классиками национальной литературы, в России о нем пишет творческая интеллигенция – К. Д. Бальмонт³ и неожиданно П. А. Флоренский⁴ и С. М. Эйзенштейн⁵.

Хирн прославился в мире, в том числе и в России, прежде всего своим японским творчеством. С середины XIX в. в Европе начинается мода на все японское – так называемый «японизм». На протяжении долгого времени Япония была закрытой страной и вызывала неподдельный интерес со стороны Европы и Америки, стремившихся устранить оставшиеся неизведанные «белые пятна» на карте. Визуальный облик Японии сформировало искусство. На всемирных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867) Япония впервые представила образцы своего искусства, впечатлив многих западных деятелей культуры. О ней стали писать братья Гонкур, импрессионисты вдохновлялись ее живописью. Начал формироваться западный миф о живописной Японии, который в дальнейшем поддерживал в своем творчестве П. Лоти⁶, а отчасти и Л. Хирн.

В дальнейшем именно Европа и импрессионисты принесли «японизм» в Россию. Здесь образ сказочной Японии сосуществует с мифом о «желтой опасности», сложившимся под влиянием военных действий Японии и русско-японской войны (1904–1905). Для К. Д. Бальмонта (1867–1942) Япония была утопией, несмотря на то, что

он лично побывал там. Подобное мировоззрение укладывается в концепцию ориентализма, описанную Э. Саидом: «Восток востоковедов» не имеет ничего общего с реальностью. Книжная традиция создания мифического Востока, выросшая на двух крайностях (восхищение Востоком и отвращение к его бесчеловечности, отсталости), подкрепляется личным опытом людей, непосредственно побывавших там. Однако на Востоке они ведут «привилегированную жизнь типичного европейца»⁷. Это можно отнести как к Бальмонту, пробывшему в Японии всего пару недель в 1916 г., так отчасти и к Хирну, который, несмотря на то что жил там много лет, общался в основном либо с европейскими экспатриантами, либо с образованными японцами, принимавшими западную культуру.

На этом сходство Хирна и Бальмонта не заканчивается. Бальмонт, как и Хирн, интересуется легендами разных народов, их культурой, историей и верованиями. Он увлекается Испанией, переводит Лопе де Вега, Тирсо де Молину, в 1900 г. публикует свои переводы испанских народных песен. В 1908 г. он выпускает сборник «Зовы древности: гимны, песни и замыслы древних», где собраны фольклорные мотивы Китая, Египта, Индии, Ирана и других восточных стран. В 1905 г. Бальмонт отправляется в Мексику, а в 1910 г. пишет сборник «Змеиные цветы» на основе мексиканских рассказов и вольных переложений индейских космогонических мифов и преданий из священной книги «Пополь-Вух». В дальних странах он пытался найти человека, отличного от европейца, естественного и «первичного», «Поэта»⁸. Исследователь К. М. Азадовский также отмечает тягу Бальмонта к мифам и легендам: «Какой бы страной ни увлекался Бальмонт, он всегда обращался не только к ее языку, но и к фольклору – мифам, песням, преданиям, внимательно изучал, пытался перевести на русский. Древняя народная поэзия мыслится им как высшая эстетическая ценность. Лишь в произведениях, которые создавались “естественно”, воплощена, как виделось Бальмонту, религиозная душа народа и запечатлено изначальное единство человека и природы»⁹. В Японию писатель отправляется в 1916 г., скорее всего, уже познакомившись с творчеством Л. Хирна. Изначально Страна восходящего солнца приводит Бальмонта, как и Хирна, в восторг: «За неделю в Японии я не видел ни одного униженного человека, ни одного оборванца, ни одной ссоры, не слышал не только ни одного грубого голоса, но и ни одной грубой интонации ни в одном голосе. Разве это не сказка? Разве это не одна из самых прекрасных сказок, которые можно вообразить? Я люблю и уважаю японцев»¹⁰. Очарован Бальмонт не только Японией, но и Хирном: «Читаю книги Лафкадио Хирна о Японии и восхищаюсь его тонким проникновением и четкой изобразительностью, не считайте мои слова за *mania*

grandiose, но мне кажется, что, кроме Хирна и меня, никто из белых не понял Японии и японцев»¹¹.

После визита в Японию Бальмонт выступает с лекциями о ней, пишет стихотворения на японскую тему, переводит японскую поэзию (с европейских языков). Также он, уже находясь во Франции, делает переложение легенды Л. Хирна («единственного европейца, до конца сердечно и тонко понявшего японскую душу»¹² – так отзывался о нем Бальмонт) из очерка «Живой бог» (A Living God) и публикует его в 1934 г. в газете «Последние новости» под собственным названием «Огонь спасающий». В изложении Бальмонта эта легенда о Хамагути Гохее становится частью собственной мифологии писателя.

Оригинальный очерк Хирна, опубликованный в американском журнале *Atlantic Monthly*, состоит из трех частей. В первой описывается синтоистский храм и верования обычных крестьян: храм, органично вписанный в окружающий ландшафт, составляет единое целое с землей, он сравнивается с домом призраков, где обитают боги и духи. Общие представления о гармоничном сочетании японской архитектуры и природы (которые актуальны и по сей день) сменяются субъективными авторскими мыслями о Японии, которая теряет своих богов. Хирн и одновременно лицо, от которого идет повествование, представляет, что бы могли видеть эти боги, как бы могли чувствовать. Но вскоре полет фантазии прерывается: «But I never can become a god, – for this is the nineteenth century; and nobody can be really aware of the nature of the sensations of a god – unless there be gods in the flesh. Are there? Perhaps – in very remote districts – one or two. There used to be living gods»¹³. Живым богом когда-то мог стать любой человек, если совершил великое и доброе дело, сейчас же его можно встретить лишь в глубинке. Во второй части речь идет о нравах японских крестьян, их взаимопомощи, отличии от городских жителей, они идеализируются писателем. Третья представляет собой иллюстрацию двух предыдущих, «географических», частей: рассказывается история о старом Хамагути Гохее, который при жизни стал живым богом, спасшим целую деревню от цунами. Он поджег все рисовые поля – свое богатство – чтобы на огонь сбежались люди на самое высокое место и укрылись от волны.

Именно последнюю часть не полностью переводит Бальмонт. Он отстраняется от японских реалий, описанных Хирном верований, размышлений об особенностях архитектуры, опускает все географические (у Хирна всегда легенда связана с реальным местом) и этнографические подробности. Избегает японских слов, которые Хирн часто вводит и объясняет (так, в этом очерке впервые в английском языке появилось широко теперь известное японское слово *цунами*, которое Бальмонт перевел как «вал от

края к краю»). Бальмонт меняет и само название: «Живой бог» превращается у него в «Огонь спасающий», что органично вписывается в личную мифологию писателя, для которого образы огня и солнца имели особое значение. Кроме того, он добавляет от себя восхваление огня и Хамагути, чем и заканчивает рассказ: «Слава зоркому, благому, сжегшему свое богатство, – в мгновениях решающие быстро зажегшему Огонь спасающий!»¹⁴. При этом опускается важная часть – то, чем на самом деле заканчивается оригинальный рассказ. Легенда о Хамагути вписана у Хирна в контекст, после изложения истории о живом боге идет дополнение автора, в котором писатель пытается объяснить религию Синто с рациональной стороны: он спрашивает у буддийского философа, как такое возможно, что тело Хамагути находилось в одном месте, дома, а его душа – в храме, который построили в честь него благодарные жители и приходили туда поклоняться Хамагути, хотя он, вполне живой, находится поблизости. Философ говорит ему о доктрине всеобщего единства разума, человек и его душа могут быть одновременно во многих местах, что значительно отличается от западных представлений. Важно также и то, что философ является буддистом, а в те времена в Японии на буддизм были гонения, в противовес ему утверждался политический синтоизм, в котором вся власть считается божественной. Хирн же не только опускает богов на землю и приводит в пример обычного крестьянина – живого бога, а не императора, но и показывает, как сосуществуют две религии: буддизм рационально объясняет крестьянскую религию. Будучи поклонником Г. Спенсера, Хирн считал, что многому можно найти научное обоснование, а наука и религия не противопоставляются, а дополняют друг друга. Японские традиции он вписывает в западный контекст.

Для Хирна существовало две Японии: мифическая/романтическая, та, которую позднее Гертруда Стайн назовет «другой»¹⁵, и реальная. В. Э. Молодяков называет Хирна «не только ценителем живописной, но и несомненным знатоком настоящей Японии»¹⁶. Хирн отошел от книжного Востока, попытался понять религию и философию этого народа, самих людей. Божественный план соединен у него с повседневным. Построенная как легенда, история Хирна отражает современные ему реалии: крупное цунами, произошедшее в Японии в 1896 г., за год до написания очерка, сосуществование двух религий, политический подтекст, к тому же саму историю о Хамагути Хирн прочел в газете (в 1854 г., также во время цунами, староста деревни спас многих своих товарищей, хотя эта история была сильно изменена). Настоящее Хирн превращает в миф, предвосхитив эксперименты модернистов. Для Бальмонта же Япония предстает в рамках модного «японизма». Как справедливо замечает Молодяков, «как и все другие “экзотические” страны

и культуры, Бальмонт воспринимает и воспекает Японию по законам своего личного мифа»¹⁷. Однако миф о японской утопии, отчасти все-таки сформированный Л. Хирном, оказал влияние на бальмонтовский оригинальный образ Японии, «корня солнца», как называл ее поэт.

На русского режиссера С. М. Эйзенштейна (1898–1948) Хирн также оказал определенное влияние. Эйзенштейн в своих теоретических трудах занимался анализом художественного/кинопроизведения и исследовал, как оно влияет на зрителя. Недюжинная эрудиция режиссера и его стремление к синхронизации искусств отразились на материале, из которого он строит свою теорию: Эйзенштейн привлекает работы филологов (брата Шлегеля, Ницше и др.), музыкантов (Р. Вагнер, А. Н. Скрябин и др.), писателей (А. Рембо, Э. По, А. Блок и др.), художников (Х. Грис, Эль Греко, Хокусай и др.). Немаловажной фигурой для него стал и Л. Хирн, который «привел нас на Восток»¹⁸. Н. И. Клейман утверждает, что именно из произведений Хирна режиссер часто черпает знания о Японии¹⁹. Эйзенштейн учился на восточном отделении, изучал японский язык, он интересовался искусством Японии, театром кабуки, посвятил японской традиции несколько статей («Неожиданный стык»²⁰, «За кадром»²¹, «Чет-нечет»²², «Раздвоение единого»²³). Это увлечение стало частью его теории монтажа. Изучение иероглифической письменности открыло новое понимание вертикального построения композиции (наподобие свитков). Для Эйзенштейна кинематографический кадр «никогда не станет буквой, а всегда останется многозначным иероглифом»²⁴. Режиссер пришел к выводу, что в японской поэзии и искусстве в целом «простое сопоставление двух-трех деталей материального ряда дает совершенно законченное представление другого порядка – психологического»²⁵. Таким же образом в кино через сопоставление кадров и конкретных образов выражаются абстрактные идеи, «невыразимые», влияющие на зрителя. Возникает нечто особое, цельное, воздействующее на новом уровне. Этому принципу подчиняется и синкретичное творчество Л. Хирна: в своих рассказах он сталкивает различные культуры.

Главным признаком произведения искусства Эйзенштейн считает его единство. Следуя идее цельного искусства и идущей от романтиков универсальности, Эйзенштейн исследует синхронизацию чувств и ищет звукозрительные соответствия (так характерные для японской традиции). Он выступает за «уничтожение противоречия между изображением и звуком, между миром видимым и миром слышимым»²⁶. Одновременные соответствия между эмоциями и цветом, музыкой и картинкой Эйзенштейн использует для вертикального монтажа. Предшественниками синтеза искусств в кинематографе Эйзенштейн считает искусство Древней Греции, Д. Дидро,

Р. Вагнера, А. Н. Скрябина. В синтетическом искусстве Эйзенштейн видит самую высокую форму развития. Характеризуя современное искусство, Эйзенштейн отмечает его дифференциацию и отсутствие общего начала (к примеру, гипертрофия частности у импрессионистов), но предвещает движение от элементов к синтезу. Эйзенштейн видит развитие не по-гегелевски линейным, а циклическим (что опять же не ново для восточного мировосприятия). Возвращение к первичной стадии и древним искусствам – новый виток, необходимый для обретения смыслов и дальнейшей жизни искусства.

Слияние звука и изображения волновало человечество на протяжении долгого времени. Эйзенштейн упоминает немецкого писателя-мистика К. Эккартсгаузена (1752–1803) и его теорию «глазной» музыки и аккордов цветов, «шкалу цветов» А. Шлегеля (1767–1845), «цветной» сонет «Гласные» А. Рембо (1854–1891), поэта Р. Гиля (1862–1925) и его теорию соответствия между музыкальными инструментами и красками. Сюда же он помещает «романтика более поздней эпохи» Л. Хирна.

Эйзенштейн отмечает работу с цветом Л. Хирна, приводит его письма, в которых писатель защищает свой стиль. Слова для Хирна предстают маленькими ящерицами, изменяющими окраску в зависимости от места (о неразрывной связи живописи и буквы, которую подарила нам японская каллиграфия, позднее будет говорить и Ж. Лакан²⁷). Писатель видит в каждом слове индивидуальность, настроение, особое лицо, характер и оттенок. Он восхищается способностью своего друга и востоковеда Б. Х. Чемберлена описывать цвета в музыкальных терминах («глубокий бас» зеленого оттенка). Эссе «В японском саду»²⁸ целиком состоит из живописных и звуковых зарисовок: автор рассматривает в своем саду пионы, лотосы, хризантемы, сакуру, эти наблюдения сочетаются с народными легендами. Их описание происходит под музыку сага: Хирн замечает малейшие различия в пении древесных сверчков, кузнечиков, диких голубей и других птиц. Интересно, что частью современных симпозиумов по творчеству Л. Хирна, проходящих в Японии, Греции, Ирландии и Америке, всегда является чтение его рассказов под музыкальное сопровождение. П. Флоренский отмечает «синеву» рассказа «Хорай» Хирна в связи с софийной голубиной: «Мы видим с глубочайшим интересом, как идея синевы сплетается у него с ощущением атмосферы душ, т. е. чего-то вроде Великого Существа»²⁹. Это уже не просто цвет, он выражает религиозно-мистические воззрения японцев. Сам Хирн считал фиолетовый цвет бездны космоса мистическим и загадочным, а синий и голубой – более божественным, непознаваемым, цветом «святыя святых» (the colour of the Holy of Holies).

Хирн спорил со своими издателями из The Atlantic Monthly, настаивавшими на исключении

японских слов из английского текста писателя. Хирн не хотел обеднять текст из-за неспособности читателей различать оттенки слов, их «таинственных призрачных движений», «шепота», «рыданий и бунта», «шелеста букв», хотя и признавал практическую пользу отказа от незнакомых слов. Хирн был обеспокоен судьбой истинного искусства в реалиях индустриализации и тем, как сложно в таких условиях научить людей «чувствовать красоту»³⁰. С другой стороны, он защищает идею Л. Н. Толстого о способности искусства обращаться ко всем, а не только к образованному меньшинству (лекция Tolstói's Theory of Art). Возможно, поэтому писатель не просто включает в свои произведения незнакомые слова, призванные, казалось бы, затемнить смысл, но и приводит пояснения к ним, стремясь сблизить Восток и Запад и делая искусство всеобщим. Хирн считает, что ученый, будь то филолог, востоковед, историк и т. д., не должен бояться писать более легким слогом и использовать цвета и мелодии, несмотря на то, что его основной задачей остается сжатие и систематизирование материала.

Использование подобных элементов подчинено общей логике произведения. Выражается это и в любви Хирна к фрагментам (идушей от романтиков) и к небольшим формам. Большинство его эссе имеет дробную структуру и состоит порой из 10 и более частей. Кроме того, в них, как и в рассказах, часто собраны народные песни, хокку, местные легенды, поговорки. На примере с рассказом о Хамагути Гохее видно, что части образуют целое и обогащают его новыми смыслами, а отдельные легенды служат только орнаментальным целям. Последний написанный сборник «Кайданы» (1904) наиболее синкретичен: он состоит из нескольких якобы японских рассказов, в которых на самом деле собраны элементы различных культур. Дж. Хьюнекер отмечает импрессионистичность самой личности Хирна и его стиля письма³¹. Такую импрессионистичность Хирна и изощренность в цвете Эйзенштейн считает результатом его проживания в Японии.

Для России Хирн оказался наиболее интересен как знаток японской культуры, открывший Восток западному миру. «Поэт мгновения» Бальмонт был настолько очарован Хирном и своей поездкой в Японию, что пропагандировал не самый популярный в России миф о сказочной стране, а творчество Хирна послужило ему для разработки собственной мифологии. Японскую импрессионистичность и любовь к цвету отмечали П. Флоренский и С. Эйзенштейн, для которых Хирн открыл Восток. Эйзенштейн, которому Япония помогла дополнить теорию монтажа, гораздо шире взглянул на творчество Л. Хирна, осовременил писателя, связав его стиль с кинематографом и закрепив за ним звание знатока Японии.

Примечания

- 1 См.: *Вориньи Д.* Неизвестная Япония. Лафкадио Гирн // Мир Божий. 1895. № 10. С. 157–173.
- 2 *Танасейчук А.* Лафкадио Хирн, человек без родины // Хирн Л. Волшебные истории о таинственном и ужасном. Саранск : [б. и.], 2014. С. 10.
- 3 См.: *Бальмонт К.* Огонь спасающий. Японский сказ // Последние новости. 1934. № 4966. С. 4.
- 4 См.: *Флоренский П.* Столп и утверждение истины : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. С. 552–577.
- 5 См.: *Эйзенштейн С.* Неравнодушная природа. Чувство кино : в 2 т. М. : Эйзенштейн-центр ; Музей кино, 2004. Т. 1. С. 100–101.
- 6 См.: *Loti P.* Madame Chrysanthème. Paris : Calmann-Lévy, 1888.
- 7 *Саид Э.* Восток путешественников и ученых: между словарной дефиницией и живой мыслью // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/vostok-puteshestvennikov-i-uchenyh-mezhdu-slovarnoj-definicziej-i-zhivoj-myslyu.html#s* (дата обращения: 08.05.2021).
- 8 «Первичный человек всегда Поэт, и Поэт тот бог его, который создает для него Вселенную» (*Бальмонт К.* Поэзия как волшебство. М. : Скорпион, 1915. С. 55).
- 9 *Азадовский К., Дьяконова Е.* Бальмонт и Япония. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 16–17.
- 10 Там же. С. 112.
- 11 Там же. С. 231.
- 12 Там же. С. 273.
- 13 *Hearn L.* Gleanings in Buddha-Fields : Studies of Hand and Soul in the Far East. Rutland ; Tokyo : Tuttle Publishing, 1989. P. 11.
- 14 *Азадовский К., Дьяконова Е.* Указ. соч. С. 277.
- 15 См.: *Стайн Г.* Париж. Франция : личные воспоминания / пер. с англ. Т. Казавчинской. М. : Текст, 2018.
- 16 *Молодяков В.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М. : Институт востоковедения РАН, 1996. С. 69.
- 17 Там же. С. 102.
- 18 *Эйзенштейн С.* Неравнодушная природа. Чувство кино. Т. 1. С. 101.
- 19 Там же. С. 624.
- 20 См.: *Эйзенштейн С.* Избранные произведения : в 6 т. М. : Искусство, 1964–1971. Т. 5. С. 303–311.
- 21 Там же. Т. 2. С. 283–297.
- 22 *Эйзенштейн С.* Метод : в 2 т. Т. 2. М. : Эйзенштейн-центр ; Музей кино, 2002. С. 151–177.
- 23 Там же. С. 178–191.
- 24 *Эйзенштейн С.* Четвертое измерение в кино // Эйзенштейн С. Монтаж. М. : Музей кино, 2000. С. 504.
- 25 *Эйзенштейн С.* За кадром // Эйзенштейн С. Избранные произведения : в 6 т. Т. 2. С. 286.
- 26 *Эйзенштейн С.* Неравнодушная природа. Чувство кино. Т. 1. С. 97.
- 27 См.: *Лакан Ж.* Лекция о литературе // Лакан в Японии : сб. / под ред. В. Мазины, А. Юран. СПб. : Алетейя, 2012. С. 54. (Лакановские тетради).

²⁸ См.: *Hearn L. Glimpses of Unfamiliar Japan* : in 2 vols. Boston ; New York : Houghton Mifflin Co., 1894. Vol. 2. P. 343–385.

²⁹ *Флоренский П.* Указ. соч. С. 570.

³⁰ *Hearn L. The Japanese Letters of Lafcadio Hearn* / ed. with an introd. by E. Bisland. Boston ; New York : Houghton Mifflin Co., 1910. P. 110.

³¹ См.: *Huneker J. Ivory Apes and Peacocks.* New York : Sagamore Press Inc, 1957. P. 153–159.

Поступила в редакцию 10.05.2021, после рецензирования 14.05.2021, принята к публикации 16.05.2021
Received 10.05.2021, revised 14.05.2021, accepted 16.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 308–312

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 308–312

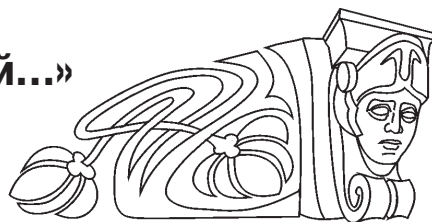
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-308-312>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-14+929Крученых

«Тут из пенки слюны моей чилистейшей...» А. Крученых: трансформация мифа о Венере Анадиомене

Е. В. Тырышкина

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Тырышкина Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, elena.tyryshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Аннотация. В статье рассматриваются трансформация и функционирование мифа о Венере Анадиомене в ранней лирике А. Крученых в контексте основных тенденций эстетики футуризма и исследований иконографии Венеры-Афродиты в литературе и живописи 1910–1925 гг. Миф сохраняется на уровне сюжетной основы как реликт, однако происходит переакцентирование с женского идеала красоты и культурного символа на мужскую фигуру, узурпирующую силу творения.

Ключевые слова: лирика А. Крученых, футуризм, миф о Венере Пенорожденной, мужская телесность как центр креативности

Для цитирования: Тырышкина Е. В. «Тут из пенки слюны моей чилистейшей...» А. Крученых: трансформация мифа о Венере Анадиомене // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 308–312. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-308-312>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Here out of the foam of my saliva purest...” A. Kruchenykh: Transformation of the myth about Venus Anadyomene

E. V. Tyryshkina

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Viluyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia,

Elena V. Tyryshkina, elena.tyryshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Abstract. The article examines the transformation and functioning of the myth of Venus Anadyomene in the early lyrics by A. Kruchenykh in the context of the main trends of the futurism aesthetics and literary/painting studies on Venus-Aphrodite iconography of 1910-1925. The myth remains at the level of the plot basis as a relic; however, there is a shift of emphasis from the female ideal of beauty and cultural symbol to the male figure, usurping the power of creation.

Keywords: lyrics by A. Kruchenykh, futurism, the myth of Venus Anadyomene, male corporeality as the center of creativity

For citation: Tyryshkina E. V. “Here out of the foam of my saliva purest...” A. Kruchenykh: Transformation of the myth about Venus Anadyomene. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 308–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-308-312>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Иконография Венеры (богиня любви и эротической чувственности в римской мифологии; Афродита – в греческой) подробно и обстоятельно изучена И. М. Сахно на обширном материале поэзии и живописи 1910–1925 гг. русского авангарда. Исследовательница отмечает существенный сдвиг, эстетическую инверсию «прежних канонических мифологем». Она выявляет принципиальные понятийные изменения в отношении традиционных контекстов: «Художники и поэты, разрушая канонические риторические и

визуальные стратегии, создавали собственную аксиологию искусства, в системе которой Венера переосмыслилась как балаганная героиня. Она символизировала то “адское сладострастие, которым была отравлена вся литература”; «Женская натура окончательно уходит в небытие, на смену ей приходит мужская телесность и брутальная поэтика, а Венера теряет прежнюю соблазнительность и приносится в жертву как устаревший тотем <...>. Крайняя степень отрицания красоты ознаменовала в авангардистской

эстетике драматическое исчезновение женского голоса, что нашло отражение в специфически мужской визуальной риторике»¹.

Эти убедительные выводы основаны на изучении материалов творчества В. Маяковского, В. Хлебникова, Д. Бурлюка, М. Ларионова, И. Зданевича, К. Малевича и др. Сочинения А. Крученых также входят в круг изучаемых текстов в связи с заявленной проблемой, цитируются его книги и статьи². Однако одно стихотворение из книги «Лакированное трико» (Тифлис, 1919), имеющее самое непосредственное отношение к нашей теме, осталось за рамками внимания исследовательницы.

Тут из пенки слюны моей чилистейшей
Выйдет тюльпаном мокроносовая Афродитка
как судорга тухлого яйца!
Сразмаху пырнет ногой важУрные сердца
Эй вы, поэзии старейшины,
На ребенка моего АХАВАЛАГО посмотрите –
дочь богатейшего купца!³

В этом стихотворении А. Крученых пародийно обыгрывается акт творения как таковой, создание поэтического текста изображается метафорически как рождение «богини любви и красоты» из пены морской (Афродита Анадиомена). Согласно «Теогонии» Гесиода, она родилась из семени и крови оскопленного Кроносом Урана, попавших в море и образовавших пену. Лирический субъект-Поэт выступает в роли древнего бога, известного своей плодовитостью и рождавшего титанов. Семя и кровь заменяются слюной, при этом слюна – некий субститут водной первостихии, обладающей особой креативностью. «Ценность» этой субстанции определяется прилагательным «чилистейшая», производное от «чистейшая» – превосходная степень слова, но «усиленная» вставкой «чили». Это, с одной стороны, дает эффект смыслового акцента за счет «растягивания» слова, с другой, – «чили» напоминает об остром перце, а перец, как и все едкие жидкости и субстанции (пепсин, кислота, везеталь, терпентин), фигурирует в поэзии А. Крученых. Вода/жидкость пенится перед закипанием в момент высшей температурной точки, «пенка слюны» в контексте лирики Крученых – знак такого напряжения и динамичного перехода в иное состояние.

Афродитка – «дитя» Поэта-хулигана, возмутителя спокойствия, восхищающегося своим творением, его поэтический шедевр. Уменьшительная форма имени богини может трактоваться и как прямое указание на юный возраст «героини», и на фамильярное отношение к «высокой» мифологической традиции автора. Она появляется подобно цветку (тюльпан), и рождение ее сравнивается с судорогой (непроизвольным сокращением), «взрывом», внезапностью; снятие скорлупы с испорченного яйца, мгновенно вносит «нарушение порядка и благопристойности»; сероводород – газ, выделяющийся при процес-

сах гниения (разрушение – неотъемлемый элемент созидания). Афродитка – мокроносовая, это знак ее «водного происхождения», но в большей степени – отсутствия хороших манер (заметные всем выделения из носа).

Она истинное дитя своего творца, невоспитанный ребенок, отличается агрессивными манерами, подобно своему создателю, сама поэзия в ее футуристическом варианте, нарушающая все каноны, эстетические нормы и этические нормы приличия. Ее хулиганский жест, где нога подобна ножу, направленному в сердце, – «сердце» высокой поэзии на глазах у «старейшин», отверженных «мертвой традиции», знаменует высшую степень презрения по отношению к романтизму и символизму. Это выпад, прежде всего, в сторону столь нелюбимых А. Крученых И. Северянина и К. Бальмонта.

Известное стихотворение Бальмонта «Кинжальные слова» (1899) из книги стихов «Горящие здания», казалось бы, очень близко по своему настроению футуристам, однако пафос разрушения и стремление к бунту манифестируется все теми же приемами символистской стилистики и риторики.

I will speak daggers!
Hamlet

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных,
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя –
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!⁴

Парадоксальным образом это «говорение кинжалами» относится и к стихотворению Крученых. Олицетворением «кинжального слова» становится «Афродитка» – воплощение творческой энергии как таковой, которая для футуриста является высшей и единственной ценностью. Заметим, что, несмотря на весь иронический задор автора, ирония здесь производит эффект не только «снижения» и отрицания известной культурной традиции (вариант позднеромантический иронии, направленной на разрушение и дистанцирование), но и созидания новой системы ценностей, когда смысловые «реликты» не утрачивают окончательно положительных коннотаций. Произведение творится скорее в духе раннеромантической иронии, с ее пафосом импровизационной игры (конечно, с определен-

ными допущениями относительности этих определений), прослеживается двунаправленность иронических приемов.

«Пырнет ногой важУрные сердца» (нога/каблук как нож) – окказионализм «важУрные» образован очень простым способом, слиянием предлога с прилагательным «ажурный», однако в результате графический облик слова (с учетом острающего приема, выделения буквы «У») дает многослойный конгломерат значений, связанных со словами «ажур», «ваза», «важный», «урна». Этот прием смещает внимание читателя: фрагмент слова «Урный» (от «урна» – урна с прахом; погребальная урна; мусорная урна) сводит на нет «ажурность» (легкость, изящество, изысканность) и «важность». Подобное определение по отношению к «старейшинам поэзии», – знак именно той иронии, которая, разрушая, созидает в порыве выплеска спонтанной энергии. Наблюдается сочетание знаков «возвышенного» и отвратительного, предельная динамизация, энергетический выброс, знаменующий творчество, а творчество – это скандал априори. Определение «АХАВАЛЫЙ» – производное от «аховый», становится ударным графическим акцентом всего текста. «Дочь богатейшего купца» – намеренный укол в сторону В. Брюсова (его купеческое происхождение).

Сам акт «рождения Афродитки» (художественного слова/стиха) предельно материализуется, причем в откровенно сниженном варианте. Рождение/творение Афродитки совершается сугубо по законам физиологии, это можно объяснить снятием дихотомии «тело – душа» в раннем авангарде. Органы, производящие «творческий продукт», связаны с функциями пищеварения (глотка, рот, слюнные железы), Крученых не одинок в подобном приеме символической сакрализации тела и его органов, что довольно типично для футуристов:

<...>

Кто целовал меня – скажет,
есть ли
слаще слюны моей сока.
Покоится в нем у меня
прекрасный
красный язык.

<...>

Наконец,
чтоб лето в зимы,
воду в вино превращать чтоб мог –
у меня
под шерстью жилета
бьется
необычайнейший комок⁵.

<...>

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.

Сваи вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату – «Мы – будетляне»
<...>⁶

Заметим, что у Маяковского (раннее творчество) и у Хлебникова ведущим мотивом является мотив растерзанного Бога, а обряд причащения телом Поэта должен привести к преображению мира: «...Хлебников, дерзко трактуя смысл собственной фамилии, уподобляет слово поэта (его тексты, его творчество в целом) дарующему жизнь хлебу... всему миру, чтобы жить вечной жизнью активного разума. Совершая этот символический жест, поэт “метонимически” позволяет Миру растерзать себя, чтобы, преобразившись, начать жить иную жизнь, славную жизнь литературного бессмертия»⁷. В лирике Крученых также можно найти примеры авторского мифа о растерзании/поедании тела Поэта, конечно же, лишенного возвышенного пафоса:

Брак...
рыбак...
тяни сильнее шук, пророк!
тяни и вылупись из сердца моего сырой кусок!
на брачный стол
положен спины излом
<...>⁸

Чисто по женски нежно и ласково
Она убеждает, что я талант
Что меня по менно положат на – стол
И будут все как лучший ужин захлебываясь лакать
Ватага изысканных жевак
Набросится на мою телячью ножку
<...>⁹

Однако у Крученых такой продукт желез внутренней секреции, как слюна, занимает особое место в его авторской мифологии; отчасти вкушение ее также объясняется трагестированным обрядом евхаристии, но у этого поэта именно слюна – волшебная субстанция, обладающая особой фантазмагорической производящей мощью. И даже плевок становится обрядом приобщения к «святыне» (истинному «Я» Поэта), и автограф пишется слюной (!):

Когда мне дали плоху
Я сказал:
За битого всех вас дают
Пошекочите еще
Мое личико!
Какой скандал!
Надбавлен мой пьедестал!
Тот побледнел как парашют
Просящим глазом
Закивал
Отдайте мне назад
Безвозвратно и свысока был мой ответ
Ни единого плевка не получит ни один человек
Так и умрет Без автографа
Вы вызывающие на ДУЭЛЬ найдите
Обижаться мне Африканская лень¹⁰

- ⁶ Хлебников В. Творения. М. : Советский писатель, 1986. С. 161.
- ⁷ Ланн Ж.-К. Метафоры тела в поэзии Велимира Хлебникова // Тело в русской культуре : сб. ст. / сост. Г. И. Кабакова, Ф. Конт. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 325.
- ⁸ Крученых А. Указ. соч. С. 103.
- ⁹ Там же. С. 110.
- ¹⁰ Там же. С. 109–110.
- ¹¹ Там же. С. 92.
- ¹² Там же. С. 152.
- ¹³ Там же. С. 108–109.

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 05.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 27.04.2021, revised 05.05.2021, accepted 12.05.2021

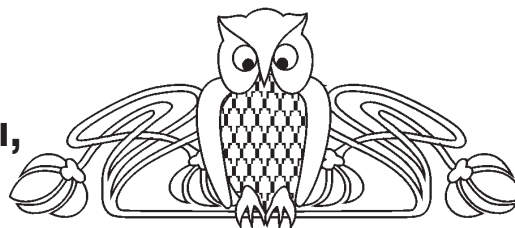

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 313–319
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 313–319
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-313-319>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-3+028.5+929Платонов

А. П. Платонов и чтение детей в начале XX века: источники, жанры, имена, тематика

А. О. Костылев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Костылев Алексей Олегович, аспирант отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, alekseykostylev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3212-8178>

Аннотация. В статье исследуется чтение ребенка в начале XX в. в связи с вопросом о его влиянии на мир детства в творчестве А. Платонова. Изучение дореволюционного чтения детей представляет историко-литературный интерес, может помочь в выявлении конкретных текстов из раннего чтения писателя, в определении традиций, повлиявших на мир детства в прозе Платонова и формировавших его, генезиса детских образов, в поиске аллюзий.

Ключевые слова: детское чтение, А. П. Платонов, мир детства, образование, биография, детская периодика

Для цитирования: Костылев А. О. А. П. Платонов и чтение детей в начале XX века: источники, жанры, имена, тематика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 313–319. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-313-319>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A. P. Platonov and children's reading in the beginning of the 20th century: Sources, genres, names, themes

A. O. Kostylev

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Aleksey O. Kostylev, alekseykostylev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3212-8178>

Abstract. The article examines the reading of a child at the beginning of the twentieth century in connection with the question of its influence on the world of childhood in the work of A. Platonov. The study of the pre-revolutionary reading of children is of historical and literary interest, it can help in identifying specific texts from the early reading of the writer, in defining traditions that influenced the world of childhood in Platonov's prose and shaped it, the genesis of children's images, and the search for allusions.

Keywords: children's reading, A. P. Platonov, the world of childhood, education, biography, children's periodicals

For citation: Kostylev O. A. A. P. Platonov and children's reading in the beginning of the 20th century: Sources, genres, names, themes. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 313–319 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-313-319>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Поиск и изучение текстов произведений, которые А. Платонов читал в раннее время жизни, необходимо для исследования мира детства в творчестве писателя. Русская и зарубежная литература, адресованная детям и вошедшая в круг детского чтения в начале XX в., представляет собой кладёшь образов, сюжетов, мотивов и проблем, которые оказали на писателя влияние и которые в дальнейшем отразились в его произведениях, повествующих о мире ребенка.

Чтобы подчеркнуть влияние детского дореволюционного чтения А. Платонова на мир дет-

ства в его творчестве, стоит обратить внимание на литературный контекст 1920-х гг., когда резко менялись темы, образы и сюжеты художественных произведений, происходило обновление форм и началось зарождение нового метода в искусстве. И. Н. Арзамасцева отмечает: «Конечным следствием... художественного мышления “детского автора” является подстройка текста во внутренний контекст “детской литературы”, как она понимается на *данном историческом этапе*... (курсив наш. – А. К.) и во внешний контекст, с иерархическим подчинением литературе

“общей”»¹. Таким образом, детская литература – часть общей литературы и имеет важную связь с современностью, эпохой, когда она создается, и нередко отражает саму историческую реальность, обнаруживая идейную связь с литературой «взрослой».

В книге «Сказано русским языком... А. Платонов и М. Шолохов: встречи в русской литературе» Н. В. Корниенко затрагивает область «детского» в литературе 1920-х гг., в частности вопрос о том, как начинал складываться образ нового ребенка в прозе и поэзии. Ученый уделяет внимание тому, как менялся характер литературы с вхождением в нее революционной проблематики. Отражалась она и на мире детства, часто в ином, отличном от предшествующей литературы свете, преподнося дитя, меняя его характер и роль. Исследователь приводит в пример «Нахаленка» М. Шолохова: «Из рассказов отца – вырастают Мишаткины фантазии о Красной армии и детский сон о большом городе и встрече с Лениным (ср. с рассказами о Ленине для детей, созданными к первой годовщине смерти вождя)»².

О собственно детской литературе 1920-х гг. как части литературного процесса Н. В. Корниенко пишет: «... для нового рабоче-крестьянского малыша были созданы... сотни “книг будущих” с новыми героями и образами. Советские дети долетали на аэроплане до Африки, учили индусских детей петь “Интернационал”, читали “машинные сказочки” на современные индустриальные темы. Советская детская... литература культивировала революционные подвиги детей и душевное безразличие ребенка к родному крову...»³. Советская литература у своих истоков не только формировала образ нового человека эпохи, но и нового ребенка, и его образы находили отражение как в детской, так и во взрослой литературе.

Мир детства в творчестве Платонова можно поделить на два структурных компонента – дореволюционный образ и новый, и каждый имеет связь с изображаемой эпохой, которую можно проследить через систему знаков, определенных кодов. Образ «нового детства» и нового ребенка, черты которого были приведены в отрывке из книги Н. В. Корниенко, впервые возникает в творчестве писателя второй половины 1920-х гг. Он соответствовал новой «поэтике детства» в литературе после Октября. Примерами могут служить стихотворение «Про электричество», впервые опубликованное в 1990-х гг., и эпизод с детством Егора Кирпичникова из «Эфирного тракта». Мир дореволюционного детства, напротив, отличается от «нового» и обнаруживает связь с образами детей и темами дореволюционных книг и произведений, которые составили детское чтение А. Платонова.

Чтение детей в начале XX в. – одна из интересных тем в истории литературы. На это время пришлось детство многих русских писателей,

в том числе А. П. Платонова. Описать литературное чтение ребенка в начале XX в. и дать ему характеристику в целом помогают такие источники, как хрестоматии, каталоги книг, рекомендованных для училищных библиотек, отчеты публичных библиотек и детская периодика. Частично на их основе можно сделать предположения о том, с какими произведениями вероятнее всего мог познакомиться Платонов в 1906–1914 гг. Хронологический диапазон охватывает годы учения писателя⁴: один год он учился в церковно-приходской школе при Троицком соборе, а с 1907 г. – в городском четырехклассном училище, срок обучения в котором составлял шесть лет⁵. Однако, судя по датам, Платонов окончил обучение на год позже: возможно, это было связано с тем, что в 1912 году обучения была проведена реформа городских училищ, после чего они стали высшими начальными училищами.

В Российской империи чтение литературы входило в программу русского языка – этому предмету уделялось пристальное внимание в учебном процессе. «Программа городских училищ» за 1907 г.⁶ наиболее подходящими для начальных классов хрестоматиями называет «Родное слово» К. Д. Ушинского за 1-й и 2-й годы обучения, для более старших – П. Н. Полевого и П. Е. Басистова. Они дают общее представление о круге читаемых в училищах авторов, но произведения в них обычно даются сокращенно.

Более полное и свободное чтение литературы начиналось с библиотеки, например, при самих городских училищах, церковно-приходских школах. Их наполняли изданиями из специальных каталогов Министерства народного просвещения. Чтобы показать значение библиотеки для ученика того времени, можно обратиться к первому тому летописи жизни и творчества С. А. Есенина. Учение поэта, как и учение Платонова, пришлось на начало XX в. В издании сказано: «В школе у нас был шкаф 3×3 м... в нем помещалась вся наша библиотека... она была подлинным светом во тьме, я <Н. И. Титов> с жадностью читал Пушкина, Гоголя...»⁷.

Однако дети могли прочитать нужную им книгу не только в библиотеках при училищах и школах. В родном городе Платонова по сей день стоит Воронежская публичная библиотека. По данным ее отчетов, в течение 1905–1915 гг. учащиеся из земских школ, городских училищ, начальных училищ и других учебных заведений были самой большой долей среди ее абонентов⁸.

Чтение детей в России начала XX в. было разнообразным, и поэтому, чтобы рассмотреть его, можно взять за основу жанровый принцип с перечислением имен авторов и обозначением тематики текстов.

Видное место в чтении ребенка всегда занимали сказки. Много фольклорных сказок можно было прочитать в хрестоматиях, взяв их в библиотеке. К. Д. Ушинский, автор-составитель «Род-

ного слова», считал, что необходимо вводить ребенка в народный язык, чтобы показать ему мир народной мудрости. Из авторских сказок, преимущественно волшебных, прежде всего стоит отметить сказки А. С. Пушкина – «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне и семи богатырях», «О золотом петушке», «О царе Салтане». Наряду с Пушкиным, популярным автором в детском чтении был В. А. Жуковский, особенно благодаря своим сказкам. Его произведения часто упоминались в каталогах для детских училищных библиотек. Сказка «Об Иване Царевиче и Сером волке» включалась в хрестоматии, издавалась отдельными брошюрами.

Г. Х. Андерсен в детские хрестоматии включался редко, познакомиться с его творчеством можно было в библиотеке. В Российской империи начала XX в. этого писателя хорошо знали благодаря переводам Ганзенов, Перельгина, Введенского. Условно сказки Андерсена делили на подходящие для детей и для взрослых. Например, в критико-библиографическом указателе «О детских книгах», вышедших до 1 января 1907 г., сказано: «"Злой мальчик", "Тень", "Домовой у колбасника", "Анна-Лизбета", "Психея"... лучше не помещать в сборниках, предназначенных для детского чтения»⁹.

В Воронеже Платонов написал несколько статей о детях. Об одной из них, под названием «Знамена грядущего», стоит поговорить подробнее. В конце 1920 г. детьми из очага при Доме коммунистов была сыграна пьеса по сказке Андерсена «Свинопас». Платонов, видевший спектакль, написал статью «Знамена грядущего», выразив отношение к творчеству Андерсена и сказке как жанру. В ней он называет произведение Андерсена «золотым»¹⁰, а сам жанр оказывается неотделимым от детства, он помогает человеку окунуться в мир «обаяния... далекой жизни»¹¹.

В творчестве Платонова и Андерсена можно найти схожие мотивы. Например, в упомянутой выше сказке «Анна-Лизбета» датского писателя один из эпизодов связан с откапыванием могилы матерью для утонувшего сына. У Платонова этот мотив появляется в некоторых произведениях – в рассказе «Мавра Кузьминична», повести «Ямская слобода», романе «Чевенгур». Возможно, этот мотив мог прийти к Платонову через творчество Андерсена.

Другим жанром в чтении детей начала XX в. был рассказ. По тематике можно выделить рассказы о детях, о животных, о школе, пасхальные и святочные. Из знаменитых авторов, писавших рассказы о детях, стоит отметить К. Д. Ушинского. Он публиковал их в книгах «Родное слово» и «Детский мир». Это реалистические миниатюры, написанные простым языком, с предельно сжатым содержанием. Дети учатся, познают окружающее, трудятся, общаются со своими ровесниками и старшими. Из текстов можно

назвать «Вместе тесно, а врозь скучно», «Умей обождать», «На стриженую овечку Бог теплом пахнул», «Как рубашка в поле выросла», «Пчелки на разведках».

Творчество И. С. Тургенева дети начинали изучать в более поздних классах, весьма вероятно, что его читал и Платонов. По отчетам Воронежской публичной библиотеки, в 1905–1915 гг. наблюдался высокий интерес к его произведениям. По частоте запросов в списке наиболее востребованных авторов самым нижним порогом у Тургенева было 12-е место в 1905 г., а самое высокое – третье – в 1915-м¹².

Из рассказов о детях ученики могли прочитать «Бежин луг» из «Записок охотника». В нем Тургенев создает мир детства через образы детей и окружающей их природы. В произведении широкое обособленное пространство – луг – оказывается метафорой детской жизни, и обособленность передает его вечные, постоянные черты. В творчестве Платонова мир детства тоже имеет черты обособленного пространства, например, в рассказе «Странники» 1920 г., «Память».

В рассказе «Бежин луг» Тургенев подчеркивал мифологическое мышление детей. На него обратил внимание и Платонов в рассказе «Сатана мысли», в котором описано детство Николая Вогулова¹³. О мифологическом взгляде на мир, свойственном ребенку, писали многие. Более того, в XIX в. Э. Геккелем был сформулирован биогенетический закон, суть которого заключается в следующем: каждое живое существо в своем индивидуальном развитии повторяет формы, пройденные его предками. Согласно биогенетическому закону, люди в процессе взросления повторяют этапы развития древних предков. Отражение биогенетического закона Геккеля можно увидеть в статье Платонова «Клуб-школа»¹⁴.

Другой вид рассказа в чтении детей начала XX в. – рассказ о животных. Он прочно вошел в детское чтение. Здесь вновь стоит упомянуть И. С. Тургенева. «Перепелка» – одно из редких произведений в творчестве автора, написанное для самих детей, и его рекомендовали для чтения ребенку.

Среди произведений о животных, которые могли читать дети в начале XX в., были «Бедный Гнедко» Одоевского, «Волчок-доносчик» Салиаса, «Куцый» Станюковича, рассказы Богданова, «Слепая лошадь» Ушинского, «Зимовье на Студеной» Мамина-Сибиряка, «Белолобый» и «Каштанка» Чехова. По отчетам Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг., о перечисленных авторах можно сказать, что их произведения пользовались большим успехом. Лучший результат К. Станюковича был в 1906 и 1907 гг., когда он занял девятое и восьмое места, Салиас де Турнемир в 1906–1909 гг. располагался на восьмом, девятом и седьмом местах, Мамин-Сибиряк в 1905 г. стоял на восьмом месте, в другие годы его позиции тоже были довольно

высокими: он нередко попадал в число двадцати самых востребованных авторов. Чехов в 1905-м занимал девятое место, в 1910-м – десятое место; в другие годы интерес к нему находился примерно на том же уровне¹⁵.

Рассказы о животных встречаются и в творчестве Платонова. В 1930-х гг. писатель обратился к детской литературе. Для публикации в журнале «Колхозные ребята» Платонов готовил рассказ с символическим названием «Среди животных и растений», в 1938 г. им был написан рассказ «Корова».

До Октябрьской революции большое место в литературе для детей занимали святочные и пасхальные рассказы. В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» Ушинский писал о том, как религия действует на душу ребенка, и подчас христианские праздники и религиозные события становятся одними из самых сильных впечатлений детства¹⁶. Ушинский отмечает, как много теряет русская литература, минув этот религиозный элемент, и отмечает, что английские писатели, в частности Диккенс, напротив, часто ведут своих героев в церковь. Диккенс был одним из хорошо известных в России зарубежных писателей. Его «Рождественская песнь» была издана в книгах и сборниках 1887 и 1897 гг., ее вносили в каталоги для училищных библиотек¹⁷.

Святочные и пасхальные рассказы можно было прочитать в хрестоматиях, найти в библиотеках. В периодике целые номера посвящались этому празднику. Так, в журнале «Игрушечка» были опубликованы «Легенды о Христе» С. Лагерлеф. Среди известных произведений на эту тему можно выделить «Светлый праздник» Даля и «Прохожего» Григоровича.

Связь со святочной литературой в творчестве А. Платонова обнаруживается в рассказе «Надежащие мероприятия» 1927 г. Он имеет подзаголовок «Святочный рассказ к 10-й годовщине революции» – пародия на бюрократический режим и отношение к революции как религиозному событию. В СССР в те годы проводили такие антирелигиозные кампании, как коммунистическая Пасха или Рождество – акции, подрывавшие веру людей. Нередко в них участвовали пионеры. Рассказ, написанный монтажным приемом, соединяет письменные предложения работников синдиката о том, как провести годовщину революции. При чтении рассказа возникают ассоциации с празднованием Рождества – например, работники предлагают вывесить флаг, спеть «Интернационал», подарить беспризорникам варежки, мавзолей в рассказе становится прообразом церкви.

Отголоски пасхального рассказа можно увидеть в эпизоде о Филате-батраке из повести Платонова «Впрок». По сюжету, он входит в колхоз самым последним в день Христова воскресения: «Такого человека правление колхоза решило

принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе»¹⁸. Смерть Филата после вхождения в колхоз не рассматривается как уход, а, наоборот, как продолжение жизни. В статье Ю. Юна отмечается, что смерть для героя Платонова не обозначает конец жизни, а представляет собой продолжение существования человека¹⁹.

В литературе XIX–XX вв. в круге детского чтения можно было прочитать рассказы о смерти в день Пасхи. Одним из них был рассказ Чехова «Святою ночью» (1886). В нем упоминается поверье о том, что люди, умирающие на Пасху, сразу отправляются в рай. Сюжет эпизода обнаруживает связь со святочной литературой, возможно, что само поверье А. Платонов почерпнул из произведения А. Чехова.

Одним из популярных жанров в детском чтении была повесть. Многие повести посвящались детству, показанному как развивающаяся последовательно ранняя жизнь ребенка или ее фрагменты.

Творчество Л. Толстого вызывало большой интерес у читающей публики, и по отчетам Воронежской публичной библиотеки можно понять, что его читали много и часто. В период 1905–1915 гг. его запрашивали 9989 раз, и он являлся абсолютным лидером среди остальных авторов²⁰.

В детское чтение вошла повесть Л. Толстого «Детство». В ней автор ставит вопрос о границах детства. Важную роль в произведении играет мотив памяти, вмещающей в себя «раннюю» жизнь героя, а завершением детства становится смерть матери. Подобные границы проводит и С. Аксаков в повести «Детские годы Багрова-внука» – ее знал каждый ученик, много отрывков из нее включалось в учебные хрестоматии. Аксаков, как и Толстой, большое внимание уделяет мотиву памяти; первые воспоминания приводят начальную границу детства, а завершает его смерть бабушки и поездка в Казань.

В неоконченной повести Платонова «Дар жизни» автор проводит похожие границы. В первом предложении сказано: «Иван помнил свою жизнь с одного давно минувшего раннего утра; было еще темно, когда маленький Иван открыл глаза, но, увидев тьму, он в страхе перед нею опять закрыл их»²¹. Завершается время детства смертью отца и матери и встречей с неизвестным солдатом.

Платонов читал «Детство» Толстого и «Детские годы Багрова-внука» в ранние годы, отрывки из этих произведений помещали в хрестоматиях, в частности П. Басистова. Эти авторы имели огромное значение для русской литературы. В 1930-х гг. Платонов посвятил отдельную статью семейной хронике Аксакова. Произведение русского классика стало для Платонова возможностью поговорить о роли семьи в жизни ребенка: именно в такой семье, по мнению пи-

сателя, может быть воспитано чувство любви к человеку и родине.

Дети были хорошо знакомы со многими стихотворениями. В детской периодике начала XX в. ни один номер не обходился без них. Ярче всего в чтении детей была представлена пейзажная лирика. Читали стихотворения Пушкина, Никитина, Фета, Тютчева, Майкова, Жуковского.

Русские и зарубежные поэты посвящали свои произведения и самим детям. В них поднимались проблемы смерти, труда, учения, бедности, сиротства, счастья. Поэзию на социальную тематику представляли стихотворения Кольцова. Как и Никитин, Кольцов был родом из Воронежа. Его стихотворения знал каждый ученик. Например, в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» говорится, что из поэтов Есенину больше всего нравились Лермонтов и Кольцов²². Платонов читал произведения Кольцова в детстве, а в 1921 г. в «Воронежском коммунисте» опубликовал небольшую статью о вечере Кольцова в ком-университете²³.

Как и у Кольцова, в поэзии Платонова значительное место занимает жанр думы. Неизданная книга его стихов была озаглавлена «Поющие думы». В 1921 г. Платонов пытался издать книгу статей под названием «Думы коммуниста», однако к печати ее не допустили, многие из статей получили отрицательный отзыв²⁴.

Среди эпистолярного наследия Платонова сохранилось прямое упоминание о детском чтении, оно касается одного поэтического текста. В письме к жене писатель цитирует стихотворение А. С. Пушкина «Вишня», на сегодняшний день относящееся к *dubia*. Приведем отрывок из письма, впервые опубликованного Марией Александровной Платоновой в 1975 г. в журнале «Волга»: «Фраза о том, что революция – паровоз истории, превратилась во мне в странное чувство... Были во мне тогда и другие – такие же слова (из детского чтения): “В селе за рекою // Потух огонек...”»²⁵.

Память Платонова о детском чтении расширяет картину раннего периода его биографии. Приведенный отрывок из стихотворения помогает с высокой долей вероятности говорить о том, что Платонов учился по «Родному слову» К. Д. Ушинского. «Вишня» в сокращенном варианте появляется в «Родном слове» за 1-й год²⁶ и в книге носит название «Утро». Выше говорилось о том, что именно «Родное слово» за 1-й и 2-й годы обучения рекомендовалось программами для городских училищ в первом отделении. Как источник «Родное слово» может помочь в том, чтобы определить конкретные тексты для детей и тексты в круге детского чтения, повлиявшие на творчество Платонова.

Помимо этого, в письме А. Платонова от 27 февраля 1937 г. можно найти цитату из другого поэтического произведения Пушкина – «Зимняя дорога». Писатель обращается к жене:

«Вчера стали на ночевку рано, часа в 3 дня, из-за метели (“глушь и снег навстречу мне”) в избушке маленького колхоза»²⁷. Упоминание этого прецедентного текста примечательно тем, что «Зимнюю дорогу» ученики городских училищ знали по «Родному слову» за 2-й год²⁸, причем в книге К. Д. Ушинского упоминается отрывок именно с этими строчками. Можно сделать предположение, что его Платонов цитирует как произведение, известное ему из круга детского чтения.

Интересны и обстоятельства, в которых было написано письмо. Можно сделать предположение, что цитата возникает не только из-за описываемой непогоды, но еще и потому, что Платонов во время поездки остановился у семьи с детьми. В «Записных книжках» он описывает обстановку в доме: «Дети в 5–10 лет плетут лапти из лыка. <...> В школу ходят не все, за отсутствием одежды-обуви. <...> Дети усердно плетут лапти, потом тщательно делают уроки»²⁹. Размышления о детях и школе могли навеять воспоминания о собственном времени учения, и поэтому Платонов приводит этот хрестоматийное стихотворение, отвечающее самой ситуации.

В 1921 г. Платонов, отправляя в Государственное издательство 68 стихотворений, делает в письме важное замечание о том, как детское чтение отразилось в его творчестве: «Некоторые из этих стихов я писал в детстве под влиянием старых поэтов, и в них мало пролетарского, но все-таки прошу их не выбрасывать»³⁰. Действительно, в ранних поэтических произведениях А. Платонова можно отчетливо заметить связи с известными стихотворениями XIX в. Е. Антонова дает такую характеристику раннему стихотворному периоду в творчестве писателя: «Платонов... создавал достаточно трогательные, тяготеющие к хрестоматийным, лирические зарисовки»³¹. Исследователь находит сходства между стихотворением Платонова «Сумрак» (ок. 1918) и «Шепот, легкое дыханье...» А. Фета; «Над горами» (ок. 1918) и «Ночевала тучка золотая...» Лермонтова, «Невысокие лозины...» (ок. 1918) и «Из Гете» Лермонтова. С этими стихотворениями Платонов мог познакомиться еще в детстве. Можно дополнить этот ряд и отметить, что в стихотворении «Во сне» Платонова заметно обращение к поэтике колыбельной песни, одного из жанров детского чтения, исторически относящегося к материнскому фольклору. Из литературных примеров можно привести «Казачью колыбельную песню» Лермонтова, которая была включена в учебник Басистова за 1-й год.

Дети начала XX в. читали басни, блестяще представленные именем Крылова. Они быстро вошли в круг детского чтения. Без сомнения, их хорошо знал и много читал во время учебы Платонов.

Особое внимание стоит уделить детской периодике начала XX в., в которой публиковались современные детские авторы. Некоторые из журналов были включены в каталог для чте-

ния в библиотеках городских училищ, например, «Игрушечка», «Родник», «Детский отдых» и др. И в XIX в., и в начале XX в. дети любили читать периодику. Так, П. Вольногорский в очерке «Любимый журнал» писал, что он с нетерпением ждал выхода новой книжки журнала «Детское чтение»³².

Детский журнал «Задушевное слово» был одним из самых известных в начале XX в. На его страницах можно было прочитать произведения Перельгина, Н. Головина, Б. Лемана, юмористику В. Русакова, встретить поэзию символиста С. Городецкого, редко – детскую прозу Ф. Сологуба.

Одним из популярных жанров на страницах «Задушевного слова» была повесть. Дети могли прочитать повести Л. Чарской, графини А. Толстой, К. Лукашевич. В нескольких номерах печаталась повесть К. Коллоди «Пиноккио». «Задушевное слово» был одним из тех журналов, где часто публиковались произведения о школе. Особый вклад в это внесли «звезды» «Задушевного слова» – Л. Чарская и А. Толстая.

«Задушевное слово» находило живой отклик у своих читателей-детей. Особую ценность для исследования детского чтения в начале XX в. имеет рубрика журнала под названием «Опросный листок»: в ней дети рассказывали о книгах, которые им больше всего нравятся, высказывались о контенте издания. Из русских писателей дети чаще всего относили к любимым авторам Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, А. К. Толстого; из зарубежных пальмой первенства награждали Ж. Верна, М. Рида, Г. Бичер-Стоу, М. Твена, Д. Дефо. Произведения этих авторов дети любили и в XIX в.

На творчество А. Платонова большое влияние оказал Ж. Верн – само обращение писателя к научной фантастике связывает его с именем известного романиста.

Отчеты Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг. дают такую статистику по детским книгам: шесть лет творчество Ж. Верна занимало первую строчку читательского спроса, а в другие годы писателю доставались второе–третье места; лишь однажды он опустился до пятого. То же самое можно сказать и о М. Риде: там, где Ж. Верн занимает первое место, М. Рид стоит на втором, и наоборот. Эти авторы вводили в круг детского чтения такой сложный жанр, как роман.

Среди журналов, допущенных Министерством народного просвещения в библиотеки городских училищ, была «Игрушечка», издаваемая в 1880–1912 гг. Первые страницы в журнале отдавались художественной литературе, одному–двум небольшим произведениям, чаще рассказам или сказкам; вторую половину занимали научно-популярные очерки. В «Игрушечке» публиковалось много переводной литературы.

В журнале печатались такие авторы, как А. Радченко, А. Бахтияров, Валько-Отшельник,

Вл. Веберг, С. Недолин, М. Толмачева, С. Венцель, А. Алтаев и др.

В журнале «Родник» публиковались рассказы, повести, сказки, стихотворения, много научно-популярных, биографических, исторических очерков. Среди авторов «Родника» можно назвать В. Авенариуса, В. Махцевич (Новицкую), С. Городецкого, П. Филатова, М. Безобразову, П. Вольногорского, С. Лагерлеф, В. Лихачова, И. Гинцбурга и многих других.

В начале XX в. у детей было множество возможностей познакомиться как с литературой прошлого, так и с современной. Дети росли, читая произведения самых разных, порой противоположных направлений – романтизма, реализма, в детское чтение входили произведения символистов.

В статье рассказано лишь о самой заметной части произведений и имен, входивших в круг чтения ребенка начала XX в. Излюбленной была приключенческая, научно-фантастическая литература, нередко зарубежная. Помимо названных авторов, дети читали Гоголя, Гаршина, Гофмана, братьев Grimm, Ершова, Карамзина, Кипплинга, Короленко, Купера, Лонгфелло, Немировича-Данченко, Перро, Скотта, А. К. Толстого, Шевченко, Федорова-Давыдова – и это далеко не законченный список имен. Отмеченные жанры составили основу детского чтения А. Платонова.

Примечания

- 1 Арзамасцева И. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М. : Прометей, 2003. С. 137.
- 2 Корниенко Н. Сказано русским языком... Андрей Платонов и Михаил Шолохов : встречи в русской литературе. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 74.
- 3 Там же.
- 4 См.: Антонова Е. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова : биография, текстология, поэтика. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 301.
- 5 См.: Программы и устав городских училищ Министерства народного просвещения (по Положению 31 мая 1872 г.) / сост. П. Горбунов. М. : Изд. А. С. Панафидина, 1907. С. 34–100.
- 6 Там же.
- 7 Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / сост. М. В. Скорыходов, С. И. Субботин. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 90.
- 8 См.: Антонова Е. Массовый читатель по отчетам Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг. // Из истории Воронежского края : сб. ст. Вып. 26. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2020. С. 135–148.
- 9 О детских книгах. Критико-библиографический указатель книг, вышедших до 1 янв. 1907 г., рекомендуемых для чтения детям в возрасте от 7-ми до 16-ти лет / сост. кружком преп. и писателей под ред. А. Анненской [и др.]. М. : Кн. маг. «Труд», 1908. С. 39.
- 10 Платонов А. Сочинения. Т. 1. 1918–1927 : в 2 кн. Кн. 2.

- Статьи / гл. ред. Н. В. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН, 2004. С. 124.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Антонова Е. Массовый читатель по отчетам Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг.
- ¹³ См.: Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1. Рассказы : Стихотворения. С. 197.
- ¹⁴ Там же. Кн. 2. С. 125.
- ¹⁵ См.: Антонова Е. Массовый читатель по отчетам Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг.
- ¹⁶ См.: Ушинский К. О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. / редкол. : А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский ; сост. и подгот. к печати В. Я. Струминский. М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2. Педагогические статьи, 1857–1861 гг. С. 476.
- ¹⁷ См.: Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения и для публичных народных чтений : По июнь 1901 года. СПб. : Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1901. С. 192.
- ¹⁸ Платонов А. Сочинения. Т. 4. 1928–1932 : в 2 кн. Кн. 1. Повести / подгот. текста и коммент. О. Ю. Алейникова, Е. А. Антоновой, М. В. Гак [и др.]. М. : ИМЛИ РАН, 2020. С. 58.
- ¹⁹ См.: Юн Ю. Потерянные между двумя утопиями // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. Вып. 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы / отв. ред. Н. В. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 14.
- ²⁰ См.: Антонова Е. Массовый читатель по отчетам Воронежской публичной библиотеки за 1905–1915 гг.
- ²¹ Платонов А. Сухой хлеб : рассказы, сказки / сост. Н. В. Корниенко. М. : Время, 2012. С. 191.
- ²² См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. С. 90–135.
- ²³ См.: Антонова Е. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова : биография, текстология, поэтика. С. 571–572.
- ²⁴ См.: Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 2. С. 313.
- ²⁵ Платонов А. «...Живя главной жизнью» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Волга. Саратов. № 9. С. 161–162.
- ²⁶ См.: Ушинский К. Родное слово : Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте : Для детей мл. возраста / сост. К. Ушинский. 126-е изд. СПб. : Н. С. Ушинская, 1903.
- ²⁷ Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма 1920–1950-х гг. / под общ. ред. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М. : Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 430.
- ²⁸ См.: Ушинский К. Родное слово : Год второй. 83-е изд. СПб. : Тип. Главного артиллерийского управления, 1895. С. 73–74.
- ²⁹ Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / сост. и подг. текста, предисл., примеч. Н. В. Корниенко. М. : Наследие, 2000. С. 196.
- ³⁰ Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма 1920–1950-х гг. С. 89.
- ³¹ Антонова Е. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова : биография, текстология, поэтика. С. 29.
- ³² См.: Вольногорский П. Любимый журнал // Родник. 1909. № 3. С. 494–498.

Поступила в редакцию 30.03.2021, после рецензирования 14.04.2021, принята к публикации 12.05.2021
 Received 30.03.2021, revised 14.04.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–323

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–323

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-320-323>

Научная статья

УДК [821.161.1.09:061.2](470.4)1921/1928]

О численном и социально-профессиональном составе поволжских ячеек пролетарских писателей периода НЭПа

А. В. Хрусталева^{1✉}, А. А. Гаврилова²

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

² Энгельсский промышленно-экономический колледж, Россия, Саратовская область, 413100, г. Энгельс, ул. Нестерова, д. 3

Хрусталева Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Гаврилова Алла Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель немецкого языка, alla.gavrilova82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-2514>

Аннотация. Показана значимость проблемы состава и численности ячеек пролетарских писателей. Приведены конкретные сведения по наиболее крупным поволжским городам. Акцентируется быстрый рост ячейки саратовских пролетарских писателей в 1926–1928 гг. Дана информация о книгоиздании в АССР НП, свидетельствующая о непропорциональном распределении средств на печать.

Ключевые слова: Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, НЭП

Для цитирования: Хрусталева А. В., Гаврилова А. А. О численном и социально-профессиональном составе поволжских ячеек пролетарских писателей периода НЭПа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–323. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-320-323>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the numerical, social and professional membership of the Volga region units of proletariat writers of the NEP period

A. V. Khrustalyova^{1 ✉}, A. A. Gavrilova²

¹ Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

² College of Industry and Economics, 3 Nesterova St., Engels 413100, Saratov region, Russia

Anna V. Khrustalyova, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Alla A. Gavrilova, alla.gavrilova82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-2514>

Abstract. The article shows the significance of the issue of the number and membership of the units of proletariat writers. Specific data is presented on the largest Volga region cities. The rapid growth of Saratov Proletarian Writers Association is being emphasized. The information on publishing process in ASSR of GP is given to show the disproportional allocation of funds.

Keywords: Russian Association of Proletarian Writers, New Economic Policy Period

For citation: Khrustalyova A. V., Gavrilova A. A. On the numerical, social and professional membership of the Volga region units of proletariat writers of the NEP period. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–323 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-320-323>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследовательская литература, освещающая основные этапы становления Всероссийской ассоциации пролетарских писателей в столице, огромна, и вряд ли целесообразно ее перечислять. Значительно меньше внимания уделено региональным ячейкам, более того, работы, вызывающие высокую степень доверия в

силу того, что их авторам посчастливилось быть очевидцами описываемых событий, при серьезном рассмотрении оказываются наполнены значительными искажениями и лакунами. Не только первопродходческий труд, посвященный литературе в Нижневолжском крае¹, но и значительно более поздние книги², вплоть до нашего времени

не проливают свет на два аспекта, важнейшим образом характеризующие литературное объединение, – численный и социально-профессиональный состав участников.

Между тем совершенно очевидно, что не только качество литературной продукции, но и столь наивно-бытовая, на первый взгляд, сторона вопроса, как количество писателей, является силой, способной предопределить развитие литературы. Литературному объединению с большим количеством участников и охватом широкой читательской аудитории подвластно создание акустической волны, заряжающей массы в подлинном смысле слова, когда транслируемая этим объединением идея, пусть даже и не в самой безупречной художественной форме, пройдя многократное скандирование, становится безальтернативной инструкцией к немедленному исполнению. В таком случае синергетический эффект взаимодействия участников литературной группы может оказаться значительно сильнее даже самого яркого индивидуального таланта одной личности.

В отношении так называемых малых народов СССР, где серьезным препятствием для изучения может стать определенное количество литературной продукции на бесписьменном или редком языке, который нуждается в специальной экспертизе, без конкретных сведений о численности, проверенных по архивным данным, нельзя сделать даже и самый первый шаг – утверждать, что объединение вообще существовало. Ясно, что харизматичный лидер с целью завоевания доверия в столице мог имитировать наличие литературной институции или группы писателей, объединенных некой целью (в других исторических условиях приблизительной аналогией подобной стратегии было, например, издание В. Брюсовым сборника «Русские символисты»).

К низовьям Волги указанная трудность относится в сравнительно небольшой степени, но проблема возникает и с произведениями на русском языке, если мы имеем дело с ячейкой, не публиковавшей свою продукцию в специально предназначенном для этого отдельном сборнике. В таком случае библиография составляется путем просмотра региональных изданий *de visu*, соответственно, без указания на исчерпывающий список тех лиц, которых надлежит искать, она заведомо обречена на вопиющую неполноту.

Более того, именно конкретные сведения о численности могут дополнительно проиллюстрировать ответы на ряд вопросов: во-первых, почему на Поволжской конференции пролетарских писателей 11–13 марта 1928 г. именно саратовская ячейка была представлена наибольшим количеством делегатов с правом решающего голоса; во-вторых, когда в истории саратовской ячейки произошел коренной перелом. Вряд ли лишен информативности и сопоставительный анализ количества участников региональных от-

делений ассоциации пролетарских писателей по всей территории страны.

Необходимо подчеркнуть, что все сказанное выше не означает необходимости сузить изучение истории литературных организаций периода НЭПа до рассмотрения документов партийных архивов. Еще Д. С. Лихачев в «Текстологии» указывал на серьезнейший недостаток вторичного текста – наличие так называемых ошибок переписчика. Если мы имеем дело не со стенографической записью устной речи или рукописью, то должны отдавать себе отчет в том, что перед нами принципиально лишенный аутентичности, перепечатанный экземпляр текста, который может нести в себе следы всего спектра возможных искажений – от банальной опечатки машинистки до грамматической ошибки цензора или сознательного изменения первоначальной информации, внесенного любым ответственным лицом на всех стадиях документооборота. Бессмысленно и даже опасно поэтому утверждение, что якобы история литературных организаций и печати периода НЭПа может быть изучена традиционными средствами исторических дисциплин. Напротив, она немыслима вне комплексного подхода, где применимы методы как литературоведения, так и социологии, подразумевающие привлечение эго-документов, с последующим сопоставительным анализом разного рода источников на уровне семантики письменно оформленного знака, а не только события.

Таким образом, подлинную историю литературных организаций мы можем составить, двигаясь от художественного текста и материалов средств массовой информации, а также и документов партийных и иных архивов в сторону других источников, при условии, что между текстами не обнаруживаются коренные противоречия («приписки» с целью увеличения численности так называемого «актива», ошибки «переписчика», которые упоминались выше). Собранные к настоящему моменту сведения (в той части, где они не связаны с противоречиями в разных источниках) позволяют с высокой долей уверенности заявлять, что саратовская ячейка действительно была крупной по отношению к другим поволжским литературным организациям и относилась к числу основанных с минимальным отставанием от Москвы. Далее сведения приводятся в следующем формате: название ячейки – год основания – количество участников по состоянию на март 1928 года:

Астраханская АПП – 1927 – 25 человек;
Ульяновская АПП – 1927 – 18 человек;
Саратовская АПП – 1923 – 46 человек;
Ячейка АССР Немцев Поволжья – 1927 – 12 человек³.

Следует дополнительно указать, что некоторые ячейки росли очень быстро. Так, в январе 1926 г. в саратовском объединении было всего 11 человек⁴.

Логично и объяснимо, что в провинции объединения пролетарских писателей возникали с некоторым запозданием, что придавало литературной ситуации в регионах самобытный акцент. Вместе с тем зарождались они в сходных стартовых условиях – при решающей инициативе партийных органов и под патронатом местных партшкол, в связи с чем требует дополнительного комментария демонстрируемое численное превосходство саратовского объединения, а также его исключительно быстрый рост в период 1926–1928 гг., к сожалению, никем из исследователей так и не прокомментированный. Теоретически это явление могло, во-первых, быть обусловлено благоприятствующей дооктябрьской литературной ситуацией Саратова и губернии, связанной с имеющимися традициями литературного дела; во-вторых, перевес могли вызвать более решительные и централизованные действия конкретных организаторов; в-третьих, ответ может лежать в сфере статистических данных о наличии редакционно-издательской инфраструктуры.

Не владея пока исчерпывающе полной информацией по Поволжью, приходится утверждать, что отметить действие третьего фактора нельзя: в Самаре, например, к моменту создания саратовской ячейки книгоиздание было на порядок беднее саратовского, более того, местный архив фиксирует отсутствие там издательств даже к концу НЭПа⁵. Второй же фактор является основной версией на данный момент: в указанный период в Саратове находится профессиональный революционер, представитель наиболее радикального крыла «напостовцев» и политический оппозиционер Г. Лелевич, который не мог в силу характера не осуществлять постоянную пропаганду своих литературных взглядов, сочетая их и с политической вербовкой. Безусловно, вряд ли возможно приписать активный рост САПП лишь авторитету приехавшего в город Лелевича, но его неутомимость практически во всех начинаниях, уже частично ставших предметом исследований⁶, подчеркивает необходимость более пристального внимания к пребыванию этого общественного деятеля в Саратове.

Мы не имеем права делать наивный вывод о прямой пропорциональной зависимости качества литературной продукции от количества литературных сил, но вполне можем попытаться представить уровень влияния конкретного литературного объединения в отдельном регионе. Так, из информации о том, что еженедельно на вечерах самокритики САПП собирается вплоть до 70 человек⁷, следует, что количество гостей вечеров могло превышать число выступающих участников объединения (в Саратове постоянно находились менее 30 человек, 46 – общая информация, собранная по губернии). Учитывая, что речь идет про литературную самокритику, т. е. разбор недостатков, выполня-

емый товарищами по отношению друг к другу, а не концерт, драматическое или иное зрелище, приходится допустить, что организация могла быть действительно популярна в определенных кругах, ведь подобный жанр требует немалого зрительского терпения и даже подготовки (если указанная информация не является, разумеется, партийной «припиской»).

Согласно отчету САПП, в течение 1926–1927 гг. объединение дало 34 литературных выступления с общим количеством посетителей 250 чел. на каждом⁸. В другом документе обнаруживаем, что за первые три месяца 1927 г. организация провела литературные мероприятия для 3000 чел.⁹. Сопоставив эти сведения с количеством жителей в Саратове 1927 г. (около 200 000 чел.), мы не можем назвать участие саратовских пролетарских писателей в литературной жизни симулякром. Мероприятиям, проводимым ими (если не будет установлена фальсификация статистики), трудно отказать в массовости.

В этой связи необходимо изучить и социальный состав ячеек Поволжья. Из личных анкет следует, что профессиональный принцип объединения в поволжских ячейках, представленных не нацменьшинствами, отсутствовал. В Уральской АПП из 25 членов рабочими себя считали 2, в Саратове из 46 участников в анкетах рабочими определяли себя всего 7 человек¹⁰.

Поскольку свойственное регионам отставание от Москвы в деле образования ячейки пролетарских писателей приводило, как правило, к слабой выраженности полемики с другими литературными организациями (в Саратове вплоть до сотрудничества с Пролеткультом и проведения заседаний в одном помещении), необходимо самым внимательным образом отслеживать год появления ячейки и динамику ее роста. С большой долей вероятности можно ожидать, что чем позже возникла ячейка, тем сильнее литературная ситуация в регионе будет отличаться от московской, а значит, вполне уместно привлекать провинциальный опыт для расширения и дополнения периодизации истории литературы периода НЭПа.

Изучение профессионального состава писательских сил для рассматриваемого периода имеет огромное значение в связи с национально-профсоюзным фактором, многократно рассмотренным в других наших работах. Игнорирование этого фактора приведет к непониманию особенностей литературной жизни. После 1923 г., как известно, русский национализм был подвергнут осуждению, причем возможностями агитации и пропаганды со стороны национальных меньшинств явно пренебрегали, что привело к специфическому дисбалансу в цензуровании печатной продукции. Пристрастное отношение к национальным меньшинствам нашло отражение в том, что на территории автономии поволжских немцев выходили огромные ти-

ражи религиозной литературы, поддерживаемые исключительными государственными дотациями. Характерно, что уровень свободы печатного слова был настолько высок, что саратовец мог официально приобрести в книжном магазине прессу, изданную в Берлине.

С помощью профсоюзных денег на местах спонсировалось огромное количество проектов: ликвидация неграмотности, кинопрокат в клубах, книгоиздание, радиофикация. Любой профсоюз и кооперативный орган был обязан отчислять определенный процент своих средств на культурную работу. В условиях наличия слабо «окоммунизированных» профсоюзов, в том числе принадлежащих национальным меньшинствам, а также и специфической «нэпманской» прослойки, которая вполне могла принять участие в культурной жизни хотя бы в качестве спонсора, подобное распоряжение средствами означало проникновение в издаваемую художественную литературу и деятельность литературных кружков оппозиционных настроений. Членство конкретного автора в ячейке пролетарских писателей не могло автоматически обозначать его полную политическую благонадежность и не является сегодня, когда нужно всерьез изучить, что проникало в печать периода НЭПа, каким бы то ни было ярлыком, который можно навсегда приклеить писателю.

Обратим внимание на колоссальные тиражи изданий, выходящих на территории автономии поволжских немцев. За период с 1924 по 1928 год Немгосиздат выпустил 1 248 525 книг¹¹. Книги распространялись свободно через сеть книжных магазинов по всей России. В это время некоторые поволжские ячейки пролетарских писателей не имели ни единого собственного сборника, их литературная продукция находила случайное пристанище на страницах журналов, нередко иногородних. В таких условиях фаворитизма по отношению к издательствам национальных меньшинств предметом особого рассмотрения должна стать их печатная продукция, а также конкретная тематика допущенных к печати произведений.

Таким образом, дальнейшее изучение истории региональных отделений ВАПП немислимо без пристального внимания к их численному и социально-профессиональному составу. Это изучение, видимо, перспективнее проводить при междисциплинарной направленности, с опорой на источники разной природы, по векторам, уже намеченным в наиболее серьезных работах по истории литературы Саратовской губернии¹².

Примечания

- 1 См.: Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ / сост. В. Бочкарев, И. Кравченко, А. Медведев, И. Пехтелев ; под ред. А. П. Скафтымова. Саратов : Нижневолж. краевое изд-во, 1932.
- 2 См.: Жуйкова А. Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволж. книжное изд-во, 1968. С. 220–237 ; Жуж А. Критика и литературоведение в Саратове за полвека // Там же. С. 237–250 ; Демченко А. Литературная и общественная жизнь Саратова : из архивных разысканий. Саратов : Наука, 2008.
- 3 См.: Саратовский губком ВКП(б). Отдел печати. Протоколы заседаний Первой Поволжской конференции пролетарских писателей // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 960. Л. 14–15.
- 4 Там же.
- 5 См.: Куйбышевское краевое управление по делам литературы и издательств. Месячные сводки // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.
- 6 См.: Ивановщина И. Г. Лелевич // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : материалы к биографическому словарю / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Ин-т филологии и журналистики ; сост. В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 128–132 ; Хрусталева А. Г. Лелевич и специфика литературной ситуации Саратова 1920-х гг. : комментарий к одной литературной ссылке // Цивилизация и человек. 2010. № 2. С. 108–112.
- 7 См.: Саратовский губком ВКП(б). Отдел печати. Протоколы заседаний Первой Поволжской конференции пролетарских писателей. Л. 15.
- 8 Там же.
- 9 См.: Хрусталева А. Профсоюзы и литературная политика в провинции периода НЭПа (к вопросу о становлении института цензуры) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 316.
- 10 См.: Саратовский губком ВКП(б). Отдел печати. Протоколы заседаний Первой Поволжской конференции пролетарских писателей. Л. 15.
- 11 См.: Государственное издательство АССРНП (Немгосиздат), г. Энгельс (ГИ АССРНП). Ф. 905. Оп. 1 о/д. Д. 5. Л. 2–9.
- 12 См.: Губернская власть и словесность : литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецковой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.

Поступила в редакцию 12.04.2021, после рецензирования 04.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 12.04.2021, revised 04.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330

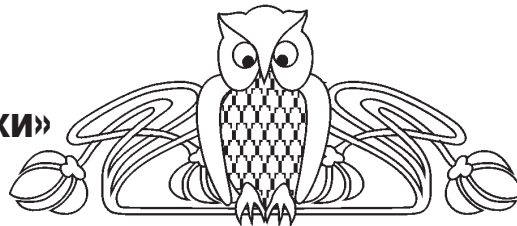
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-324-330>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32+398.21(470+571)+929Катаев

Общность рассказа В. Катаева «Ножи» и русской волшебной сказки

Р. О. Халилов

Литературный институт имени А. М. Горького, Россия, 123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25

Халилов Руслан Османович, аспирант кафедры новейшей русской литературы, li987654321@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4870-0677>

Аннотация. В статье анализируется схожесть действий героя рассказа В. П. Катаева «Ножи» и функций персонажа русской волшебной сказки. В целях установления общности рассказа «Ножи» и русской волшебной сказки проводится сопоставление и определяется взаимосвязь действий героя рассказа с функциями персонажа сказки по однообразию и композиционной последовательности.

Ключевые слова: В. П. Катаев, «Ножи», В. Я. Пропп, волшебная сказка, фольклор, функции персонажа

Для цитирования: Халилов Р. О. Общность рассказа В. Катаева «Ножи» и русской волшебной сказки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-324-330>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The commonality of the story of V. Kataev “Knives” and the Russian fairy tale

R. O. Khalilov

Maxim Gorky Literature Institute, 25 Tverskoy Blvd., Moscow 123104, Russia

Ruslan O. Khalilov, li987654321@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4870-0677>

Abstract. The article analyzes the similarity of the actions of the hero in the story “Knives” by V. P. Kataev and the character functions in Russian fairy tale. In order to establish the commonality of the story “Knives” and the Russian fairy tale, a comparison is made and the relationship between the actions of the hero of the story and the character functions in the fairy tale is determined by the monotony and compositional sequence.

Keywords: V. P. Kataev, “Knives”, V. Ya. Propp, fairy tale, folklore, character functions

For citation: Khalilov R. O. The commonality of the story of V. Kataev “Knives” and the Russian fairy tale. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-324-330>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Через год после первого появления рассказа «Ножи» в печати¹ осенью 1927 г. в «Театре сатиры – 2» в Москве в составе эстрадно-театрального представления состоялся показ музыкально-песенной комедии «Ножи» по одноименному рассказу В. Катаева². По сюжету рассказа «Ножи» режиссер В. Васильев в 1963 г. снял кинокомедию³. Несомненно, интерес театра и кино был связан с идеей автора, образами, сюжетом рассказа «Ножи». В музыке И. Дунаевского к произведению отчетливо звучат фольклорные мотивы⁴. С момента появления рассказа «Ножи» в печати мы не увидим сколько-нибудь серьезного анализа произведения. В журнале «Новый мир» за 1927 г. критик Н. Смирнов отмечает, что только «Ножи» из последнего сборника повестей и рассказов Катаева «Растратчики» отличаются «органической свежестью, своим большим, хо-

рошим чувством, своей, наконец, тщательной обработкой»⁵. Исследователи творчества Катаева Л. Скорино, Б. Галанов, кратко охарактеризовав сюжетно-фабульную линию рассказа, выделяют сатирическую тему собственничества, вещизма. Л. Скорино: «Рассказ Катаева провозглашает победу человека – над мертвым, бездушным миром вещей <...> “Вещи” перерастают в глубокое сатирическое обобщение»⁶. Б. Галанов: «Нравятся автору простые, открытые, по-человечески искренние и чистые чувства Пашки. Да и упрямый “антивещный” нрав этого парня ему тоже по душе»⁷. Л. П. Климова в идее рассказа увидела «...нравственную чистоту, жизнелюбие советской молодежи...»⁸. С. Шаргунов в характеристике рассказа особо выделяет диалогическую речь: «В этом “жестоким романсе” не было ни одной случайной или невыразитель-

ной фразы, всякая остро сверкала»⁹. В. Огрызко в объемном произведении о жизни и творчестве Катаева о рассказе «Ножи» не сказал ни слова¹⁰. С момента первого появления рассказа в печати и по настоящее время мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему данной статьи.

Действие рассказа «Ножи» построено по определенным правилам. Движущей силой развития сюжета в рассказе выступает главный герой. Поступки героя и их последовательность имеют схожесть с функциями персонажа волшебной сказки. Волшебная сказка обладает закономерностью, этой закономерностью является функция персонажа: «Повторяю, что функция сказочного персонажа есть действие, определяемое с точки зрения его значения для развития сюжета»¹¹. И еще: «Мы увидим, что хотя возможны известные колебания и перестановки, в целом последовательность (функций) всегда одинакова. Не во всех сказках есть все функции, но это не влияет на порядок их следования друг за другом. Это приведет нас к заключению, что все волшебные сказки однотипны по своему строению. Последовательность функций можно назвать также композицией сказки. Это значит, что волшебные сказки характеризуются единообразием своей композиции. Именно это служит их отличительным признаком»¹². И последнее: «Забегая вперед, можно сказать, что число этих функций крайне невелико, их набирается немногим более 30»¹³.

Общность рассказа «Ножи» и волшебной сказки мы видим в единообразии и композиционной последовательности действий героя рассказа и функций персонажа сказки. В рассказе отсутствуют художественные элементы, характерные для сказки: фантастичность, двуплановый хромотоп, волшебные средства, вместе с тем в схеме действий героя рассказа мы наблюдаем сходство с функциями персонажа сказки. Для сопоставления персонажей рассказа «Ножи» схожими с персонажами волшебной сказки по их функциям мы воспользуемся классификатором функций из фундаментального труда В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» и монографией В. Я. Проппа «Русская сказка». В анализе мы пользуемся разъяснениями функций классификатора В. Я. Проппа и примерами из сборников «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева. В определении функций героя рассказа и подборе сказок в качестве примера мы руководствуемся важным замечанием В. Я. Проппа: «...функции должны определяться независимо от того, кому приписано их выполнение <...> и независимо от того, как, каким способом они выполняются»¹⁴. Для обозначения функций мы будем использовать их краткое определение по классификатору В. Я. Проппа и условный знак. Анализ ведется в соответствии с действиями героя, связанными с развитием сюжета. Мы отдельно выделяем сцены сюжета рассказа, где герой отходит от функций персонажей сказки.

Действия (функции) главного героя рассказа «Ножи» Пашки Кукушкина являются сюжето-образующими. В волшебной сказке существуют два типа героев, функции которых существенно отличаются друг от друга. Первый – пострадавший герой, герой-жертва; второй – герой сказки, который по своему типу имеет схожесть с героем рассказа «Ножи»: «...Это герой-искатель. К такому же можно причислить героя, отправляющегося искать себе невесту»¹⁵.

Отлучка (е). В самом начале сказки герой покидает привычное пространство, открывая возможность для развития действия. Вариант этой функции в сказках Пропп комментирует так: «Мы называем эту функцию временной отлучкой <...> Царевны отправляются погулять в свой сад <...> Дети отправляются в лес за ягодами или просто погулять и т. д.»¹⁶. Пашка Кукушкин в свой выходной день решает погулять. «Воскресная прогулка по бульвару – замечательный способ в полной мере определить человека»¹⁷. Пример. Сказка «Фролка-Сидень». Дочери царя любили гулять в саду: «...любили они по вечерам гулять в своем саде»¹⁸. Герой рассказа и персонажи сказки выходят, чтобы приятно провести время вне дома, в их функции мы наблюдаем сходство по действию.

Запрет (б) и нарушение (б). Запрет и нарушение – одни из парных функций в сказке. Вместе с тем в сказках функция запрета как одна половина парной функции может визуальнo отсутствовать. Об этих функциях В. Я. Пропп говорит: «Функции II и III составляют парный элемент. Вторая половина иногда может существовать без первой»¹⁹. Разъясняя функцию запрета, В. Я. Пропп продолжает: «В связи с этим начальная ситуация дает описание особого, иногда подчеркнутого благополучия»²⁰. Пашка, «квалифицированный слесарь по шестому разряду, <...> член партии с двадцать третьего года»²¹, обладает высоким профессиональным и социальным статусом. Герой выходит на прогулку по Чистым прудам: «Прежде всего он зашел в открытый павильон Моссельпрома и выпил бутылку пива. Это сразу определило его правильный подход к жизни и умеренность»²². Пашке никто не запрещал выпивать алкоголь, визуальнo запрет отсутствует. Вместе с тем моральный облик коммуниста не допускал социальной безответственности, воскресный отдых коммуниста не мог начинаться с алкоголя. В «Ножах» запрет присутствует в социальном положении Пашки, в его моральном облике.

Пример. Сказка «Иван-Царевич и Белый Полянин». Иван-Царевич нашел то ли друга, то ли недруга – богатыря Белого Полянина – спящим, не разбудил его и подумал: «Не заснуть ли и мне пока?»²³. Потеряв бдительность, бывалый богатырь Иван-Царевич ложится спать. Далее возникает ряд опасностей. Визуальнo запрет не ложиться спать отсутствует. Запрет присутству-

ет в воинском опыте Ивана-Царевича. Функции Ивана-Царевича и Пашки схожи по существу действия.

Даритель (Д⁷), реакция героя (Г⁷), снабжение (Z²), осведомление (S) (вспомогательный элемент). В сказках эти функции могут находиться до и после завязки. В «Ножах» функции ДГЗ предшествуют началу активного действия. Говоря об этих функциях, Пропп замечает: «Внимательное рассмотрение схем покажет некоторые отступления. В частности, например, можно увидеть, что элементы ДГЗ (испытание, реакция героя, награждение) часто стоят впереди А (начальное нанесение вреда). Не нарушает ли это закона? Нет. Здесь не новая, а обращенная последовательность»²⁴. Говоря об «А», В. Я. Пропп имеет в виду и «а» со всеми подразделами. Выпив пива и продолжив гулять, Пашка встречается на своем пути цыганку-гадалку: «Красивый, молодой <...> все тебе скажу, ничего не утаю, и десять копеек за все удовольствие старой цыганке подаришь <...> погадаю, хорошо будет, не погадаю, жалеть будешь»²⁵. Гадалка приветствует Пашку, ставит условие, принуждает согласиться на гадание. Пашка решает заплатить. Тогда цыганка предсказывает Пашке будущее, советует, как действовать, предупреждает: «Будет тебе, молодой человек, приятная встреча, будет тебе через эту встречу тоска на сердце, поперек дороги тебе стоит пожилой мужчина, ничего не бойся, бойся, молодец, ножа, будет тебе от ножа большая неприятность, не бойся друзей, бойся врагов, и зеленый попугай тебе в жизни счастье принесет. Гуляй себе на здоровье»²⁶. Цыганка-гадалка выполняет характерный для дарителей в сказках набор функций: испытание условием, настойчивой просьбой (Д⁷, «...десять копеек за все удовольствие старой цыганке подаришь <...> Погадаю, хорошо будет, не погадаю, жалеть будешь»²⁷), реакция героя (Г⁷, на условие заплатить Пашка отвечает нужной для цыганки реакцией – «однако получай гривенник»²⁸), награждение (Z², цыганка советует, предсказывает, рассказывает о волшебном помощнике – «...зеленый попугай тебе в жизни счастье принесет»²⁹). Между поступками (функциями) у героя в рассказе будут происходить события, не связанные с ходом действия; это требует использования вспомогательного элемента – осведомление. «Осведомление встречается в промежутках между самыми разнообразными функциями»³⁰. Осведомление не является функцией: это вспомогательный элемент, входящий в атрибутику Дарителя (цыганка) и не только. Цыганка указала на волшебного помощника и в общих чертах сообщила о событиях (осведомление), которыми будет заполнен путь между поступками героя. Об осведомлении В. Я. Пропп говорит следующее: «Как ни разнообразны все приведенные случаи, они объединены одним общим признаком: здесь один персонаж узнает что-либо от другого, и

этим предшествующая функция связывается с последующей»³¹.

Пример Д⁷ и Г⁷. Сказка «Арикад-царевич». Арикад-царевич на пути к цели встречается девушку-красавицу. Девушка (Даритель) приветствует Арикад-царевича, советует, подкачивает ему, однако просит, ставит условие; царевич выполняет условие и получает то, что ему надо. «Она ему и говорит: “Возьмешь меня замуж, скажу, где мамаша твоя”, – “Возьму, говорит”»³². Относительно Д⁷ В. Я. Пропп говорит, что видов просьб в сказках у дарителей большое количество. В разъяснении к этой функции в классификаторе даются лишь обобщающие формулы, поэтому мы считаем, что Д⁷ в рассказе можно соединить с Г⁷: «Иногда эти услуги соответствуют просьбам, иногда же они вызваны просто добротой героя»³³. Цыганка в рассказе просит оплатить услугу, Пашка соглашается. В рассказе и сказке герой, чтобы получить желаемое, должен выполнить поставленное условие. Сходство функций Д и Г в рассказе и сказке по существу действия.

Пример Z². Сказка «Летучий корабль»³⁴. Дурень встречается старика-волшебника (Дарителя). Старик указывает Дурню путь, советует, что делать, подсказывает, как поступать, чтобы найти волшебное средство – Летучий корабль, который принесет Дурню счастье. Старик в сказке и цыганка в рассказе указывают путь, двигаясь по которому, герой должен найти волшебное средство (волшебный помощник), с помощью которого он добьется своей цели.

Недостача (а¹). Продолжая гулять по городу, Пашка заходит в балаганчик (игровой павильон, где необходимо кидать кольца на ножи). Здесь Пашка проигрывает все деньги, но с первого взгляда влюбляется в дочь хозяина игрового клуба Людмилу. Пашка вспоминает цыганку, ее предсказание помогает ему разобраться в своих чувствах и эмоциях:

«Цыганка гадала, цыганка гадала,

Цы-ы-ган-ка га-да-ла, за ручку бра-ла...

За ночь он влюбился окончательно и бесповоротно»³⁵. В душе Пашки Кукушкина созревает осознание любви. С этого момента Пашка не находит себе покоя, того, что ему не дает покоя, ему остро не хватает. Говоря о функции недостачи, В. Я. Пропп отмечает: «Герой (или отправитель) теряет свое душевное равновесие, загорается тоской по раз увиденной красоте, и отсюда развивается все действие»³⁶. Все функции до недостачи только подготавливают основную часть сказки. Количество и комбинация этих функций в сказках могут быть разными. Их может вообще не быть. «Вообще же элементы А или а обязательны для каждой сказки изучаемого класса. Иных форм завязок в волшебной сказке не существует»³⁷. С функции недостачи начинается завязка действия в «Ножах». «Герой, например, отправляется искать себе невесту»³⁸.

Пример а¹. Сказка «Солдат и Елена Премудрая»³⁹. Желание толкает солдата посмотреть на Елену Премудрую. Любовь с первого взгляда к Елене Премудрой дает понять солдату, что в его жизни произошло что-то значительное, солдат теряет покой. Персонажи рассказа и сказки, раз увидев красоту девушки, теряют обычное расположение духа, осознают, что влюблены.

Начинающееся противодействие (С), отправка (↑), клеймение героя (К), трудная задача (З). Желание противодействовать своему положению толкает героя рассказа на совершение дальнейших поступков: «Начальная нехватка или недостача представляет собою ситуацию. <...> Но настает момент, когда отправитель или искатель вдруг понимает, что чего-то не хватает, и этот момент подлежит мотивировке, вызывая отсылку (В), или непосредственно поиска (С↑)»⁴⁰. Пашка начинает регулярно посещать (действие функций С↑) балаганчик. Отец Людмилы всячески оберегает дочь от любого контакта с незнакомым мужчиной: «Страсть до чего строгие родители, до смешного ужасно»⁴¹, – говорит Людмила. В тайне от родителей Людмила сохранила фото Пашки, которое он потерял в балаганчике при первом посещении: «Я вас хорошо знаю, вы тут свою фотографию на стойке как-то позабыли, а я спрятала, прямо влюбилась – до того хороша»⁴². Функция клеймения героя – К, дополнительная функция. Объясняя эту функцию, Пропп говорит: «В сущности говоря, мы здесь имеем скрытую, или предварительную, форму обручения»⁴³. Функция К предопределяет будущее Пашки и Людмилы. После очередного посещения балаганчика Пашка вспоминает предсказание цыганки: «Тогда вспомнил Пашка слова гадалки: “Поперек дороги тебе стоит пожилой мужчина... будет тебе от него большая неприятность... зеленый попугай тебе в жизни счастье принесет...” – и такая тоска и такая досада на дуру цыганку взяла, что невозможно описать»⁴⁴. Предсказание цыганки и волевое решение – путь за счастьем к волшебному помощнику (С↑) – «зеленый попугай тебе в жизни счастье принесет»⁴⁵ – заставляют Пашку посетить двор дома Людмилы: «Тут заиграла посреди двора шарманка, на шарманке сидит зеленый попугай с розовым хвостом и смотрит на Пашку круглым нахальным глазом с замшевыми веками»⁴⁶. Мать Людмилы запрещает ей общаться с Пашкой. Герой, по уши влюбленный, готов ради любимой Людмилы на решительный поступок. Не в силах больше мириться со сложившейся ситуацией, Пашка решает разрубить узел любви и страданий (С↑): «...в воскресенье, вычистил брюки и пиджак спитым чаем, надел розовый галстук, наваксил штилеты и пошел прямо к черту на рога – делать предложение руки и сердца»⁴⁷. Пашка приходит свататься (С↑) к родителям Людмилы, ему отказывают: «Нам никаких тут слесарей не надобно, особенно партийных <...> Людмилоч-

ке нужен муж с капиталом для расширения дела. Одним словом, до свиданья»⁴⁸. Начав решительно действовать (С↑), Пашка сталкивается с, казалось бы, неразрешимой задачей (З). В последовательности функций трудная задача появляется в решающий момент сюжета, становится преградой на пути героя, проверкой его на прочность: «Трудная задача имеет целью <...> обнаружить, привлечь, найти героя настоящего»⁴⁹. О варианте трудной задачи В. Я. Пропп говорит, что функция трудной задачи исходит из «враждебного отношения к всякому будущему жениху. Этим подчеркивается полная недоступность, недосыгаемость невесты»⁵⁰. Говоря об особенности функции «трудная задача», В. Я. Пропп объясняет: «Функционально они объединены одним признаком: они выполняются только героем, обладающим тем самым волшебным средством или помощником, который соответствует задаче»⁵¹. Еще тогда, когда герой в балаганчике влюбился в Людмилу (недостача), автор несколько раз ставил зеленого попугая (волшебный помощник) на Пашкином пути. Автор оставил героя в границах реализма, не использовал художественные возможности сказки для добычи невесты, не стал решать задачи героя волшебным способом. Это также видно и из того, что собой представляет трудная задача – полностью реалистическая. После сцены сватовства автор на некоторое время уводит действие рассказа в сторону от сказочного действия. Вместе с тем схема действий героя рассказа идет вслед функции персонажа сказки вплоть до концовки. Трудная задача в функциях героя рассказа реально присутствует, но справляться он с ней будет своими силами и своим способом.

Пример С, ↑. Сказка «Солдат и Елена Премудрая»⁵². Полюбив Елену Премудрую, солдат, пренебрегая опасностями, преградами на пути сближения с Еленой Премудрой, решительно действует. Пашка в рассказе и солдат в сказке, одержимые любовью, проявляют твердость намерений в желании обладать невестой, совершают поступки. Схожесть функций героя рассказа и персонажа сказки по существу действия. Функция С↑ является продолжением функции а¹, поэтому мы совмещаем их в одном примере.

Пример К. Сказка «Скорый гонец»⁵³. Клок шерсти, срезанный Марьей-царевной с оленя Семена, является атрибутом от суженного. Судьба Марьи-царевны и Семена предопределена. Людмила в рассказе и Марья-царевна в сказке оставляют у себя деталь, принадлежащую любимому. Судьба суженных предопределена. Сходство функции по действию.

Пример З. Сказка «О Горе-горягине, Даниле-дворянине»⁵⁴. Горе-горягин сватает у князя Владимира Настасью-Царевну. Князь Владимир и его гости не желают жениха-иностранца, ставят Горе-горягину невыполнимые задачи. Схожесть функций Пашки и Горе-горягина исходит

из полного неприятия их как женихов и постановки перед ними невыполнимых требований сватовства.

После сцены сватовства функция героя рассказа частично отходит от функции героя в сказке. В сказках герой полностью полагается на волшебного помощника или волшебное средство, активно им пользуется. Однако для Катаева важно показать советскому читателю, что коммунист Пашка не ждет исполнения предсказания цыганки (волшебный помощник): «зеленый попугай тебе в жизни счастье принесет»⁵⁵. Пашка готов добиться любимой своими силами: «Пашка погрозил попугаю кулаком и пошел, обдуваемый со всех сторон сквозным ветром...»⁵⁶. После отказа в сватовстве: «Плотно сжав челюсти, Пашка вышел на улицу, отправился на Сухаревский рынок и купил острый кухонный нож. Пришел домой и заперся на крючок <...> по ночам сидел дома на крючке, и соседи слышали у него в комнате тихий звон, – на гитаре, что ли, учился играть, неизвестно»⁵⁷. Вместо того чтобы, как в волшебных сказках, задействовать волшебного помощника, автор оснащает Пашку характером и волей. Пашка тренируется набрасывать кольца на нож: «Всю зиму практиковался, сна решился»⁵⁸. Проявив упорство и характер, герой возвращается к выполнению функций по сходству с функциями сказки.

Борьба (Б²), победа (П²), ликвидация беды или недостачи (Л³). Герой рассказа, твердо уверенный в своей победе и упорнодвигающийся к своей цели, вступает в состязание с отцом Людмилы: «Лицо Пашки сделалось чугуном. На лбу вздулась вена. Он легко взмахнул напряженной рукой. Из его пальцев бегло полетели молнии. Ножи жужжали, застигнутые кольцами врасплох. Толпа выла, грохотала, росла. Народ бежал к балагану со всех сторон. Пашка почти не глядел в цель. Его глаза рассеянно блуждали. Он был страшен. Ни одно кольцо не упало в мешок. Через пять минут все было кончено»⁵⁹. Пашка подготовился к состязанию, борьбе (Б²) и, не оставив шансов противнику, обыграл отца Людмилы, разорил (П²) его предприятие. В этой сцене рассказ подходит к своей кульминации, но не к концовке. Разгромная победа не принесла Пашке счастья. Людмила совсем рядом, но пока не с ним. Пашка должен сделать последнее усилие. Начальная недостача (а¹) ликвидируется (Л³), герой добывает себе невесту. Этой функцией рассказ достигает концовки: «Объект поисков добывается при помощи приманок (Л³). Особый подразряд могла бы составить приманка в форме предложения обмена»⁶⁰. После выигрыша Пашка предъявляет ультиматум папаше Людмилы, происходит обмен, на этом история заканчивается: «В последний раз говорю, папаша, по-честному. Пускай все люди будут свидетелями. Отдайте девку и забирайте обратно барахло. На сто шагов больше к балагану не подойду, а так все равно по

ветру пушу все ваше предприятие. Нету мне без Людмилочки жизни». – «Бери! – крикнул старик и махнул рукой. – Тыфу! Забирай!»⁶¹. «Сеанс окончен, граждане, можете разойтись», – сказал Пашка и так осторожно взял девушку под локоть, словно он был фарфоровый»⁶².

Пример Б², П². Сказка «Змей и цыган»⁶³. Змей предлагает цыгану состязание на своих условиях, по своим правилам. Цыган смекалкой, умением побеждает змея. Цыган в сказке и Пашка в рассказе участвуют в игре противника, состязание происходит по предложенным правилам, противник проигрывает. Функции цыгана и Пашки схожи по существу действия.

Пример Л³. Сказка «Солдат избавляет царевну»⁶⁴. Солдат обыгрывает чертей в карты, предлагает обменять выигрыш, черт соглашается. Аналогично солдату в сказке, Пашка свой выигрыш обменивает на Людмилу. Сходство функций по действию.

Краткая схема подготовительной и основной части структуры функций в рассказе: **е б б ДГЗ § а¹ С↑ К З Б² П² Л³.**

Согласно правилу последовательности функций в сказке: «Обращенная последовательность дает сперва выход из дома, обычно бесцельный (“людей посмотреть и себя показать” и пр.), а затем уже по дороге герой узнает о беде»⁶⁵. Выход героя из дома, несомнимое с социальным положением поведение – распитие алкоголя, продолжение прогулки. Отлучка – **е**, запрет – **б**, нарушение – **б**. «В частности, например, можно увидеть, что элементы ДГЗ (испытание, реакция героя, награждение) часто стоят впереди **А** (начальное нанесение вреда). Не нарушает ли это закона? Нет. Здесь не новая, а обращенная последовательность. <...> Обращенная последовательность дает сперва добычу помощника, а затем уже беду, которая им ликвидируется»⁶⁶. Герой в рассказе встречает Дарителя (цыганку), ДГЗ (испытание, реакция героя, награждение). Даритель указывает герою на волшебного помощника, который принесет счастье, сообщает (осведомление – **§**, вспомогательный элемент) о возможных препятствиях на этом пути. «Осознание недостачи может происходить следующим образом <...> Герой (или отправитель) теряет свое душевное равновесие, загорается тоской по раз увиденной красоте, и отсюда развивается все действие»⁶⁷. Герой в балаганчике влюбляется в будущую невесту. Герой сталкивается с недостачей – **а¹**. «Начальная нехватка или недостача представляет собой <...> непосредственно поиски (С↑)»⁶⁸. Герой противодействует своему положению – С↑. Будущая невеста сохраняет потерянное фото героя. Скрытая форма обручения, героя клеймят (**К** – дополнительная функция). Герой ищет решение проблемы недостачи, сватается – С↑. «Трудная задача имеет целью <...> обнаружить, привлечь, найти героя настоящего»⁶⁹.

В последовательности функций трудная задача появляется тогда, когда приходит время понять, достоин ли герой своей цели (невесты). Герой получает трудную задачу – **З**. «Если задача разрешается немедленно и сразу ведет к браку, перед нами трудная задача и ее решение (**З – Р**)»⁷⁰. Автор не решает трудную задачу художественными средствами сказки, предоставляет герою возможность смекалкой, волей и умением противостоять противнику, добыть себе невесту. Герой состязается с противником (**Б²**), побеждает (**П²**). Недостача ликвидируется, герой обменивает победу на невесту – **Л³**.

Из представленного анализа и краткой схемы можно видеть, что последовательность действий персонажа рассказа «Ножи» с незначительными отклонениями имеют схожесть с закономерностью функций персонажа волшебной сказки. О глубоко проникновении в структуру действия рассказа говорит присутствие сложных конфигураций структуры сказки.

1. В волшебной сказке часто встречаются структурные узлы функций, например: «...Испытание героя дарителем, его реакция и награждение (**Д Г З**) также составляют некоторое целое»⁷¹. Комплекс функции **ДГЗ** наличествует в рассказе.

2. Парность функций, являющаяся структурным элементом волшебной сказки, также присутствует в рассказе «Ножи»: запрет – нарушение, недостача – ликвидация недостачи, отметка (клеймение) – узнавание.

До и после первой публикации рассказа «Ножи» (1926 г.) Катаев активно печатал в сатирических журналах фельетоны, пародии, эпиграммы, где использовал образы, стиль русской сказки, звучащие даже в названиях: «Сказочка про административную репку»⁷², «Петушок, петушок, золотой гребешок»⁷³, «Вроде сказки насчет неувязки»⁷⁴. Наверняка Катаеву были известны труды известных русских ученых: «Сказка: Розыскания по сюжетосложению народной сказки» Р. М. Волкова, вышедшая на родине Катаева, в Одессе, в 1924 г.; научные статьи В. Я. Проппа, предваряющие грандиозный труд «Морфология волшебной сказки» (1928 г.); работы Н. Е. Ончукова. С конца 1930-х – начала 1940-х гг. В. Катаев начинает писать художественные сказки: «Цветик-семицветик»⁷⁵, «Дудочка и кувшинчик»⁷⁶. В беседе с Павлом Валентиновичем (1938–2019), сыном В. П. Катаева, мы слышали фразу о том, что любовь в семье к русскому фольклору повлияла на то, что Павел Катаев стал детским писателем. Создавая рассказ «Ножи» Катаев пользовался бесконечной творческой свободой художественной формы, вместе с тем оставаясь в границах веками выработанной закономерности – функций персонажа волшебной сказки, своим творчеством находился в единой общности с русской фольклорной традицией.

Примечания

- 1 См.: Катаев В. Ножи // Красная нива. 1926. № 43. С. 2–5.
- 2 См.: Уварова Е. Эстрадный театр : Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945). URL: http://teatr-lib.ru/Library/Uvarova/estrada/#Text_215 (дата обращения: 20.03.2021).
- 3 См.: Васильев В. Музыкальная кинокомедия «Ножи». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OsqF-CLzXLI> (дата обращения: 20.03.2021).
- 4 См.: Катаев В. Ножи (текст). Водевиль в 3 актах // Малые формы клубного зрелища : Репертуарный сборник / под ред. Б. Южанина. М. : Изд-во МГСПС «Труд и книга», 1929.
- 5 Смирнов Н. Валентин Катаев – «Растратчики» // Новый мир. 1927. № 9. С. 218.
- 6 Скорин Л. Писатель и его время. М. : Советский писатель, 1965. С. 185.
- 7 Галанов Б. Размышления о Мастере и диалоги с ним. М. : Художественная литература, 1989. С. 23–24.
- 8 Климова Л. Драматургия В. П. Катаева // Театр и драматургия : Труды Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Вып. 1. Л. : ЛГИТМиК., 1959. С. 121.
- 9 Шаргунов С. Погоня за вечной весной. М. : Молодая гвардия, 2017. С. 217.
- 10 См.: Огрызко В. Циник с бандитским шиком. М. : Литературная Россия, 2015.
- 11 Пропп В. Собрание трудов. Русская сказка. М. : Лабиринт, 2000. С. 198.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Пропп В. Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. С. 61.
- 15 Пропп В. Собрание трудов. Русская сказка. С. 204.
- 16 Там же. С. 200–201.
- 17 Катаев В. Ножи // Катаев В. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. Рассказы и сказки. М. : Художественная литература, 1968. С. 328.
- 18 Фролка-Сиденъ // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/frolka-siden.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- 19 Пропп В. Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 28.
- 20 Там же. С. 27.
- 21 Катаев В. Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 333.
- 22 Там же. С. 328.
- 23 Иван-царевич и Белый Полянин // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/prince-ivan-and-white-polyanin&p2.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- 24 Пропп В. Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 99.
- 25 Катаев В. Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 328.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Пропп В. Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 66.

- ³¹ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 66.
- ³² Арикад-царевич // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/arikad-king&p2.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ³³ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 44.
- ³⁴ См.: Летучий корабль // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/flying-ship.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ³⁵ *Катаев В.* Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 331.
- ³⁶ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 70.
- ³⁷ Там же. С. 35.
- ³⁸ *Пронн В.* Собрание трудов. Русская сказка. С. 203
- ³⁹ См.: Солдат и Елена Премудрая // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/elena-wise.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ⁴⁰ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 70.
- ⁴¹ *Катаев В.* Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 332.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Пронн В.* Собрание трудов. Русская сказка. С. 219.
- ⁴⁴ *Катаев В.* Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 332–333.
- ⁴⁵ Там же. С. 328.
- ⁴⁶ Там же. С. 333.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 334.
- ⁴⁹ *Пронн В.* Собрание трудов. Русская сказка. С. 220.
- ⁵⁰ Там же. С. 221.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См.: Солдат и Елена Премудрая.
- ⁵³ См.: Скорый гонец // Сказки. URL: <http://www.ru-skazki.ru/fast-runner&p2.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ⁵⁴ См.: О Горе-горянце, Даниле-дворянце // Там же. URL: <http://www.ru-skazki.ru/danila-gentleman.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ⁵⁵ *Катаев В.* Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 328.
- ⁵⁶ Там же. С. 333.
- ⁵⁷ Там же. С. 334.
- ⁵⁸ Там же. С. 336.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 51.
- ⁶¹ *Катаев В.* Ножи // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 336–337.
- ⁶² Там же. С. 337.
- ⁶³ См.: Змей и цыган // Сказки. URL: http://www.ru-skazki.ru/?option=com_content&view=article&id=361&catid=60 (дата обращения: 20.03.2021).
- ⁶⁴ См.: Солдат избавляет царевну // Там же. URL: <http://www.ru-skazki.ru/soldier-rescued-princess&p2.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ⁶⁵ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 100.
- ⁶⁶ Там же. С. 99–100.
- ⁶⁷ Там же. С. 70.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Пронн В.* Собрание трудов. Русская сказка. С. 220.
- ⁷⁰ *Пронн В.* Собрание трудов. Морфология волшебной сказки. С. 62.
- ⁷¹ Там же. С. 60.
- ⁷² См.: *Катаев В.* Сказочка про административную репку // Гудок. 1926. № 26.
- ⁷³ См.: *Катаев В.* Петушок, петушок, золотой гребешок // Гудок. 1928. № 9.
- ⁷⁴ См.: *Катаев В.* Вроде сказки насчет неувязки // Гудок. 1928. № 70.
- ⁷⁵ См.: *Катаев В.* Цветик-семицветик // Катаев В. Собр. соч. Т. 1. С. 573–579.
- ⁷⁶ См.: *Катаев В.* Дудочка и кувшинчик // Там же. С. 567–572.

Поступила в редакцию 21.03.2021, после рецензирования 04.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 21.03.2021, revised 04.05.2021, accepted 12.05.2021

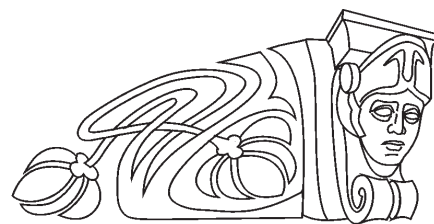
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–335
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–335
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31-87+929Газданов

Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» в прозе Гайто Газданова

Е. Е. Иванов

Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Иванов Евгений Евгеньевич, аспирант кафедры филологии и методики, ayaom@list, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>

Аннотация. В статье первый роман Гайто Газданова рассматривается как программное произведение, а его завершающие слова предстают эйдологической установкой, реализованной в последующих романах. Романное творчество анализируется в контексте всей прозы писателя. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» преобразуется в телеологию метароманного цикла автора.

Ключевые слова: эйдос, метаповествование, нирвана, «иное», «самость», цикл, доминанта

Для цитирования: Иванов Е. Е. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» в прозе Гайто Газданова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–335. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eidological complex “Dream of Clair” in prose by Gaito Gazdanov

E. E. Ivanov

Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia

Evgeniy E. Ivanov, ayaom@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>

Abstract. This article first novel Gaito Gazdanov regarded as a software product, and his final words appear eydologicheskoy installation implemented in subsequent novels. Romantic creativity is analyzed in the context of the prose of the writer. The eidological complex “Dream of Claire” is transformed into the teleology of the author’s metaromaniac cycle.

Keywords: eidos, metanartelling, nirvana, “other”, “self”, cycle, dominant

For citation: Ivanov E. E. Eidological complex “Dream of Claire” in prose by Gaito Gazdanov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение прозы Г. Газданова как единый конструкт предпринималось разными учёными. Историко-литературный «комментарий» как метатекст¹ данного автора сделан в исследовании Э. Александровой. Полигенетическая природа газдановского интертекста рассмотрена С. Кибальником². Анализ «романного опуса» Г. Газданова как «крупной циклической формы» проделан Е. Проскуриной³. Попытка выявления целостной картины художественного мира писателя в эйдологическом аспекте осуществляется впервые.

В диссертационном исследовании О. Юрьевой «Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века»⁴ говорится об «эйдологических комплексах» как мыслеобразах, сопутствующих основной идее и образующих с ней единый смысловой комплекс. Речь идёт о ведущей

идее и её контекстуальном окружении «как наивысшей мыслительной абстракции, явленной в её материальной эманации, то есть как синтез материальной и нематериальной субстанции, когда, по замечанию А. Ф. Лосева, “инобытийность дана как эйдос”. Этим “цельным словом” и является идея, то есть – имя идеи, запечатленное в Слове»⁵. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» рассматривается нами как целостность, образованная двумя эйдотическими элементами. Словосочетание «Сон о Клэр» в сильной позиции текста – концовки романа – возвращает к заглавию подобно «герменевтическому кругу», а неожиданная смена грамматического прошедшего времени, отличающего повествование в целом, на настоящее («сбивающийся сон о Клэр») актуализирует конец дебютного текста как спиралевидное начало «киного». Энигматичность «Вечера у Клэр» предстаёт приглашением

к путешествию на новый уровень развития художественной философии автора, в которой «произведение выступает эйдологическим воплощением Высшего разума»⁶.

У Ф. Достоевский в «Дневнике писателя» читаем о том, что невидимый мир, окружающий человека, наполнен «идеями», которые «живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым»⁷. Далее акцентируется мысль о гармонии идеального мира («непреречно по законам»). При этом подчёркивается, что «уловимость» этих принципов миропорядка недостижима рационально-материалистическим путём, а только интуитивно-духовным. У каждого большого писателя свои принципы построения образной системы, способы восприятия и воспроизведения идей в эйдологических формах. В поэтике Г. Газданова просматривается последовательность изображения идей на метауровне, которая обнаруживается уже в эпиграфе к первому роману, взятому из письма Татьяны («Евгений Онегин» А. Пушкина). Символически сжатая до размеров «свиданья верного» «жизнь» – «залог» создаёт универсальный образ цикла, который на макроуровне проецирует представление о тексте (письма близкой образу автора героини) в виде онтологической интуиции, которая в купе с финальными строчками романа «Вечер у Клар» погружает читателя в художественный мир всего творчества писателя.

Иностранное слово «Клар» предстаёт «именем идеи». Его перевод на русский – «прозрачность, свет», консолидируемый с эзотерическими подтекстами, приводит к обозначенным в последних романах писателя представлениям о нирване как высшей цели существования. «При этом “эзотерический” не обязательно означает “тайный”. Это же слово может иметь значение “странный”; оно часто употребляется как синоним “гнозиса”, то есть знания того, что невозможно выразить словами»⁸.

Поиск «душевной гармонии»⁹ определяет стержневой принцип эволюции героя в его стремлении уравновесить внутреннюю раздвоенность, обрести «самость» в обезличенном мире, достичь нирваны-пробуждения от сна автоматического существования и стать независимым от эгоистической привязанности к «тьме вещей», ошибочно принимаемой за реальность. Онейросфера субституирует вненаходимое творческое начало автора, а имя «Клар» как «имя идеи» постулирует масонский «коридор света», «просвечивающий» сплошной транс повседневности.

В своем фундаментальном исследовании А. Хензен-Лёве пишет: «Как и все мифопоэтические символы, “прозрачность” означает как метафизическое качество просвечивания, пронцаемости визионерского или имагинативного видения, так и свойство феноменов представлять в этом аспекте (*sub specie aeternitatis*) преобразенными, т. е. “очевидными” как символы некоего

“мира иного”»¹⁰. Оказываясь в паре со словом «вечер» в названии первого романа и в связке со словом «сон» в его завершении, тавтологический индекс «Клар» определяет пресуппозицию всей метанаррации. «Вечер» мыслится как «затухание» жизнедеятельности, также переводится и понятие «нирвана», при которой взамен суетного способа существования проявляется внутренний свет, метафизическая оптика. Парадоксальный универсум, стоящий за этой герменевтикой, – «смерть есть жизнь» (и наоборот), а также «жизнь есть сон», а «смерть-пробуждение» в последних романах писателя манифестируют остранённость как модус творческой деятельности («Эвелина и её друзья»), так и в просветлённой жизни «среднего француза», т. е. любого человека в текущем «здесь и сейчас» («Пробуждение»). «Сон у Г. Газданова релятивизируется до полярных смыслов: гибельная ловушка гипнотического автоматического существования и горизонт культуры как креативный мир грез. Крипосемантика этого понятия выявляется в контексте художественной философии автора»¹¹. Созерцательная вненаходимость нирваны оказывается высшей степенью «участного мышления»¹² творца, а в случае с Пьером, который исцеляет душевнобольную, мы видим «нирвану бесполезных чувств, но не поступков»¹³.

Мотив «неверного света» иллюзий окружающего мира определяет интенцию главного героя обрести «иной её образ» (I, 47), которая пролонгируется в последующих романах. «Спящий товарищ» из бронепоезда «Дым» предвосхищает «свидетеля и участника» событий «Возвращения Будды», как и «призраки с обрубленными кистями» после прелюбодения с Клар, которые стали субстратом для дивинологии «Призрака Александра Вольфа» и «Возвращения Будды». Беседа с дядей Виталием о контингентности бытия вылилась в кармическую подоплёку романа «Полёт». Цикл в цикле – романы с тематизацией пути «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Пилигримы» условно являются следствием ухода Николая из дома. Сама фамилия автобиографического героя Со-седов проецирует архитектуру двоимирия, двоичность стратегии повествования, неотъемлемую для всех текстов Г. Газданова. Отличие в том, что после «Вечера у Клар» нарратор уже вступил в «иное», трансцендентное, и стал безымянным. Соседство со «смертью» (у масонов, в обществе которых входил Г. Газданов, это – «любовь к смерти») в «Призраке Александра Вольфа» становится родственным «счастью» – «смерть и счастье суть понятия одного и того же порядка» (III, 106).

В первооснове эйдологической телеологии Г. Газданова лежит принцип полионтичности – множества существований в кругозорах главных героев. На субъектном уровне различные состояния объединены идеей достижения равновесия противоположных начал – гармония буддийских

«Золотых рыбок» (заглавие рассказа Александра Вольфа). Особенно показателен в этом смысле «Вечер у Клэр» в лице перволичного повествователя, озабоченного своей «душевной болезнью», которая в рассказе «Ход лучей» вызывает изоляцию персонажа-аналитика игры в бридж.

В дебютном романе «иной образ Клэр» коррелирует с «иным образом площади Согласия», как бы указывая на путь преодоления мнимых перегородок между людьми. «Сон о Клэр» в эротическом ключе предполагает активное начало «янь» как «путь в одном определённом направлении к женщине», в определении М. Горького (IV, 29). Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» от протестической открытости первого романа с установкой на «иное» видоизменяется так, что концепт «сон», оставаясь сквозной темой, претерпевает эволюцию в плане коннотаций, а «Клэр» как элемент «инь», женское начало художественной картины мира Газданова, преобразуется и в наименованиях, и в смысловом плане. Если «Клэр» – обобщающий эйдос феминности, «Вечная женственность», то «Елена» в «Призраке Александра Вольфа» – неповторимая и несравненная. Автор, перед тем как его героям перейти к близости, обыгрывает следующую реакцию дамы на инициативу кавалера. У Клэр фраза «Вы с ума сошли», сказанная по-французски *mais vous êtes fou* (I, 41), – лишь кокетливый элемент куртуазной игры, а в сходной ситуации «Призрака Александра Вольфа» мы читаем комментарий, который гипертекстуально подтверждает присутствие «иного» в эволюции героини: «Я знал, что всякая женщина на ее месте должна была мне сказать одну и ту же фразу: – Вы с ума сошли.

Но она ее не сказала. Мне казалось, что я приближаюсь к ее лицу точно сквозь смертельный сон» (III, 56).

Феминная полусфера как истинный свет жизненного универсума в образе «Эвелины» в последнем романе Г. Газданова, этимологически производном от «Евы», эзотерической прародительницы человечества, создаёт утопию дружбы без насилия, без построения своего благополучия за счёт ближнего. В «Вечере у Клэр» герой сожалеет о том, что в его жизни нет дружбы: «слова “товарищ” и “друг” я понимал только теоретически» (I, 63). Последний роман, циклично откликаясь на этот посыл, в *ином* экзистансе демонстрирует человеческие отношения – в свете «площади Согласия». В контексте природного «происхождения и развития нравственности» следует интерпретировать и упоминание Николаем Соседовым П. Кропоткина (I, 121) как аргумент в споре с дядей Виталием о «нематериальной биологии» (I, 118). П. Кропоткин в своей «Этике», опираясь на полный вариант учения Ч. Дарвина, важнейшими инстинктами самосохранения называет «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность»¹⁴.

Архитектоника романов Г. Газданова следует принципу энантиодромичности. Уже в «Вечере у Клэр» герой, вынужденно отправляясь в сторону Запада в эмиграцию, в своём внутреннем движении следует на Восток. Соседову на корабле грезятся азиатские картины буддийских стран. В «Эвелине и её друзьях» герой концепциирует эту разнонаправленность в построении «всякой литературной схемы»: «... всякая последовательность эпизодов или фактов в жизни одного человека или нескольких людей имеет чаще всего какой-то определенный и центральный момент, который далеко не всегда бывает расположен в начале действия – ни во времени, ни в пространстве ... главная его особенность состояла в том, что от него, если представить себе систему графического изображения, линии отходили и назад и вперед» (IV, 173–174). «Центральный момент» или доминанта циклизированного моделирования биографии в литературном продукте обретается в «движении души» (IV, 335), поскольку, как полагал М. Бахтин, «всё, даже мысль и чувство есть мой поступок»¹⁵.

При этом «письмо эмоций»¹⁶, по определению И. Яндль, в творчестве Г. Газданова детерминирует и сюжетность текста, и художественную тематику, и внутреннее становление героя. Исключение составляет «Ночные дороги», не вписывающийся в ирреалистическую, двоёмирную, вечернюю атмосферу эйдологического комплекса. М. Рубинс даже выводит этот роман за пределы основного (гуманистического) русла русской литературы: «“Ночные дороги” остаются уникальной книгой, отличной от всего, что Газданов написал до или после. Как и гоголевское творчество (в газдановской интерпретации), “Ночные дороги” отличаются от русской традиции не столько обилием “отрицательных” персонажей, сколько отсутствием намека на альтернативу, на возможность духовного преобразования»¹⁷.

Соседов, в отличие от героев Ф. Достоевского, стремится к обособлению от жестокой реальности. Он противостоит идеям зла через призму «иного». «Как в корпусе, так и в гимназии, куда я потом поступил, – меня смущало количество моих одноклассников. Я не знал, как мне относиться ко всем этим стриженным мальчикам ... Я боялся потеряться в этой толпе» (III, 73). И в эпизоде с миграцией крыс, и в поглощении тарантула муравейником Николая страшит обезличенная, машинерная безликость насилия, «эпидемии трихин», если использовать образ из сна Раскольникова, который трансформировался в «эпидемию сна» в «Пленнике» и в мотив борьбы со сном в ситуациях, чреватых насильственной смертью коллективного помешательства войны («Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды»).

Сновидность автоматического существования героев в ракурсе сплошного насилия войны в рассказе «Пленник» доведена до нуминозно-

го предела. Мотив сна из идеи борьбы со сном как риске потерять жизнь на войне в «Призраке Александра Вольфа» трансформируется в буддистские коннотации смысла жизни в совершении добрых дел романа «Пробуждение». А в романе «Эвелина и её друзья» стереоскопия авторского невмешательства заключена в понятие «нирвана»: «У тебя в этом состоянии остаётся самая ценная, по-моему, возможность, которая дана человеку, – созерцание. Ты видишь жизнь, которая проходит перед тобой, но не принимаешь в ней участия» (IV, 94).

Ещё одним принципом в эйдологическом уплощении «иноного образа» реальности, её сокрытой сущности предстаёт мотив перевёрнутости мира, который в «Ходе лучей» в пародийной травестии «нелепого физического закона» зрительного восприятия мира доводится до абсурда сюрреалистическим «глазом короля пик», преследующим, в отличие от гоголевского «Носа», своего хозяина. Этот глаз карнавалом пародирует и «всевидящее око» бога, и отсылает к зазеркальным головоломкам «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла. Разбитая выстрелом ваза в финале «Призрака Александра Вольфа» образует переключку с выстрелом «в глаз, который после этого разлетелся на мелкие кусочки» (IV, 475) в «Ходе лучей».

Миссия писателя как следствие достижения нирваны, следующая за практической работой по спасению ближнего («Пробуждение»), выводит героя за пределы циклического целого в виталистическую избыточность и незавершённость мира. В этом плане закономерна незаконченность романа «Переворот» как предостережение всему несовершенному становящемуся миру, рискующему «недовоплотиться».

Подводя итог, отметим следующее.

Был выявлен ведущий принцип развития метаповествования – циклизация, которая обусловлена наличием поверхтекстовых доминант. Из энигматической формулы «сон о Клэр» оба компонента пролонгируются в метароманном корпусе. Каждый отдельный роман манифестирует стадиальную смену существований на спирали преодоления круга сансары или «вечного возвращения» до ступени пробуждения-просветления-нирваны.

Имплицитная организация метанаррации энантиодромична, что проявляется в парадоксальности и загадочности стиля, с перетеканием доминант, генерализующих повествование. Ключевыми доминантами являются «иное» и вариативная репрезентация «сна». Клэр отличалась «законченным телом» и способностью «оставаться собой» (I, 47) при текучей идентичности её психологической репрезентации: «...принимала формы разных женщин и становилась похожей то на леди Гамильтон, то на фею Раутенделейн» (I, 92). «Иной образ» Клэр – цельность душевная, а не телесная – в переходе на новый уровень мировосприятия героя выглядит

как целительство и альтруизм в «Пробуждении» и как труд писателя в «Эвелине и её друзьях». И то, и другое в эйдологическом освещении предстают метафорой «перерождения» (I, 126).

Также немаловажную роль в контексте «всеединства» играет принцип полионтичности системы образов, заявленный в финале «Вечера у Клэр» контаминацией темы любви и «площади Согласия» (I, 160). Установка на «иное» в социуме и в отношениях героя и героини в последующих текстах будет принимать различные конфигурации, не обязательно позитивные. Тем не менее, беспросветное парижское дно «Ночных дорог», неизбежность насильственной смерти в «Призраке Александра Вольфа» и перевёрнутый кошмар «Хода лучей» аннигилируются умиротворённостью последних романов писателя, в полной мере олицетворяющих утопическую инаковость тупиковому положению вещей в объективной реальности.

Примечания

- 1 Александрова Э. Романы Гайто Газданова 1920–1930-х гг. (Проблемы историко-литературного комментария) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 7.
- 2 См.: Кибальник С. Человек на войне : Гайто Газданов, Лев Толстой, Фёдор Достоевский (о романе «Вечер у Клэр») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 6. С. 17–23.
- 3 Проскурина Е. Романы Гайто Газданова как крупная циклическая форма // Нарративные традиции славянских культур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. / Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т филологии ; отв. ред.: Е. К. Ромодановская, И. В. Силантьев. Новосибирск : Изд-во Института филологии СО РАН, 2009. С. 283.
- 4 См.: Юрьева О. Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
- 5 Юрьева О. Учение об идее Ф. М. Достоевского и эйдологический статус символики в русской литературе начала XX столетия // Казанская наука. 2019. № 3. С. 25.
- 6 Иванов Е. Нуминозное в прозе Г. Газданова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 57.
- 7 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 24. С. 51.
- 8 Лейтон Л. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе : Декабризм и масонство. СПб. : Академический проект, 1995. С. 9.
- 9 Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М. : Эллис Лак, 2009. Т. 3. С. 27. В дальнейшем все произведения Г. Газданова приводятся в тексте по этому изданию с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- 10 Ханзен-Леве А. Русский символизм : Система поэтических мотивов : Мифопоэтический символизм начала века : Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. С. 99. (Современная западная русистика).

- ¹¹ *Иванов Е.* Сон в прозе Гайто Газданова как анарративная стратегия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 171.
- ¹² *Бахтин М.* Человек в мире слова. М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. С. 26.
- ¹³ *Циолковский К.* Очерки о Вселенной. Калуга : Золотая аллея, 2001. С. 13.
- ¹⁴ *Кропоткин П.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М. : Политиздат, 1991. С. 260.
- ¹⁵ *Бахтин М.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁶ *Jandl I.* Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov : Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov : Sinne und Emotionen als motivische und strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. Berlin : Peter Lang GmbH, 2019. S. 7.
- ¹⁷ *Рубинс М.* Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 189.

Поступила в редакцию 15.02.2021, после рецензирования 04.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 15.02.2021, revised 04.05.2021, accepted 12.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 336–340

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 336–340

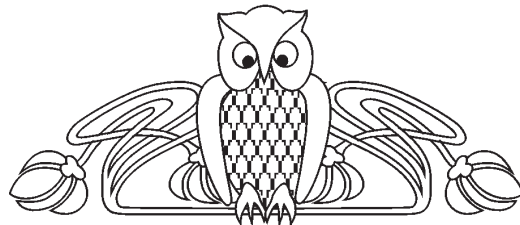
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Касмынин

«...Помнить до берёзки». О природе метафоры в поэзии Геннадия Касмынина

И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Пырков Иван Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Аннотация. В статье, посвящённой поэтическому наследию Г. Г. Касмынина, делается попытка определить художественное и философско-мировоззренческое предназначение метафоры в творческом методе поэта, актуализируется свойственная его поэзии метафорическая картина мира, противостоящая времени распада, трагическому мироощущению исторического рубежа, когда талант автора достиг наивысшего подъёма.

Ключевые слова: метафора, Касмынин, поэзия, гражданская лирика, внутренняя динамика, интерпретация, медленное чтение, мирозидание

Для цитирования: Пырков И. В. «...Помнить до берёзки». О природе метафоры в поэзии Геннадия Касмынина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 336–340. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

‘Remember till every birch’. Metaphor in the poetry of Gennady Kasmynin

I. V. Pyrkov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan V. Pyrkov, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Abstract. In an article dedicated to the poetic heritage of G. G. Kasmynin, an attempt is made to determine the artistic and philosophical paradigm of metaphor in the poet’s creative method, the metaphorical picture of the world of his poetry is actualized, opposing the time of decay, the tragic concept of the historical frontire, when the author’s talent reached its peak.

Keywords: metaphor, Kasmynin, poetry, civic lyrics, inner dynamics, interpretation, slow reading, world creation

For citation: Pyrkov I. V. ‘Remember till every birch’. Metaphor in the poetry of Gennady Kasmynin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 336–340 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стихи выдающегося русского поэта Геннадия Григорьевича Касмынина (1948–1997), имеющие широкий резонанс в литературной критике и эссеистике¹, никогда ещё не становились предметом специального литературоведческого анализа. При этом языковая и образно-семантическая уникальность касмынинской поэзии предрасполагает к постановке целого ряда актуальных вопросов, касающихся создания и бытования образного строя стиха, переосмысления его жанровой сущности, расширения тематического интерпретационного поля. Мы сосредоточим наше внимание прежде

всего на метафорическом строе стихов Геннадия Касмынина, что объясняется не только ключевой ролью метафорических переносов в художественном методе поэта, спецификой «творческой лаборатории» автора, но и его особым метафорическим мышлением.

«Объективно существует два способа создания ментальной проекции мира: дискурсивно-логический и метафорический. Логическая картина мира представляет собой совокупность умозаключений, понятий, законов, полученных дедуктивным путем, т. е. постепенным перехо-

дом от частного эмпирического свойства к общему закону (с использованием всех имеющихся понятий) <...> Метафорическая картина предполагает результат фокусировки признаков. Это свойство позволяет человеку мгновенно перерабатывать и трансформировать огромный массив знаний», – пишет Н. В. Горянинова в статье «К опыту исследования поэтической метафоры»².

Действительно, метафорическая картина мира отличается исключительной образно-смысловой насыщенностью, что значимо для поэтического дискурса, в котором парадигматические отношения «автор – текст» и «читатель – текст» выстраиваются, в первую очередь, вокруг смыслообразующих метафорических переносов. Являясь важнейшей координатой поэтического континуума, создавая пространственно-временные модели, презентуя эмоционально-смысловое ядро стихотворного текста, метафора, по меткому замечанию В. Б. Шкловского, «выводит предмет из автоматизма восприятия»³.

Показательны в свете вышесказанного касмынинские строки: «Столетие всеобщего испуга. // Заштопанные наскоро поля. // Достаточно прикосновенья плуга – // Теряет равновесие земля»⁴.

«Заштопанные... поля» – метафора фокусирует на себе внимание при медленном чтении (именно такой метод наиболее эффективен, как нам представляется, при исследовании касмынинской поэзии), вмещает в себя целую картину, причём не статичную, а динамично меняющуюся. Поля заштопаны «наскоро», что говорит о необустроенности, непостоянстве окружающей жизни. Наречие «наскоро» несёт значительную семантическую нагрузку, определяет образную парадигму стихотворения в целом, становится частью диалогического звена, связующего поэта и читателя. «Наскоро» – значит, не хватило времени, стремления и умения ухаживать за полем прилежно. Посредством метафоры поэт выводит разговор на уровень социально-философских обобщений: что-то исконное ушло из культуры, растворилось в каждодневных делах и заботах. Строка начинает обретать тревожное звучание, поскольку неизбежным итогом вынужденной торопливости – поспешности жизни – становится потерянное равновесие. И человеком, и обществом. Отношение автора к потере бытийного равновесия очевидно, авторская модальность выражается через метафору, переводящую отношение «автор – текст», «читатель – текст» в диалоговую форму: автор – читатель.

Следуя традициям русского классического стиха (С. Есенин, Ф. Тютчев, Н. Рубцов), Г. Касмынин трансформирует поэтические каноны в соответствии с актуальной для своего времени проблемно-тематической парадигмой.

И я с тобою слышу этот вой
И тонущие, стонущие звуки
Над рельсовой двойной тетивой,
Над встречей нашей в нежности разлуки (212).

Выступая смысловой доминантой четверостишия, метафора (рельсы натягиваются, подобно тетиве лука) инвертирует пространственно-временную модель, сопутствующую образу встречи-разлуки. Эмоциональное «силовое поле» традиционного поэтом образа, создаётся метафорой – натяжением «двойной тетивы». Ритмико-мелодический рисунок данных строк также определяется их метафорическим наполнением. Внутренние звуковые переключки и рифмы (тобою – вой; тонущие – стонущие) интенсифицируют эмоционально-экспрессивную окрашенность метафоры, придают ей динамику. В итоге автор не просто преодолевает «автоматизм», о котором писал В. Шкловский, а добивается абсолютной новизны восприятия, что ценно для поэтического дискурса.

Г. Касмынин тяготеет к образному выражению мыслей и чувств, не манифестируя напрямую ту или иную поэтическую идею, а ретранслируя её опосредованно, через метафорический строй своих произведений. Метафора выступает универсальным (и уникальным) «строительным материалом» касмынинского художественного мира.

Чтобы выяснить, в чём именно состоит уникальность касмынинской метафоры, вновь обратимся к первоисточнику.

И рядом, в омуте глубоком,
Под боком у сырых коряг
Вздыхал чуть слышно старый окунь,
Как будто списанный моряк.
И наш овраг, где плакал тихий
Пересыхающий ручей,
Заполнили сухие крики
Ворон, и галок, и грачей.
Сухие крики, словно листья,
Отвесно падали к воде.
И доносился дальний выстрел,
И пахло осенью везде (93–94).

Эти строки высоко ценил Н. Старшинов, он писал: «Стихи мне пришли на память не случайно – поэт сумел в них очень точно передать <...> осенний щемящий пейзаж <...>. Рядом с грустью в этих стихах была и добрая улыбка, вызванная “списанным моряком – старым окунем”, действительно полосатым, как тельняшка»⁵.

Если исключить яркий метафорический образ из стихотворного текста, стихотворение потускнеет, «сожмётся», исчезнет его атмосфера, сузится семантическое поле. Очевидно, что образно-смысловая стройность стихотворения, органичность его лексико-семантической структуры обеспечивается предельно точным метафорическим переносом. За счёт метафоры гармонизируется и звуковой уровень поэтического текста. Перекликающиеся аккомодации («глубоком... боком... окунь») создают звуковой образ глубокого омота, выражают идею трагической замкнутости жизненного круга.

В поэтике Г. Касмынина метафора нередко играет локомоторную роль, определяя вектор авторской мысли. «Тебя называли хорошей // И ровной, словно шоссе. // Была ты дорогой, проросшей // В пшенице, во ржи и овсе. // Была ты горячей от солнца, // Спасала от грусти и слёз. // Крутил ветерок веретёнца // За следом тележных колёс...» (326). Лексико-семантическая парадигма стихотворения тщательно выстраивается по этому. «Веретёнца» – это, скорее всего, бегущие за колёсами столбики пыли. Метафора требует исключительной точности в лексической выборке. Существительное «столбик», как и любой другой контекстуальный синоним, неизбежно «остановит» внутреннюю динамику лирического произведения, исказит голос лирического героя и авторскую мысль. Единственно возможное здесь слово «веретёнца», в толковании которого на первый план выступает сема динамики, приводит в движение изображаемую картину. Метафора Г. Касмынина, имеющая динамико-образующую и текстостроительную функцию, пластична, поэт «вылепливает» из лексического материала очередной динамический образ.

Художественное предназначение метафоры в творчестве поэта вариативно. Нередко метафора становится эмоциональной и семантической разрядкой, выразительным кадансом, подводящим своеобразный интонационный и образный итог текста. Как, например, в концептуальном для автора стихотворении «Учебная атака»:

Меня убили наповал.
Условно. При атаке.
Я в луговой траве лежал,
И колосились злаки.

Лежал, не думал ни о чём
И остывал от пота.
Земля дрожала над плечом –
То шла вперёд пехота.

И слышно было мне, когда
Я был убит в атаке,
Как в стеблях двигалась вода
И созревали злаки.

Я сжал былинку в кулаке,
И божия коровка
Пятном родимым на щеке
Пристроилась неловко... (135).

Композиционная ось стихотворения такова, что каждая строка ведёт в нём к последнему четверостишию, к художественной расшифровке идейно значимого для поэта метафорического образа. Скрытое сравнение «божией коровки» с родимым пятном выводит стихотворение на обобщённо-символический уровень, поднимает частный случай до высоты глобального философского обобщения. Лирический герой, условно убитый при учебной атаке, не просто лежит на земле – он становится к ней ближе, ощущает

кровное с ней родство. Метафорой, объединившей «божией коровку» и родимое пятно, напомнившей лирическому герою в переломный момент жизни о кровном родстве с землёй, мотивируется глубоко личное патриотическое чувство. Так метафора влияет на жанровую природу касмынинского стихотворения, превращая его в яркий пример гражданской лирики.

Талант Г. Касмынина набрал высоту в последнее десятилетие двадцатого века, в то время, когда искусство, в том числе и искусство слова, столкнулось с мощными центробежными процессами. Распадались прежние связи, рушились нравственные границы, изменялся ход и уклад жизни. Поэт Юрий Кузнецов, считавший талант поэта уникальным, писал: «Геннадий Касмынин глубоко переживал развал родной страны. А появление целого племени незнакомых молодых людей с амбивалентной нравственностью его озадачивало»⁶.

Характерная дневниковая запись Г. Касмынина во многом раскрывает, каким представлял автор предназначение поэта и поэзии: «Трагический лик будущего виден сквозь полузакрытое око Байкала и рёбра плотин на великих реках, сквозь репрессированные мелиорацией болота и кислотные дожди над головами облысевших в Черновцах детей. Им-то и достанутся все наши так называемые достижения, им-то и придётся напрягать все силы, чтобы удержаться на краю гибели и повернуть дорогу человечества в цветущие и душистые луга, беломощные боры, небесно-чистые побережья речек <...>. Грозная предстоит работа, и справится ли с нею освобождённое от роботизированного подчинения техническим идеям человечество, во многом зависит от высоты духа, от непрестанно укрепляющего его на крестном пути страдания искусства, от языка нашего зависит, от слова <...>. Зависит и от поэзии»⁷.

Как видим, Г. Касмынин признаёт за поэтическим словом, а значит, и за метафорой, духовно-созидающую миссию. Одна из главных, специфических сторон касмынинской метафорики заключается в том, что её собственно *текстостроительная* задача совмещается в творчестве поэта с задачей *миросозидательной*, чем логично объяснить гражданское звучание многих произведений поэта. Творчество Г. Касмынина противостоит времени распада, «развала», причём характер этого противостояния – не разрушительный, а созидательный. Поэт создавал свой поэтический мир как раз «на разрыве», на тектоническом разломе истории, на месте духовного опустошения. Именно в этом, возможно, заключалась личная трагедия поэта. И в этом же состояло высшее предназначение его поэзии.

Касмынинская метафора, перерастая границы собственно поэтики, становится знаковой частью авторского миропонимания, стремится и к отражению мира, и к его моделированию. «На

подсвечники кувшинок натекает жёлтый воск» (104); «Подсолнух осени лушили // Пичуги аж до белых мух» (113); «Всю ночь под окном просто-яло в печали // Бездомное дерево в мокром пальто» (129); «А за стеной кузнечик в коноплянике // На солнцепёке песенку дробил» (89).

«Использование метафоры в поэтическом тексте индивидуально: у разных авторов метафора “работает” по-разному. Языковой анализ метафор в произведении поэта позволяет установить отношение метафоры к идиостилю автора художественного текста», – замечает М. С. Ястребов-Пестрицкий⁸.

Исследуя природу метафоры в стихах Г. Касмынина, можно составить детальное представление о языке и стиле автора, о его художественном почерке, об особенностях его художественного мира. Но не менее важно и то, что по касмынинским метафорическим строкам можно изучать «голос эпохи» рубежа веков.

Одно из самых известных стихотворений Г. Касмынина называется «Гнездо перепёлки». В нём, отражающем время распада и противостоящем ему, говорится о разорённом перепёлочьем гнезде.

Не слышать перепёлок во ржи,
Только спутник проносится, тикая,
И деревня стоит у межи,
Обречённая, тёмная, дикая.
Это всё отболело давно,
Это место зовётся Горелое,
Даже кладбище здесь сожжено, –
Плешь осталась песчаная, белая.
Поднялась высоко лебеда.
Мы из лучшего в худшее сосланы,
То протаем весной изо льда,
То костями желтеем под соснами.
Не прошу я, пока не умру,
Не забуду, пока не забудется,
Как свалилась ничком на юру
Умирать у колодезя улица <...> (237).

«Чем нравится мне это стихотворение? – размышляет Б. А. Леонов. – Прочитав его, хочется помолчать. Подумать, вспомнить что-то своё, глубоко личное. И понять боль человеческую, понять причину, её породившую...»⁹. Дать односложный ответ о природе драматичного мировосприятия, запечатлённого в «Гнезде перепёлки», вряд ли возможно. Но одним из «ключиков» к интерпретации касмынинского стихотворения могут стать его метафоры. О движении времени свидетельствует спутник, который «проносится, тикая». Время же на земле, в деревне, изображается контрастно – остановившимся. «Горелое» – символично-образный топоним. Лексико-стилистическая модель стихотворения построена на аргументе к нисхождению, подкреплённом развёрнутой метафорой: улица, свалившаяся умирать «ничком на юру». Редкий в поэзии Г. Касмынина пример безысходности. Однако сам метафорический строй поэтического текста да-

рит надежду на возрождение утраченных духовных ценностей. Метафорическое мышление, при всей его драматичности, привносит в творчество поэта мотив надежды, неразрывно связанный с мотивом памяти. Продолжая диалог с читателем, поэт обещает не забывать об улице, о разорённом гнезде перепёлки, т. е. оставаться верным нравственным рубежам прошлого, чтобы двигаться вперёд. Не случайно в одном из стихотворений автор делает смысловой акцент на редком северном речевом обороте: «Я буду помнить до берёзки» (254). До берёзки – т. е. до конца жизни, до «берёзы над крестом» (255). Тема памяти, проходя красной нитью сквозь всё касмынинское творчество, имеет в нём яркое метафорическое воплощение.

Поэзию Г. Касмынина неверно было бы называть «упаднической», её смысловые коннотации многообразнее: сохранение памяти поколений, сбережение духовно-нравственного наследия, воспевание жизни во всех её философско-бытийных проявлениях.

Гляжу с горы на ледоход
И слушаю грачиный гам.
На льдине валенок плывёт
Куда-то к новым берегам <...>.
Ползла зелень всё быстрее,
И всё нежней рука в руке,
А вот и первый соловей
Забулквал в майском лозняке.
О дни весны, о вечера!
Живее взгляд и голос мой!
Но был моложе я вчера,
Ещё моложе был зимой.
Сирень цветёт, цветёт, цветёт,
Душа щемит, щемит, щемит,
И жизнь идёт, идёт, идёт,
И лес шумит, шумит, шумит... (40).

Тематический вектор знакового для касмынинского творчества стихотворения, как и в предыдущем примере, соотносится с временем, но не *остановившимся*, а *неостановимым*. Субъективно-эмоциональное стремление автора запечатлеть движение времени выражается в подборе глагольных рядов, в лексических повторах, в подчёркнуто экспрессивной пунктуации. Изобразительные планы сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой: плывут льдины – зеленеют деревья – пробуют голос первые соловьи – «всё нежней» становится рука в руке – цветёт сирень. Динамика авторской мысли, становясь в последних строчках интенсивнее («И жизнь идёт, идёт, идёт, // И лес шумит, шумит, шумит...»), продолжается многоточием, которое позволяет строке звучать после её завершения. Стихотворение в целом воспринимается как развёрнутая метафора неостановимо бегущего времени, что характерно для диалектически противоречивой касмынинской поэзии. «Живее взгляд и голос мой!». Весна даёт иллюзию молодости.

«Но был моложе я вчера» – никуда не деться от понимания трагичности бытия.

Таким образом, метафора выполняет в художественном мире Г. Касмынина целый ряд функций: становится проводником авторской модальности, гармонизирует фонетический строй, определяет лексико-стилистическую специфику стихотворных текстов, участвует в композиционных построениях, влияет на жанровую природу, обеспечивает непрерывность взаимодействия между автором и текстом, читателем и текстом, создаёт диалоговые предпосылки для общения автора с читателем. Важно подчеркнуть, что текстостроительная роль метафоры совмещается в касмынинском творчестве с выходящей за привычные рамки поэтики мирозидательной задачей, что отражает специфику драматично-напряжённого диалога поэта с переломным временем рубежа эпох и является залогом интереса к его творчеству в настоящем и будущем.

Юрий Кузнецов писал о Г. Касмынине: «Его похоронили в ясный сентябрьский день на подмосковном кладбище, в белом чистом песке, рядом с сосновым бором. Даты его жизни – 1948–1997. Над его могилой много неба и воздуха, как и в его стихах... Но весь он не умер. Своей лучшей частью – стихами – он остался на земле и в этом смысле прорвался в новый век»¹⁰.

Поступила в редакцию 17.03.2021, после рецензирования 21.03.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 17.03.2021, revised 21.03.2021, accepted 12.05.2021

Примечания

- ¹ См.: Кузнецов Ю. Нечто о поэте // Наш современник. 2002. № 2. С. 248–250 ; Артюхов Е. Человек, приобщающий света // Наш современник. 2018. № 4. С. 253–256.
- ² Горянинова Н. К опыту исследования поэтической метафоры // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 189.
- ³ См.: Шкловский В. Искусство как приём // Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983. С. 9–25
- ⁴ Касмынин Г. Моление напоследок. Избранные стихотворения. Записные книжки. Воспоминания о поэте. Пушкино : Культура, 2019. С. 167. Далее стихи Г. Касмынина цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ⁵ Старшинов Н. Поэзия душевного созвучия // Касмынин Г. Моление напоследок... С. 414–415.
- ⁶ Кузнецов Ю. Между Тряпкиным и Рубцовым // Там же. С. 427.
- ⁷ Касмынин Г. Из записной книжки // Там же. С. 403.
- ⁸ Ястребов-Пестрицкий М. Метафора – составляющая идиостилия поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 2, № 3, ч. 2. С. 187.
- ⁹ Леонов Б. В зените зрелости // Касмынин Г. Моление напоследок... С. 6.
- ¹⁰ Кузнецов Ю. Между Тряпкиным и Рубцовым. С. 429.

ДАТА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 341–346
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 341–346
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929[Ильин+Маяковский]

Парадоксы О. И. Ильина

И. Ю. Иванюшина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, iyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

Аннотация. Статья, приуроченная к столетию Олега Ивановича Ильина, посвящена анализу его исследовательской методологии. На примере работы 1968 г. «Гиперболы Маяковского» показаны основные принципы анализа идиостиля поэта, продемонстрированы опережающие свое время подходы к важнейшим проблемам литературоведения.

Ключевые слова: О. И. Ильин, В. В. Маяковский, гипербола, диалектика, парадокс, антиномия, содержание и форма

Для цитирования: Иванюшина И. Ю. Парадоксы О. И. Ильина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 341–346. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

O. I. Ilyin's Paradoxes

I. Yu. Ivanyushina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina Yu. Ivanyushina, iyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7980-4030>

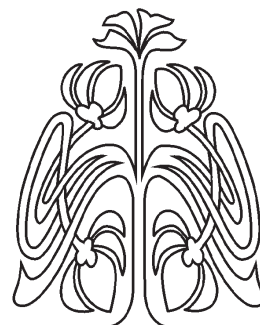
Abstract. The article, intended to coincide with the 100th anniversary of Oleg Ivanovich Ilyin, deals with the analysis of his research methodology. On the example of his work *Mayakovsky's Hyperboles* (1968) the main principles of analyzing the poet's idiosyncrasy are shown, approaches to the most important issues in literary criticism, outpacing their time, are highlighted.

Keywords: O. I. Ilyin, V. V. Mayakovsky, hyperbole, dialectics, paradox, antinomy, content and form

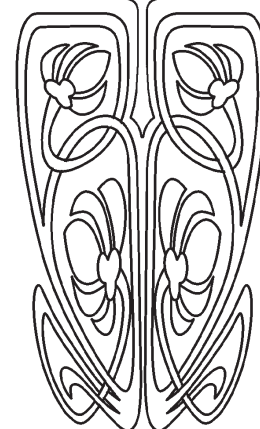
For citation: Ivanyushina I. Yu. O. I. Ilyin's Paradoxes. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 341–346 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-341-346>

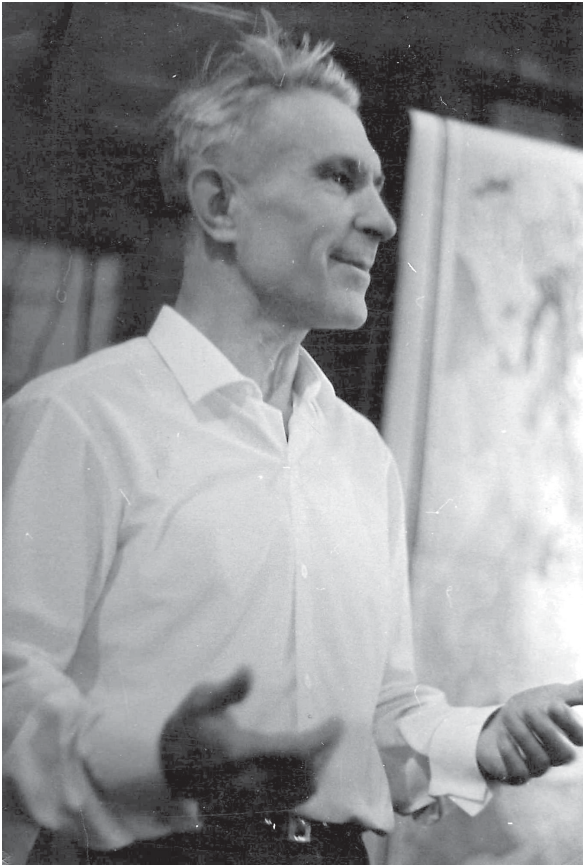
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В сентябре 2021 г. исполняется сто лет со дня рождения Олега Ивановича Ильина, доцента кафедры советской литературы филологического факультета Саратовского университета, исследователя творчества В. Маяковского, специалиста по теории литературы, сатире, научной фантастике, великолепного лектора, учителя, мыслителя.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Олег Иванович Ильин – личность, исследователь, учитель – представляет собой удивительную цельность. Все его человеческие проявления объединяет парадоксальное сочетание антиномических характеристик: яркость и строгость, азарт и логичность, талант и педантичность.

Маяковский был его любовью, именно любовью, понимающей, объясняющей, оправдывающей, защищающей от нападков и искажений, которых всегда было немало. Солидаризуясь с А. В. Луначарским, Олег Иванович повторял: «Маяковский не укладывается в “общепринятые нормы положительности”»¹. Сам Ильин тоже не укладывался в эти нормы.

Олег Иванович осуществлял проникновение в художественный мир Маяковского путем вживания в образ поэта, в некоторой степени самоидентификации с ним.

Вслед за Маяковским, он повторял: «...дело моё меня интересует, только если оно весело»², и это вовсе не означало легкомыслия, трудно было встретить более требовательного человека. Но он считал, что работать надо азартно.

Все ученики Олега Ивановича знают, как педантично он относился к так называемой организации труда, как требовал порядка в записях, карточках, библиографии, как следил даже за «орудиями этого труда» – папками, ручками, бумагой. Исток такого подхода также обнаруживается у Маяковского. В 1920-х гг. поэт увлека-

ется научной организацией труда (НОТ): «Расписал/ себя/ на год,/ хоть вводи/ в работу НОТ,/ где вы, Гастев с Керженцевым?!» (IX, 76). В статье 1926 г. «Как делать стихи?» он в числе необходимых условий творческой работы называет «<...> орудия производства. Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, <...> организованный стол <...> и т. д.» (XII, 87). Такой подход дисциплинировал, позволял сосредоточиться на деле.

Годы творческой активности поэта и его исследователя в чем-то тоже сопоставимы: бурный всплеск 1910-х и 1960-х гг. – «железная необходимость» рубежа 1920–1930-х и 1970–1980-х.

Работы О. И. Ильина 1960-х гг. поражают молодой дерзостью, яркостью, риторической насыщенностью текста. Они содержат множество открытий, которые и сейчас звучат свежо и оригинально. Как сказал бы молодой Маяковский: «А я вам открыл столько стихов шкатулок,/ я – бесценных слов мот и транжир» (I, 56).

Думается, Олега Ивановича можно в какой-то мере отнести к поколению шестидесятников. Конечно, он был старше многих из них «на отечественную войну»³. Но веяние «оттепели» чрезвычайно ощутимо в его ранних работах: с одной стороны, смелость, раскованность, полемичность, с другой – безусловная вера в «гуманистические ценности революции» (95), «высоту, грандиозность, гуманистическую глубину идеала коммунизма» (96), «величие и красоту новой, советской государственности» (89), повышенное внимание ко всему, что у Маяковского посвящено борьбе с первыми ростками культа личности: «<...> гипербола ненависти обращена против гиперболы пока еще во многом гипотетического культа личности как высшей, наиболее опасной формы бюрократизма» (92).

Но время менялось неумолимо, идеологический прессинг нарастал. Для того чтобы сделать обзор зарубежных публикаций о Маяковском в начале 1980-х, уже нужно было предварительно дать им «правильную» идеологическую оценку⁴. Стиль статей становится суше, жестче, скучнее.

Когда обращаешься к работам, написанным более полувека назад, особенно в советское время, особенно о советской литературе и особенно о Маяковском, который, по слову Ю. Карабчиевского, «дал этой власти дар речи»⁵ и на долгие годы был экспроприрован ею, неизбежно возникает опасение: а не устарели ли эти работы?

Перечитывая статьи советских лет, отмечаешь следующее:

– прежде всего устаревает их идеологическое оснащение, неизбежное и вынужденное, как у Александра Павловича Скафтымова⁶, или искреннее, как у многих: отсылки к партийным документам, трудам столпов марксистско-ленинской эстетики, оценочные суждения о буржуазных и идеологически чуждых явлениях искусства;

– довольно быстро меняются языки описания, терминологический аппарат науки о литературе:

какие-то понятия совсем уходят из научного обихода (партийность литературы), другие, казавшиеся основополагающими, употребляются все реже и осторожнее (художественный метод), третьи воспринимаются нетерминологически (пафос).

Что же остается? А остается, на наш взгляд, главное: глубокое понимание природы художественного творчества; внятная, последовательная методология анализа; проникновение в творческую индивидуальность изучаемого автора; всестороннее владение историко-литературным материалом. Всего этого Олег Иванович требовал и от своих учеников.

Строгому соблюдению общенаучных методологических принципов, системности подходов он обучал студентов, блистательно читая курсы введения в литературоведение и теории литературы. Он стремился к тому, чтобы молодые филологи осознали литературоведение как науку, строгую и стройную, где все понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены; чтобы они видели в ней систему, открытую, нелинейную, но систему.

Он учил ценить красоту мысли, ее движения, развития, оттенков. Новизну и оригинальность его суждений обеспечивали парадоксальность, антиномичность, диалектичность мышления.

Олег Иванович любил парадоксы. Он мог написать: «Гиперболы самой по себе нет нигде, потому что она есть везде» (69); «<...> когда Маяковский говорит о «спокойствии», само оно оказывается в высшей степени <...> беспокойным» (79). «Героическая сатира»⁷ – так называлась главная книга Ильина, и это был парадокс. Сатирическое традиционно относится к эстетической области комического и противопоставляется героическому.

В исследовательском и преподавательском арсенале Олега Ивановича можно обнаружить обе разновидности логического парадокса – апорию и антиномию.

Апорию он использовал в качестве методического приема на семинарских занятиях и заседаниях кружка по современной прозе. Выдвигая аргументы, противоречащие не только общепринятому мнению, но порой и здравому смыслу, он провоцировал студентов на спор, заставлял самостоятельно думать и аргументировать. Это было знакомство с диалектикой в ее древнегреческом, платоновском смысле – поиск истины путем обмена различными мнениями.

Антиномии, характеризующиеся наличием двух противоречащих друг другу, одинаково доказуемых суждений, Олег Иванович с азартом искал и находил во всех явлениях жизни и искусства. Его работы изобилуют антиномиями. Вот как он характеризовал советскую эпоху: «<...> гигантизм современной эпохи <...> с ее великой тревогой, великой надеждой, болью, любовью, красотой, нежностью, жестокостью, бесчеловечьем, бездушием <...>» (77). И это тоже было «маяковское»: «О, звериная!/ О, детская!/
О, копеечная!/ О, великая!/ Как назовем тебя ещё звали?/ Как обернешься ещё, двуликая?/ Стройной постройкой./ грудой развалин?» (II, 12). Но исследователь не спешил вслед за поэтом примирить эти противоречия и утверждал, что спасение «забытого котенка» все же не уравновешивает гибель «седых адмиралов».

Официально признанный диалектический метод был в советское время единственным возможным способом говорить о противоречиях действительности, о двойственности происходящего, о единстве и борьбе противоположностей.

Но с диалектикой тоже все было непросто. В. И. Ленин в статье 1913 г. «Три источника и три составные части марксизма» легитимировал гегелевскую диалектику как «учение о развитии», «об относительности человеческого знания»⁸. И хотя К. Маркс сам признавал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью»⁹, сослаться и опираться на Гегеля было возможно.

В отличие от Маяковского, с вызовом заявлявшего: «Мы диалектику учили не по Гегелю./ Бряцанием боев она врывалась в стих...» (X, 283), его исследователь шел именно от Гегеля, понимавшего диалектику как всеобщий метод познания противоречий, внутренних движущих сил развития. Постулаты диалектики были для Олега Ивановича не схоластикой, а живым и органичным методом мышления и анализа.

К Гегелю восходит и другая любовь Ильина – любовь к эстетике. Над категориями эстетики – прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное, трагическое, комическое – он размышлял непрестанно, им посвятил значительное место в учебном пособии «Общие свойства художественной литературы»¹⁰, в курсе по теории литературы, в семинарских занятиях.

Даже в известной, подчеркнута «административной» ленинской реплике о стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся»¹¹ он стремился рассмотреть эстетическую, а не только политическую оценку, подчеркивая в ней слова «удовольствие», «вдрызг высмеивает» и «издевается».

Категория героического особенно привлекала внимание Ильина. Он мыслил героическое как область идеала, как форму причастности к сверхличному содержанию миропорядка. Героическое для него соотносилось с категориями прекрасного, трагического и – прежде всего – возвышенного. Он никогда не согласился бы с сегодняшней максимой: «Героизм одних – это следствие преступления или разгильдяйства других». Для Олега Ивановича герой не жертва. Героизм не может быть вынужденным. По Гегелю, герои – суть то, что они хотят и свершают.

Парадоксальное название книги «Героическая сатира» на самом деле точно отражает представление Ильина о формах присутствия авторского идеала в сатирическом произведении. «Героика здесь

не столько предмет изображения, сколько угол зрения, героико-романтическое видение действительности, отношение к ней»¹². А два полюса научных интересов Олега Ивановича – сатира и фантастика – это два способа экспликации идеала.

Ильин-исследователь никогда не останавливался на простой фиксации парадоксов и антиномий. Важнейшим свойством его научного мышления была системность. Потянув за ниточку одного приема, он способен был выстроить и предъявить миру всю поэтическую систему автора. Так, например, построена его статья «Гиперболы Маяковского» (1968).

Сейчас трудно поверить, но проблема гиперболы в раннее советское время воспринималась как идеологическая. Критика не могла согласовать гиперболу с реализмом. М. Горький на Первом съезде писателей называл гиперболизм Маяковского вредным. А Луначарский, В. Ермаков, В. Гофман доказывали снижение гиперболизма к концу творческого пути поэта.

Тщательно и разносторонне проанализировав гиперболы Маяковского, Ильин доказал, что «этот важнейший стилиевой принцип показателен для Маяковского на всем протяжении творческого пути, во всех жанрах» и что «ведущая тенденция состоит в нарастании гиперболизма, обогащении видов гипербол» (95–96). Тем самым исследователь предположил свое решение остро стоявшего на протяжении десятилетий вопроса о «двух Маяковских» – футуристическом и советском. Он показал единство раннего и позднего периодов творчества поэта, скрепляемое «подвижническим содержанием» и «гиперболической формой» (94).

Столь серьезные обобщающие выводы сделаны на основе определенных исследовательских процедур и методологических предпосылок.

Во-первых, проанализирован весь массив гипербол Маяковского на протяжении всего творчества. Тотальность гиперболизма поэта приводит Олега Ивановича к выводу о том, что «он связан не с какими-то побочными, а с главными, коренными свойствами его поэзии» (96).

Следующий шаг – выявление как субъективных, так и объективных истоков гиперболизма. Исследователь видит их, с одной стороны, в особенностях личности поэта, наделенного «в высшей степени обостренной чувствительностью» (97), в его биографическом опыте; с другой стороны – в «диалектике эпохи, с ее сверхдраматическими конфликтами, с ее предельными готовностями» (96).

Далее логично прослеживается эволюция этого явления от «гиперболизма притяния, утверждения, радостного освоения всего объективного мира» (74) «гипербол боли» и «гипербол радости» (77), «гипербол ужаса и гипербол счастья, но всегда безмерного ужаса и великого счастья» (77) – в раннем творчестве к «гиперболам движения», «динамичности», «изменения, развития» (80), «размежевания» и «антагонизма»

(81) – в советском. Выразительная эволюция! От притяния мира к антагонизму с ним.

Не менее впечатляющи и другие метаморфозы времени, которые при помощи гиперболы вскрывает Олег Иванович. Так, анализ «Прозаседавшихся» показывает перетекание одних эстетических категорий в другие, героического в сатирическое: «Диалектика истории была такова, что недавняя героика революции, поскольку она в новых условиях слишком преувеличивалась, становилась комической нелепостью, грозила обернуться большой бедой. Поэтическая гипербола Маяковского выступала против нежелательных гипербол самой жизни» (87).

Демонстрируя возможности диалектического метода, Ильин показывает, как гипербола количества переводит изображаемое явление в другое качество. Так, «Подлиза», который сначала «лижет ногу,/ лижет руку,/ лижет в пояс,/ лижет ниже» (IX, 360), со временем получает «бразды правления» – и это «уже явление иного эстетического плана, отличающееся не только по своей степени, но и по качеству» (85).

И совсем уже небезопасно выглядит попытка проанализировать гиперболизм ленинского образа. Олег Иванович отказывается трактовать гиперболические образы вождя и партии в поэме «Владимир Ильич Ленин» только как свидетельства «величия ленинского дела» и настаивает на эстетическом подходе: «Но ведь перед нами не отвлеченная “мысль” сама по себе, а художественный образ, “картина”, обращенная к нашему чувственному восприятию и воплощенная в слове, в определенной языковой структуре. <...> И не видеть в этом образном звене поэтической гиперболы, значит, обходить художественную специфику <...>» (90).

Педантично пройдя по всем уровням гиперболизма Маяковского, исследователь обнаруживает гиперболу самой гиперболы: «Как на детском лице заря/, нежна ей/ самая чудовищная гипербола» (I, 220).

«Лестница гипербол» (95) приводит Ильина к серьезным методологическим выводам.

Во-первых, он выводит гиперболу из привычного ряда других выразительных средств, назвав «сравнение, эпитет, метафору, метонимию, антитезу и прочие тропы» «исполнителями-винтиками» (69) гиперболы. Гипербола «является скорее принципом их работы, их внутренней организации» (69): «Она пульсирует в них, как в венах, то замедленнее, то чаще, то полнее, то с переборами, но никогда не умолкает, ибо это означало бы в данном случае прекращение “пульсации жизненности”» (69).

Во-вторых, из наблюдения за гиперболой логично следуют обобщающие размышления о соотношении содержания и формы в художественном произведении. Олег Иванович подчеркивает, что гипербола «не является “чистой формой” или со стороны притянутым “средством”, “приемом”, “конструкцией”» (88). Гипербола

– это метод раскрытия предмета: «Вместе с тем, это не только принцип видения, но и характер показа, свойство образного мира произведения, его художественного строя, его поэтики и стилистики» (88). Гипербола у Маяковского – «это форма самого содержания, форма художественной идеи, нацеленная форма» (89).

И, наконец, в-третьих, на основании анализа гипербол поэта Ильин приходит к заключению о природе творчества как такового. Исследователь доказывает, что «гипербола коренится <...> в самой природе метода и жанра и оказывается неотделимой от глубинного назначения искусства вообще» (82), которое, по Маяковскому, «не отображающее зеркало, а – увеличивающее стекло» (XI, 353).

Статья Ильина о гиперболах поражает парадоксальным сочетанием методологически строгого анализа и романтически-возвышенного стиля. Предмет влияет на исследователя. Метафорически-гиперболическая образность Маяковского растворена в тексте исследователя: «"Громада из смеха отлитого кома" вкачивается в первую "Ночь" Маяковского. Далее наступает "Утро" ... "Порт" ... Гиганты-корабли готовы к отплытию, "косые скулы океана" их совсем не страшат, а скорее манят... Так же смело из улицы в улицу разбегаются переулки, "засучив рукава для драки"» (74).

Порой кажется, что и сам исследователь впадает в гиперболизм: «Маяковский пытается совместить здесь все начала и концы русского и мирового фольклора, возводя его на такие вершины гиперболизма, каких, наверное, могли бы достичь слагатели и сказители античных мифов, русских былин и литературных эпосов, если бы все они собрались вместе с Гомером в день Октябрьского штурма и вознамерились воздать должное величию происходящего, на тысячи лет вперед зная результаты русской революции...» (80). Но завершив эту фразу, Олег Иванович добавляет после многоточия: «Таким, по крайней мере, был замысел Маяковского» (80), переводя все сказанное в разряд несобственно-прямой речи поэта, передающей логику именно его рассуждений.

Статья изобилует риторическими фигурами, многоточиями, открытыми вопросами и отказами отвечать на них с полной определенностью: «Посильная ли это задача? Кто знает» (72), «Новый миф о новом Прометее? Может быть» (75), «Безумство храбрых и жаждущих битвы, распаленность чувств, разгул воображения? Можно и так понять» (78). Это создает «открытость» текста, раздвигает его границы, стимулирует дальнейшее развитие мысли.

Но главное – исследование Ильина богато идеями, подходами, методами, соответствующими самым передовым тенденциями гуманитарной науки того времени, а иногда и опережающими их.

Показательно, что исходя из общих оснований, гегелевской философии и опозовской филологии, Олег Иванович в 1960-х гг., одновременно с

теоретиками тартуско-московской семиотической школы, приходит к необходимости функционального и структурного подходов. На всех этапах анализа гипербол он неизменно выделяет их функции: изобразительную, познавательную, действенную, эмоциональную и др. Он размышляет о языковой (90), композиционно-стилистической (97), формально-поэтической структуре текста (77), о «трехчастной структуре сатир Маяковского» (88), видит в лирическом принципе структурообразующий центр его произведений (74).

Опережающее внимание к рецептивной эстетике и прагматике поэтического текста ощущается в размышлениях о «пестроте "потребителя" искусства» (86) 1920-х гг.; в педантичном на полстраницы перечислении «жанров речи», используемых Маяковским, а также необычных «адресатов» его посланий (98).

Отталкиваясь от Аристотеля, Ильин описывает один из механизмов литературных трансформаций: «Властное величие большого таланта может быть измерено лишь мерой усилий, затраченных на его преодоление другим талантом» (77). Позднее, в 1973 г., такой механизм наследования будет описан Х. Блумом как «страх влияния»¹³. Блум, в свою очередь, ссылается на Кьеркегора, писавшего: «Каждый будет велик относительно величины, с которой он боролся»¹⁴. Трудно сказать, мог ли в 1968 г. Олег Иванович прочесть Кьеркегора, но опираясь на Аристотеля и на футуристическую практику Маяковского, он делает аналогичный вывод.

Реконструируя поэтический универсум Маяковского, исследователь уделяет особое внимание его футуроцентричности, устремленности к грядущему вселенскому счастью: «Поэта никогда и ни в чем настоящее не устраивает вполне, им движет жажда приближения будущего, того огромного блистающего будущего, в котором нашлось бы место для счастья – личного и общего – и ему <...> и всем людям труда» (93). Слово «утопия» еще не произнесено, работы об утопическом сознании поэта появятся только через четверть века¹⁵, но понятие «утопия» перифрастически присутствует в этом отрывке.

Появляется в статье и антиутопия, вернее, дистопия. Это финал поэмы «Человек»:

Погибнет всё.
Сойдёт на нет.
И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.
И только
боль моя
острей –
стою,
огнём обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви (I, 272).

Олег Иванович размышляет: «Что это? Может быть, результат атомной катастрофы на Земле? Нет, перед нами явление более грандиозное. Это буквально вселенская гибель, погружение во тьму всего космоса, черное небытие» (75). «Было все это, или только будет?» (76) – задается вопросом исследователь. И не дает ответа.

Ильина особенно привлекала прогностическая функция произведений искусства. Сатиру Маяковского он называл сатирой предвидения, предостережения, пророческую сатиру и сравнивал ее с «научно-фантастическими романами наших дней» (76). Прогностической функцией, как видим, оказались наделены и работы самого Олега Ивановича.

Заканчивая разговор о поэме «Во весь голос», он написал: «От себя поэт требует полной самоотдачи, но у ЦКК Будущего он ничего не просит: молча стоит и ждет, повелительно подняв “все сто томов своих партийных книжек”. Даже здесь не удержался от гиперболы, ведь ста томов все-таки нет...» (98).

Нет «ста томов» и у самого Олега Ивановича. Но среди написанного им есть настоящие шедевры.

Всем памятливы строки Маяковского:

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ошупывайте их,
как старое,
но грозное оружие (X, 281–282).

Работы О. И. Ильина, опубликованные полвека назад в кафедральных сборниках на плохой бумаге малым тиражом, не утратили своей эвристической силы, они по-прежнему вдохновляют на новые исследования и будут полезны молодым ученым фактологически, методологически, стилистически, а в конечном счете – нравственно. Было бы справедливым вернуть их в научный оборот.

Так в год своего столетия Олег Иванович Ильин сможет сам рассказать «о времени и о себе».

Примечания

- ¹ Ильин О. Гиперболы Маяковского // Проблемы развития советской литературы : сб. ст. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. С. 71. В дальнейшем все ссылки на эту работу Ильина даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.
- ² Маяковский В. Я сам // Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1955. С. 29. В дальнейшем все произведения Маяковского приводятся в тексте статьи по этому изданию с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- ³ Олегу Ивановичу нравилось стихотворение А. Межирова «Возраст» (1972), в котором были строчки: «И жестокость наивной твоей правоты/ Я тебе не поставлю в вину,/ Потому что действительно старше, чем ты,/ На Отечественную войну» (Межиров А. Под старым небом : стихи. М. : Советский писатель, 1977. С. 200).
- ⁴ См.: Ильин О. Новое о Маяковском // Методологические проблемы изучения советской литературы : сб. ст. / редкол. : Я. И. Явчуновский (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 34–60.
- ⁵ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М. : Советский писатель, 1990. С. 44.
- ⁶ См.: Ивановица И. Ю. Историческое и экзистенциальное в статьях А. П. Скафтымова о драматургии А. П. Чехова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 48–52 ; *Ее же*. О полиглотизме статей А. П. Скафтымова о Чехове // Наследие А. П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы : материалы вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7–9 октября 2014 г.) В. В. Гульченко [и др.] ; редкол. : А. Г. Головачева (отв. ред.) [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2015. С. 21–27. (Бахрушинская серия).
- ⁷ См.: Ильин О. Героическая сатира. Саратов : Саратов. книжное изд-во, 1962.
- ⁸ Ленин В. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 23. М. : Политиздат, 1973. С. 43–44.
- ⁹ Маркс К. Послесловие ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1954–1966. Т. 23. С. 21.
- ¹⁰ См.: Ильин О. Общие свойства художественной литературы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972.
- ¹¹ «Вчера я случайно прочитал в “Известиях” стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно» (Ленин В. О международном и внутреннем положении Советской республики // Известия. 1922. 8 марта).
- ¹² Ильин О. Героическая сатира. С. 113.
- ¹³ См.: Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998.
- ¹⁴ Там же. С. 63.
- ¹⁵ См.: Ивановица И. Творчество В. В. Маяковского как феномен утопического сознания : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1992.

Поступила в редакцию 21.04.2021, после рецензирования 07.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 21.04.2021, revised 07.05.2021, accepted 12.05.2021

О. И. Ильин

Гиперболы Маяковского

(Опубликовано: Проблемы развития советской литературы. Сборник статей. Вып. 3. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1968. С. 69–99)

1

Спор о гиперболе. Если учесть, что критика, имея весьма устойчивую привычку комментировать общие места, не очень-то балует вниманием конкретные вопросы поэтики, то такие, скажем, исполнители-винтики гипербол, как сравнение, эпитет, метафора, метонимия, антитеза и прочие тропы, фигуры, приемы, располагают вескими основаниями для зависти. Зависти тому размаху полемических толков, которых, не вдаваясь пока в доисторию, в не так далекие времена удостоилась именно гипербола. Здесь она выступала порой в роли чуть ли не того повелителя, который, если верить балладам, сам послал ее «к анчару властным взглядом», или, говоря словами самого Маяковского о триумфаторско-сатрапских колясках, – подминал все, «подергивая вожжи»...¹

При всей важности место гиперболы в поэтической системе Маяковского не является обособленным и жестко фиксированным. Гиперболы самой по себе нет нигде, потому что она есть везде, заявляя о себе так или иначе всеми тропами и фигурами, поочередно открываясь в них в общем движении словесного текста. Она пульсирует в них, как в венах, то замедленнее, то чаще, то полнее, то с перебоями, но никогда не умолкая, ибо это означало бы в данном случае прекращение «пульсации жизненности».

В строгом смысле гипербола Маяковского не стоит в общем ряду сравнений, эпитетов, метафор и проч. Она является скорее принципом их работы, их внутренней организации, иначе говоря, она имеет здесь всеобщий, «безграничный характер». При всем том поэт прекрасно осознавал «неодинокость» гиперболы в своем поэтическом арсенале, ее тесную связь с другими «приемами», «образышками», о которых он говорит в статье «Как делать стихи».

Создание «фантастических событий-фактов, подчеркнутых гиперболой» (12, 110), подчинялось определенной цели. Подчиненность гиперболы высшей контрольной инстанции творческого таланта, «глубинам мозга и сердца», мере своей личности и мерам своего времени отмечалась Маяковским неоднократно. Поэтическая конкретизация движущейся современности заставляет Маяковского все теснее смыкать ряды своей художественной армии – воинов, строителей, мастеров. Чем глубже в артезианские колодцы дней, тем дальше заводит фантазия слова поэта в «тысячи лет, миллионов сердца». В этом смысле в литературной автобиографии «Я сам» под рубрикой 1927 года говорилось об «ограничении отвлеченных поэтических приемов»: гиперболы, самоценного виньеточного образа и пр. (1, 28). В чисто теоретическом отношении здесь можно усмотреть некоторый просчет. Но и тот прояснится, если иметь в виду контекст времени, форму и цель высказывания, – шутливо-дразнящую литературную автобиографию, которая и самого-то поэта интересовала лишь постольку, поскольку его и общее дело является достаточно «веселым».

Общее определение гиперболы может быть довольно простым. Гипербола – это особый вид преувеличения (и соответственно – преуменьшения) каких-то явлений в жизни, в художественном сознании автора и в образах произведения. На каждой из названных трех ступеней гиперболизм обладает своей спецификой, но главная функция гиперболы, если восходить по ее ступеням дальше, состоит в том, чтобы преуменьшить (и соответственно – преувеличить) что-то от изображенных явлений сначала в читательском сознании, а затем и в жизненной практике. Таков круг, если хотите, спираль гиперболы.

О гиперболах Маяковского писали чуть ли не все, кто вообще о нем что-нибудь писал, отправляясь, разумеется, каждый от своего «положительного идеала». И удивительная вещь: почти все самое главное о характере гиперболизма поэта было высказано едва ли не в самом первом более-менее добросовестном отзыве на самые первые стихи поэта – «Простое как мычание»: «какая-то страшная одержимость гиперболизмом. Вместо глаз – увеличительные стекла. Не человек, а микроскоп. И как всякий микроскоп, Маяковский увеличивает ничтожество, бациллу, точку до неслыханных и небывалых размеров. Влюбленность в гиперболизм? Нет, это не влюбленность. Для влюбленности здесь слишком много сознательности и прозы. Это – метод гиперболического рисунка. Это – вера в гиперболу, вот как бывает вера ученого в испытанного человека, в ту или иную силу»².

В критической литературе давным-давно – по крайней мере со времен ленинских отзывов и статей Луначарского – показано, что Маяковский не укладывается в «общепринятые нормы положительности». Ни изображаемая им действительность, ни его идеал.

¹ В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. 6. М., «Гослитиздат», 1955–1961, стр. 239. Далее цитируется то же издание с указанием источника в самом тексте статьи: ссылки на это издание в тексте: в скобках первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

² См.: «Журнал журналов», 1916, № 44, стр. 8.

А. Луначарский замечал: поэту весь мир тесен, мир маленький, а поэт большой. «Очень часто у Маяковского встречаются самоопределения, самопортреты, где говорится, что он, Маяковский, слишком велик для калибра среды, в которой ему приходится жить. Мир мелок для того, чтобы принять большую личность, большая личность с негодованием, с отвращением отвергает этот мелкий мир, торгашеский мир, размельченный до уровня буржуазной культуры. Это был первый бунт Маяковского. Этот бунт и определил встречу «Маяковского как личности и пролетарской революции как гигантского социального явления»¹.

М. Горький писал, говоря о «музыке ненависти» к враждебному миру: «Умел возглашать ее Маяковский, но и то как бы только потому, что высок был ростом и сердился, что ему удобно встать негде было – потолки мешали». Он не останавливался перед «насилием» над действительностью, а это «во все не страшно и очень полезно. Подлинное искусство всегда преувеличивает или преуменьшает. В первом случае оно пытается поднять человека за уши вверх, а это – насилие, во втором – стучает его по башке, дабы он очухался или исчез»².

А. Толстой в свою очередь отметил: выражая «грандиозность надежд грозовой утренней зари революции», Маяковский подчас дерзок, неряшлив как художник, но всегда огромен, велик и в этом отношении конгениален разве что только своей эпохе³.

Говорилось также, что поэт в нарушение всех мер сокрушал самое положительное – поэзию, он пал в единоборстве с нею, «в этом его величие и трагедия»⁴. С последней мыслью много спорили, ибо версия о поэтическом самоубийстве Маяковского в очень малой степени объясняет упомянутую трагедию; но по части «неположительности» Маяковского, думается, И. Эренбург совершенно прав и дает хороший урок всем тем истолкователям поэта, которые вписывают его то в разряд «возмутительных бунтарей», то в разряд послушных «исполнителей очередных указаний».

В критике 20-х годов было верно замечено, что гиперболы выводят Маяковского за пределы собственно реалистического художественного метода, по крайней мере в его рапповском понимании. Неоднократно утверждалось, будто «увеличанивая» своих героев, поэт приносит реализм в жертву гиперболе⁵.

Последующая критика (с середины 30-х годов), напротив, большей частью исходила из того тезиса, что «лучший поэт эпохи» не должен располагать вне границ «социалистического реализма»; но критика по-прежнему не могла «согласовать» реализм с гиперолой и во имя первого готова была «пожертвовать» последней, либо замалчивая ее, либо всячески оговаривая и доказывая снижение, ослабление гиперболизма к концу творческого пути поэта. «Если голос раннего Маяковского – несколько абстрактно и субъективно-гиперболический, перенапряженный от “громкости” интонации и от громоздких метафор», то эти формы «преодолеваются в позднейших произведениях на пути к социалистическому реализму»⁶.

2

Маяковский принадлежит к тем поэтам, место и значение которых очень трудно преувеличить или преуменьшить. Он – поэт русской революции. Попробуйте преувеличить или преуменьшить роль нашего народа, партии, Ленина в 20-м столетии. Свободно обнять образной мыслью такие величины мог только сам Маяковский. «Я сам», – рассказывая о времени и о себе. «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом» (1, 9). Словом, если оно прошло через художественную память, творческую фантазию и оформилось в материю звуков. Короче, чтобы преувеличить роль Маяковского, нужно обладать воображением хоть чуть-чуть большим, чем у самого Маяковского-поэта. Посильная ли это задача? Кто знает.

Гипербола – категория относительная. Преувеличивать и преуменьшать можно лишь по отношению к чему-то, сравнительно с чем-то. Хотя бы с собственным «я». Перешагивая через «себя» и оставляя достигнутое другим. Эта категория у Маяковского почти абсолютна. Громадным и ничтожным в его художественном мире может быть все. Вся природа: «грандиозье Монте-Карло», «маленький Великий океан», Казбек (если помешает – «срыть, все равно не видать в тумане»), Солнце – то увеличенное в сто сорок раз, то уменьшенное до таких размеров, что ему можно приказать: «не щерься и не ящерься». Великими и малыми, страшно противными и дорогими здесь могут быть звезды и змеи, облака и материки, ветры и грозы, пожары и наводнения, пылинки и горы, песчинки золота и кучи навоза, рыбешки,

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 2. М., «Художественная литература», 1964, стр. 486–488.

² М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 30. М., «Художественная литература», 1955, стр. 423.

³ А. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 13. М., «Художественная литература», 1949, стр. 386.

⁴ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. – «Новый мир». 1961, № 1, стр. 109–113.

⁵ В. Ермилов. О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе. – «На литературном посту», 1929, № 4.

⁶ В. Гофман. О языке Маяковского. – «Звезда», 1936, № 5.

киты, первоящеры, птицы, зверье всех калибров и рангов, человеческие глаза и руки, сердца и пуговицы, все стихии бытия и человеческой природы – «громада любовь и громада ненависть», радость и боль, скорбь, страдание, воодушевление, презрение, спокойствие, весь микромир человеческой психики, наконец – вся обозримая Вселенная. В финале «Человека» лирический герой, кажется, уже больше самой Вселенной и возвышается *над* ней, потому что все звездные миры, которые мы знаем, уже *под* ним; а в финале «Во весь голос» тот же лирический герой так далеко впереди нас, на таком неисчислимом расстоянии световых лет, что реально представить себе его самого мы не можем и видим только его книги – «сто томов партийных книжек». Ведь он поэт революции и этим только интересен.

Гипербола – категория относительная в художественном, композиционно-стилистическом смысле. Всегда соотнесенная с явной или скрытой литотой, она нужна для выражения образно-поэтической идеи, «пафоса», по словам Белинского. Идея грядущего земного счастья получает такой, например, образ. Когда после всех войн на планете все страны сошлись на дружескую складчину к Человеку, тогда... смотрите: «у капельной девочки на ногте мизинца» солнца стало больше, чем раньше было его «на всем земном шаре» (1, 237). Эта капельная девочка, этот «любеночек» не дает покоя поэту так же, как почти навязчиво мерещится он Леониду Леонову в финале «Соти», «Вора», «Дороги на Океан», «Нашествия», в американских местах Мак Кинли и во всех русских лесах...

С годами Маяковский все настойчивей повторяет ту мысль, что громады любовью нужны для воскрешения чуть-чуть не загубленной частицы живого, если это живое существо даже невзрачная собачонка, просящая милостыню у булочной в том году, когда люди сами умирают с голоду. Это – один полюс гиперболы. А вот и другой: по мере того, как совершенствуются орудия и средства уничтожения на земле, всего одной капли ненависти, да где там – всего миллимикрона настоящего яда нужно для того, чтобы отравить все океаны зла или... отправить на тот свет и все добро вместе с ним. Развеселая «идея, идейка, идеища» может прийти в голову поэту, когда он заболевает высокой болезнью и сознательно нагнетает в своем воображении всяческие иллюзии и кошмары.

Гипербола соотносит два полюса – «я» и «мир», все, что есть вне меня, и все полярности внутри вообразяемого «я», того, которое называют «лирическим героем». Лирический принцип Маяковский сделал структурообразующим центром, превратил в композиционную доминанту. Сколь бы великими, грандиозными, громадными и пр. не были изображаемые им вещи, явления, миры, но они всегда остаются внутри духовных интересов его открыто заявляющей о себе личности, в границах «я» лирического героя. Этот герой здесь просто больше и всеобъемлющее всего другого¹. Временами кажется, что для него самым интересным и важным является он сам. Снова «Я сам», я это видел, вижу своими глазами и вам показываю в своем личном видении. И только через видение моих глаз люди могут рассмотреть будущее и «излиться в него». Такова композиция всех поэм Маяковского, начиная от «Облака» и кончая «Неоконченным».

Поэт начинает с удивляющего гиперболизма приятия, утверждения, радостного освоения всего объективного мира. «Громада из смеха отлитого кома» вкатывается в первую «Ночь» Маяковского. Далее наступает «Утро»... «Порт»... Гиганты-корабли готовы к отплытию, «косые скулы океана» их совсем не страшат, а скорее манят... Так же смело из улицы в улицу разбегаются переулки, «засучив рукава для драки»... Разве это одиночество, о котором толкуют критики? Когда весь мир с тобой и такой же в точности, как ты сам: громадный, веселый, дерущийся, плачущий по небу вместе с самим небом. Позднее будет сказано: «Видите, скучно звезд небу, без него наши песни вьем». Ведь с первой предпраздничной трагедией 1905 года «стихи и революция как-то объединились в голове».

Тема одиночества имеет у Маяковского особый смысл. Она не замыкается в его раннем творчестве, как обычно полагают, но проходит через все годы до последних стихов. Она приобретает далее не только личный, бытовой, но поистине всеобщий, всемирный, вселенский характер.

Поэма «Человек» (1917) завершается мрачной гиперболой безысходного одиночества:

Ширь
бездомного
снова
лоном твоим прими!
Небо какое теперь?
Звезде какой?
Тысячью церковей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!» (1, 272).

¹ «Маяковский в ранней лирике ввёл в стих *личность* не стершегося “поэта”, не расплывчатое “я” и не традиционного “инока” и “скандалиста”, а поэта с адресом. Этот адрес всё расширяется у Маяковского: самый гиперболический образ Маяковского... сам Маяковский» (Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., «Прибой», 1929, стр. 555).

Приведенному финальному образу в поэме предшествует образ такой исключительной силы, что его стоит рассмотреть подробнее.

Погибнет все.
Сойдет на нет.
И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.
И только
боль моя
острей –
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви (1, 272).

Что это? Может быть, результат атомной катастрофы на Земле? Нет, перед нами явление более грандиозное. Это буквально вселенская гибель, погружение во тьму всего космоса, черное небгтие. И тем светлее, тем ярче на таком фоне пылает вечный костер любви, пламенем обвивающий столь титаническую фигуру Человека, что реально представить ее уже решительно невозможно. Новый миф о новом Прометее? Может быть. Но сравнительно с античным Титаном Человек Маяковского слишком «фактографичен», с одной стороны, а с другой – в гораздо большей степени гиперболизирован. Здесь нет классической гармонии и над всеми категориями – прекрасного, трагического, комического – явно преобладает категория возвышенного.

«Плевать, что нет у Гомеров и Овидиев людей, как мы, от копоты в оспе... Мы сами творцы в горящем гимне – шуме фабрики и лаборатории»... Сначала мифы Гесиода, гимны титанам огня, и только после – эпос Гомера, овидиева лирика, а потом – войдет вся мировая литература в ее оживших разноголосых памятниках от Данта до Пушкина и Блока. И вся мировая история с ее деспотами, тиранами, сатрапами, проходимцами, временщиками и завоевателями от Александра Македонского до Наполеона, ставшего мопсом на цепочке у Человека с моноклем солнца в глазу... Все истязатели от палачей Парижской Коммуны до мясников и лабазников 1905 года...

А на русских часах всего 1912...15...16 годы. То ли еще будет впереди. Но нужно торопиться. Нужно сначала свести счеты со всеми прошлыми претендентами на земной, европейский, азиатский и русский престол, а там уж, поплевав в кулаки, приниматься и за нынешних. Нужно очень спешить, потому что стрелки всех часов и манометров дрожат совсем уже близко от красной черты. Однако как же, как сделать быстрее!? Если б один, тогда легко, но на тебе наручники «любви тысячелетия», и ты – «равный кандидат и на царя вселенной и на кандалы» – прикован к «ядру земного шара».

В самых первых произведениях Маяковского выразился юношеский активизм, пафос жизни, молодости, заявка на обладание всеми богатствами мира и столь же громогласный пафос страдания, жажды человеческого в человеке. «Я и человечество, я и вселенское горе, я и бесконечное счастье, я и вечность». Универсальная система антиномий. Это еще не диалектика противоречий, но все слагаемые системы ринуты навстречу революционной диалектике. Самые прекрасные произведения искусства – «Предисловие» Маркса и синенькая «Две тактики». Мысль бежит стремительно по ступеням дней и строк, становится все более непримиримой и взрывчатой.

Гипербола красоты и гипербола безобразия сходятся в одном. В центре схождения – категория Великого, Грандиозного, Чудовищного. Здесь все перемешано в борьбе Богов и Титанов, вооруженных сверхгиперболами гнева, смеха и жалости к людям, ради которых Прометей вынесет все. Но даже античные титанические гиперболы кажутся поэту недостаточными при обращении к современности.

Куда легендам о бойнях Цезарей
перед былью,
которая теперь была!
Как на детском лице заря,
нежна ей
самая чудовищная гипербола (1, 220).

«Погибнет все, сойдет на нет...» Было все это, или только еще будет? Наверное было, и нить традиции идет, кажется, отсюда, но это уже не одиночество. Одиночество миллиарда перед космосом, планеты перед вселенной. Примерно так намечается тема одиночества в научно-фантастических романах наших дней.

Позднее, вспоминая о своей ранней поэтике, Маяковский говорил о ее сравнительной однолинейности в том смысле, что здесь едва ли не господствует прием сравнения («как»). С феноменоло-

гической точки зрения так оно и должно быть. Поэтическое дитя, удивляясь всем дивам околицы, начинает с «подражания», построенного на невольном или сознательном сопоставлении с другими – «как у других есть, и как было до меня». У Аристотеля показано это достаточно убедительно. Он же говорит о непреодолимом стремлении поэта выйти из сферы притяжения опыта «других и старших». Властное величие большого таланта может быть измерено лишь мерой усилий, затраченных на его преодоление другим талантом. Видимо, поэтому сами сравнения у Маяковского сплошь чрезмерны, сплошь гиперболичны по своей формально-поэтической структуре. То же самое мы наблюдаем и в сфере идейно-нравственного содержания, в котором эти поэтические приемы «вывариваются из любвей и соловьев», «войн и революций». Содержание сравнений всеми ассоциациями погружено в величие современности, гигантизм современной эпохи, эпохи с ее великой тревогой, великой надеждой, болью, любовью, красотой, нежностью, жестокостью, бесчеловечьем, бездушием, и т. д. и т. д. – единой только в одном: величии.

«Упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного»; «как больной с кровати, спрыгнул нерв»; «обгорелые фигурки слов и чисел из черепа, как дети из горящего здания» (1, 177–180). Это сравнения – гиперболы боли. Но здесь совсем нет однотонной интонации страдания, которая лишь позднее якобы сменится «интонацией воли». Все сложнее. Вот гиперболы радости и здоровья, энергии и превосходства, жажды борьбы и подвига: «Мир оgrößив мощью голоса, иду – красивый двадцатидвухлетний» (1, 175); «Я знаю – солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи!»; «...Стихи веселые, как би-ба-бо»; «Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду» (1, 196). Перед нами, как видим, и гиперболы ужаса, и гиперболы счастья, но всегда безмерного ужаса и великого счастья.

Громадная трагедия Первой мировой войны находит адекватное отражение в образах поэмы «Война и мир» (1916). При этом Маяковский вводит читателя в творческую лабораторию превращения объективной трагедии в гигантский «субъективный образ» этой трагедии, возникающий в сознании лирического героя, страдающего вместе со всем человечеством:

Понимаете вы?
Боль берешь,
растишь и растишь ее:
всеми пиками истыканная грудь,
всеми газами свороченное лицо,
всеми артиллериями громимая цитадель головы –
каждое мое четверостишие.

Не затем взвела
по насыпям тел она,
чтоб, горестный,
сочил заплаканную гнусь;
страшной тяжестью всего, что сделано,
без всяких
«красиво»,
прижатый, гнусь...
<...>
На братском кладбище,
у сердца в яме,
легли миллионы, –
гниют,
шевелятся, приподымаемые червями! (1, 229).

Величие происходящего «на арене войны» подчеркивалось и тем, что свидетелями, потрясенными зрителями (пока еще не участниками, как будет в «150 000 000») становились все земные и космические стихии:

<...> Шар земной
полюсы стиснул
и в ожидании замер.
Седоволосые океаны
вышли из берегов,
впились в арену мутными глазами.
Пылающими сходящими
спустилось солнце –
суровый
вечный арбитр.
Выгорая от любопытства,
звезд глаза вылезли из орбит (1, 221).

И все-таки наиболее грандиозным, гиперболичным в поэзии Маяковского является образ самого лирического героя. Для дооктябрьского периода показательным в этом плане стихотворение «Себе, любимому...» (1916), построенное сплошь на гиперболических сравнениях:

Если б был я
маленький,
как Великий океан, –
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний (1, 126).

Гиперболический драматизм эпохи. Безумство храбрых и жаждущих битвы, распаленность чувств, разгул воображения? Можно и так понять. А. Потебня, например, считал: «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающим видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности»¹. В самом деле, даже тогда, когда Маяковский говорит о «спокойствии», само оно оказывается в высшей степени гиперболичным, драматически напряженным и... беспокойным; изменившей любимой он с отчаянием признается: «Видите – спокоен как! Как пульс покойника»; своим врагам он с угрозой бросает: «а самое страшное видели – лицо мое, когда я абсолютно спокоен?» (1, 178–179). Эти слова плюс известные горьковские воспоминания о Маяковском-юноше («говорил как-то в два голоса, то – как чистейший лирик, то – резко сатирически», «очень нервозно»)² почти прямо объясняют психологический профиль поэта, его индивидуальный темперамент, особый, возбудимый и ранимый характер его личности, естественно тяготеющей к выбору того типа творчества, который называют «идеальным и романтическим».

Перед нами молодой Маяковский. Одиночество юноши, у которого нет сверстника-друга, нет любимой, нет близкого человека. «Мне, чудотворцу всего, что празднично, самому на праздник выйти не с кем» (1, 200). Одиночество как голый факт. Факт нищеты – «себя за обед продавая», – бедности, откликнувшейся как-то во фразе насчет «гвоздя в моем сапоге» – «кошмарней, чем фантазия у Гете». Фантастически богатый город – дирижер и лепрозорий, единственная надежда на будущее и главный источник людских страданий.

Забуду год, день, число.
Запрусь одинокий с листом бумаги я.
Творишь, просветленных страданием слов
нечеловечья магия! (1, 205).

Гиперболы начинаются от личного, «биографического» опыта, бытового факта, и вздымаются до фантастически-невозможного опыта Человека, которого славят и оплакивают все голоса вселенной, все колокола звездных миров. Миры потеряли своего хозяина и властелина; он один только мог бы приласкать, пригреть и пожалеть их, заблудших и одиноких, вывести их на соединение с другими стаями звезд. Он – «небывалое чудо двадцатого века!» (1, 249).

3

С первых лет Октября Маяковский все чаще обращается к гиперболам движения. Художественная мысль поэта, если можно так сказать, становится более динамичной. Теперь она не только фиксирует напряженное состояние мира и столь же напряженное состояние духа лирического героя, но схватывает явления в их изменении, развитии, взаимопереходах. Склонный к «овеществлению абстракций», Маяковский часто передает изменения социально-исторического порядка в образах все более ускоряющегося физического движения, «марша в будущее». Изменения во времени передаются как преодоление пространства, труднейших дорог. Ускорить, убыстрить марш, сделать его «молниеподобным» и призвана гипербола.

Гиперболы движения господствуют в мифе-слове-были-не-поэме-эпосе «150 000 000» (1920). Метод и жанр этого произведения, как замечено многими исследователями, вбирает в себя опыт ги-

¹ А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 355.

² См.: В. Катаян. Маяковский. Литературная хроника. М., «Художественная литература», 1961, стр. 74.

первоначального рисунка, приобретенный поэтом в работе над дооктябрьскими поэмами и «ростинскими» стихами¹. Более того, предоставив свободу фантазии, Маяковский пытается совместить здесь все начала и концы русского и мирового фольклора, возводя его на такие вершины гиперболизма, каких, наверное, могли бы достичь слагатели и сказители античных мифов, русских былин и литературных эпосов, если бы все они собрались вместе с Гомером в день Октябрьского штурма и вознамерились воздать должное величии происходящего, на тысячи лет вперед зная результаты русской революции... Таким, по крайней мере, был замысел Маяковского.

Поэт рисует «всемирное движение», начатое Россией, «движение» в буквальном смысле: «Пошли грозой российские воздуха. Иде-е-е-м! Идемидем! И все эти сто пятьдесят миллионов людей, биллионы рыбин, триллионы насекомых, зверей, домашних животных, сотни губерний, со всем, что построилось, стоит, живет в них, все, что может двигаться, и все, что не движется, все, что еле двигалось, пресмыкаясь, ползая, плавая –

Лавою все это,
Лавою! (2, 120).

Чтобы передать «невероятную, гигантскую суть» новой эпохи, «новый разгромим по миру миф». «Миф о героях Гомера, история Трои до неузнаваемости раздутая, воскресни!» (2, 142). Небывалое величие происходящего обязывает, кажется, превзойти в масштабности вымысла всю прошлую поэзию. Вместе с тем, в основу этого вымысла положены реальные факты, сконцентрированные вокруг генерального факта времени:

Из мелких фактов будничной тины
выявился факт один:
вдруг
уничтожились все середины –
нет на земле никаких средин (2, 145).

И сам новый миф есть не что иное, как невероятно гиперболизированный факт всеобщего размежевания, гипербола антагонизма, доведенная до абсолютного разделения всего и вся на два непримиримых лагеря, до абсолютного контраста. Переходя с одной ступени гиперболизма на другую, еще более высокую, поэт расширяет масштабы контрастного изображения и вовлекает в борьбу не только социальные силы и все земные стихии, но и всю вселенную. Причем космические силы являются уже не свидетелями (как было в «Войне и мире»), но прямыми участниками действия. «Звезде и той не уйти. К бобрам становились генералы созвездья, к блузам – миллионы Млечного пути» (2, 149).

Гипербола движения влечет, крушит, громит и ломает все на своем пути, захватывая самые разные «предметы» – от враждебных континентов, стран, классов, вещей до самых дружественных явлений, звуков и слов родной речи. Короче, в движение вовлечены все стихии бытия. «Идем! Идемидем! Го, го, го...! Спадают! Ванька! Керенок подсунь-ка в лапоть! Босому што ли на митинг ляпать?» (2, 116).

Куда и на какой, собственно, митинг снаряжаются наши молодцы? Да здесь, недалеко: сначала в Америку на бой с Вильсоном, а потом в бывшую пустыню Сахару, ныне озелененную и ставшую стадионом, космодромом и площадью встреч с марсианами и посланцами других планет, других миров... «Идем! Не идем, а летим! Не летим, а молньимся, души зефирами вымыв!» (2, 127). «О, русская земля, ты уже за шеломенем еси».

Это тебе
революций кровавая Илиада!
Голодных годов Одиссея тебе! (2, 164).

Многое в содержании и стилистике поэмы нельзя принять. Одностороннее «стихийничество», нигилистические выпады против всего «старого», в том числе и культурного наследия прошлого, нарочитые «изломы» формы и т. п. – все это определило отрицательное отношение В. И. Ленина к «150 000 000». Однако в недостатках поэмы виновата была не художественная гипербола. Последняя у Маяковского совсем не противостояла классической традиции, а продолжала именно эту традицию. В самой классике прошлого с «преувеличением», «нарушением меры» в борьбе за новую «меру мира» мы сталкиваемся на каждом шагу. Особенно очевидна роль гиперболы как высшей формы художественного преувеличения в полярных жанрах – одических и сатирических, тем более, если последние создаются на преобладающей романтической или сказочно-мифологической основе. Гипербола коренится здесь в самой природе метода и жанра и оказывается неотделимой от глубинного назначения искусства вообще.

Если в процессе логического познания движущейся или «текущей ситуации» существует лишь две возможности – либо отстать, либо забежать вперед, «середины тут нет» (Ленин), то в художе-

¹ См.: В. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество. Т. 2. М., «Художественная литература», 1958, гл. 3; А. Метченко. Творчество Маяковского 1917–1924 гг. М., «Советский писатель», 1954, гл. 4; И. Машбиц-Веров. Поэмы Маяковского. М., «Советский писатель», 1963, гл. 5.

ственном познании жизненного процесса задача поэта состоит, между прочим, в том, чтобы непременно «ухудшить или улучшить» участников этого процесса, преувеличить в ту или иную сторону. Середины здесь тоже нет.

Гиперболизм особенно необходим при передаче быстрых качественных изменений в предмете и субъекте изображения, т. е. в раскрытии революционного развития жизни, в акцентировке самого направления этого развития. Правда не остается неизменной, – заметил А. Луначарский, – «она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда – это завтрашний день, и нужно ее видеть именно так...»¹. Правда неотделима от задач «социальной педагогики», морального воспитания и психологической профилактики, говорил М. Горький². Правда, наконец, в подлинном искусстве неотделима от идеала прекрасного и всегда выступает как «правда-красота»³. Для всего этого искусству нужны разные формы вымысла. Речь должна идти не только о праве на вымысел, а об обязанности вымысла и совершенной необходимости гиперболизма в определенных жанрово-методологических условиях и границах.

Маяковский, как правило, «преувеличивал» и ужасы войны, и блага мира, хотя вполне сознавал, что возможна «спокойная и трезвая» (но не в бытовом смысле) критика недостатков и утверждение достоинств. Сам же он, как говорилось ранее, всегда был далек от «положительности» утверждательского толка. Он выражал главным образом героико-романтическую сторону революционного процесса своего времени. В его поэзии преобладают сатирические и одические интонации. Его стиль – это стиль крайностей. В соответствии с характером своей творческой личности он избирал такие аспекты действительности, такие жанровые формы и методологические пути, которые толкали его к нарушению «спокойного видения» и превращали утверждение в восторженный гимн радости, в «похвальбу», а критику – в гневное, яростное отрицание. Не так ли поступали и былинные герои в минуту схватки с противником; чтобы воодушевить себя и «нагнать духу» на супостата. А русскому Ивану, как известно, нужно было «переорать и пушки, и вьюги, и ругань».

Идея движения, скоростей истории, темпов всегда была для Маяковского самой животрепещущей. Вряд ли учитывал он в каждом случае ту меру, которая диктуется природой искусства и спецификой русской действительности. Но в главном эту меру он выразил полнее и правильнее кого бы то ни было из других соратников по литературно-художественному делу. Пафос движения в будущее главенствует так или иначе в «Мистерии-буфф», «Про это», «Летающем пролетарии», в поэмах о Ленине, Родине, Революции и себе. В каждом из этих произведений темпы, ритмы и формы движения различны. Они различны и в пределах каждой главы и отдельного образа поэм, соотносясь с правдой предмета и художественным заданием автора. Вся масса движущихся «предметов» схватывается Маяковским на грани перехода от одного состояния в другое. Эти переходы то более замедлены (например, в общеисторической части поэмы о Ленине), то почти молниеносны (заключительная часть той же поэмы, многие главы в поэме «Хорошо!», драма «Баня», поэма «Во весь голос»).

Исключительный интерес для нашей эстетики представляют мысли В. И. Ленина об «исторической мере», развитые в «Детской болезни “левизны” в коммунизме» и направленные своим острием против догматики. В. И. Ленин раскрывает сам механизм возникновения всякого рода «революционных перегибов», всякого рода гиперболических уродств в действительности, являющихся следствием догматической нетерпимости, инерции, сектантства. Здесь мы встречаемся с предупреждением, согласно которому всякую истину, какое угодно общественное начинание, любую форму, средство, прием и т. д., если преувеличить и распространить за пределы исторически необходимого, можно превратить в абсурд, глупость, уродство. «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать “чрезмерной”... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»⁴.

Маяковский был свидетелем и участником больших событий, крутых поворотов истории. Тот «русский опыт», на котором основаны приведенные ленинские положения об исторической «мере», заставлял поэта внимательнее всматриваться в ход общественной жизни. В конечном счете дело сводилось к тому, чтобы, с одной стороны, подчинить свои духовные силы «конкретному анализу конкретной ситуации», не боясь при этом самых высоких и смелых абстракций, без которых в искусстве (как и в науке) нет истины конкретного. С другой стороны, и это, может быть, самое главное, все творческие силы, всю энергию художественного воображения нужно было сосредоточить на решении

¹ А. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М., «Художественная литература», 1967, стр. 497.

² См.: М. Горький. «Об искусстве», «О том, как я учился писать», «Советская литература», «О социалистическом реализме» и др.

³ Т. Павлов. Избранные произведения. Т. 4. М., «Иностранная литература», 1963, стр. 301.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

кардинальных общественно-политических и культурных задач, диктуемых закономерным развитием исторической практики в революционной России 20-х годов на ее пути от России нэповской к России социалистической.

4

Основанные на фактах объективной действительности гиперболы Маяковского вместе с тем в высшей степени субъективны. Величественное и низменное, прекрасное и безобразное, трагическое и комическое возводятся, разводятся и низводятся поэтической гиперболой до такой степени, когда, войдя в художественный образ, они становятся одновременно и «выше» и «ниже» действительности.

Прежде всего прекрасное, безобразное и т. д. в самой жизни «выше» своего художественного изображения уже потому, что существует в объективной реальности, обладает независимым от литературы бытием и оказывает влияние на общественную жизнь помимо авторской воли. В этом смысле эстетическое в жизни всегда «сильнее» эстетического в искусстве. Подчеркивая эту мысль, поэт в самых преувеличенных портретах, в галерее образов врагов молодой республики, разделанных гиперболой, казалось бы, до предела отвратности, заставляет ту же самую художественную гиперболу расписаться в своем бессилии: «Не очень ли портрет выглядит подленько? Пожалуй, но все же не подлей подлинника» (5, 128).

С другой стороны, заостренный художественный образ «выше» своего прототипа, поскольку в нем с помощью гиперболы поэт схватывает положительные или отрицательные возможности, тенденции или, говоря по-щедрински, «готовности» жизни, причем в самой первой точке их возникновения и обнаружения, на грани перехода их в новую меру.

Нельзя полагать, что гипербола – это всегда и всего лишь чисто «количественное» преувеличение, не выходящее за пределы данного явления и осуществляемое в плоскости одного качества. Конечно, такого рода гиперболы простого наращивания существуют в литературе¹. Есть они и у Маяковского. Однако в художественной практике Маяковского гипербола количества очень часто на определенном рубеже переводит изображаемое явление из одного качества в другое, в качественно иной эстетический ряд. Например, пока «Подлиза» в одноименной сатире поэта демонстрирует обычные приемы «нежного обхождения», он, собственно, среди ему подобных ничем особенным не отличается. Но когда мы узнаем далее, что наш герой сначала лижет начальственную «руку», а затем «лижет в пояс, лижет ниже» (9, 360) и в результате сам пробивается в «столпы», то, согласитесь, – это уже явление иного эстетического плана, отличающееся от первого не только по своей степени, но и по качеству.

Поэзия действительности не может отказывать гиперболе в «уловлении» и «обдумывании» положительных и отрицательных явлений движущейся современности, в передаче каких-то внешне похожих, опознаваемых и вместе с тем существенно важных, перспективных черт изображаемых фактов. Именно о такой роли гиперболы говорит Маяковский в своих статьях, выступлениях, стихотворных декларациях («Разговор с фининспектором», «Мрачное о юмористах» и др.).

Но это поэзия действия, причем действия в предельно напряженном, быстро меняющемся мире, и она под угрозой собственной гибели не может останавливаться на ступени созерцания и раздумья. Гипербола здесь сражается, воюет, и в своей воинственности сама подчас становится «гиперболической», уподобляется страшному чудовищу, гигантскому дракону:

Припаси
на зубе яд,
в километр
жало вызмей
против всех,
кто зря сидят
на труде,
на коммунизме! (10, 23).

Наряду с изобразительной и познавательной гипербола выполняет также действительную функцию. Она возбуждает эмоциональную и мыслительную энергию читателя-слушателя, ставит его волю на грань «физического действия», прямо зовет к самоотверженному поступку, вовлекает в борьбу «за или против».

Очевидна действительная роль гиперболы в темах большой политики века, но такова же эта роль у Маяковского и в самых малых темах бытовой злобы дня. Через провод гиперболы политика входит в быт, а быт в политику. Проследим это только на одном, самом заурядном примере. Замечание поэта по очень частному поводу организационных «чужачеств» на одном из собраний: «Это... совершенно недопустимая вещь, которая... приняла уродливые, прямо юмористические оттенки» (12, 276). Подобные фактические «вещи» и служили Маяковскому для поэтических «вещей» – сотен сатир, таких

¹ Д. Николаев. Смех – оружие сатиры. М., «Искусство», 1962, стр. 161.

как «Про госторг и кошку...» и в еще большей степени таких уже отнюдь не фельетонных, как «Прозаседавшиеся», «Бумажные ужасы», «Помпадур», «Служака», «Трус», «Подлиза» и пр.

В приведенных словах Маяковский-сатирик сказался и как личность с определенной гражданской позицией, и как поэт со своей эстетической программой. В самом деле: здесь сама собой ощутима объективная основа гиперболы (бесспорная «вещь»), и необходимость «субъективного» вмешательства каждого («недопустимая»), причем – неперменного («совершенно»), и связь между безобразным («уродливая») и комическим («юмористическая»). Однако последние два качества с поверхностной точки зрения не заметны, и ситуация поначалу кажется обычной, «нормальной». Заметной в своей правде она становится лишь с помощью «преувеличения», при котором гипербола обозначает не только «уродливость», но и превращение его в «юмористику». Гипербола как раз и придает данному событию «прямо юмористические оттенки», юмористические с точки зрения новой должной нормы.

Гипербола выполняет здесь, как видим, сложную работу. Она и «хулит», и «обсмеивает», и дразнит, злит упомянутую «вещь», и сердит, и веселит зрителей – разных и в разной мере. Соотношение между сердитостью и весельем, их мера диктуется потребностями практики борьбы в данной конкретной ситуации, а не абстракцией «правды» или «идеала» вообще. Очернить или залакировать факт, запугать или рассмешить читателя вообще невозможно. Потому что читателя и зрителя «вообще» нет, а есть всегда конкретный читатель – грамотный или отсталый рабочий, сочувствующий или озлобленный интеллигент, студент из непиманских сынков или «пролетарских дочек», партер, заполненный частично победоносиковыми, частично выбившимися в басы скрипкиными, частично рабочими парнями из общежития. Такая пестрота «потребителя» искусства для 20-х годов явление обычное. Все можно было сделать из этой публики, если задаться высокой целью («для чего?») делать свое дело умело и честно («как?») и знать, что в данной ситуации следует говорить «по мандату долга и зову сердца».

Гипербола помогала уловить и рассмотреть объективный комизм в самом мелком факте, приувеличить его до видимых всеми размеров, вызвать у «массового читателя» ту меру идейно-эстетического отношения к другим и себе, которая заставляла думать о возможности перерастания такого «мелкого единичного факта» в массовое и большое явление, звала не допустить реального перерастания «вещи» в громадное зло. Гипербола способствовала тому, чтобы при всей своей мелкости данная «вещь» была еще более «измельчена», уменьшена в действительности. Она «травила, чистила, била, драла, в три кнута» избранную «дрянь» до тех пор, пока не появлялась надежда, что какой-нибудь толк выйдет. Значит, она работала на будущее в настоящем.

Однако толк обещался заметный не сразу, а лишь в отдаленном будущем. И лишь в том случае, если ни на минуту не ослаблять сдерживающих усилий. Если же дать волю бюрократам, то и от будущего ничего доброго не жди. В финале «Бумажных ужасов» рисуется такая картина: «люди на жительство влезут в портфели, а бумаги наши квартиры займут». Завладевшая всем миром заважничавшая бумага усядется за столом, будет пить чай, а «человечек под столом валяться скомканным» (8, 13). Если ж так, то даешь еще одно единственное заседание относительно «искоренения *всех* заседаний!» Сослать бумаги на северный полюс! Возненавидеть их хуже, чем Врангеля и – неудобно сказать – послать их «ко всем чертям с матерями». Нелепое, гиперболичное, издевательское предложение, высказанное в самых бесцеремонных выражениях.

Сатира «Прозаседавшиеся» (1922) вся построена на гиперболах. Здесь и количественное преувеличение «бумажных дел» («обдают дождем», «отобрав с полсотни», «в день заседаний на двадцать»), и нагнетание бессмыслицы в модных для того времени сложносокращенных названиях учреждений (от «глав-ком-полит-просвета» до «абвгдежезкома»), и явно «увеликаненная» глупость затеваемого объединения «Тео и Гукона», «покупки склянки чернил Губкооперативом», и наконец доведение заседательской суетни до абсурда, до «разорванности человеков», вызвавшей психологическую гиперболу – «от страшной картины свихнулся разум» (4, 8).

Новый антинародный «комбюрократизм» атакуется гиперболами Маяковского со всех сторон и в разных его направлениях. Причем «героем» этой сатиры оказывается тот, кто в недавнем прошлом нередко выступал действительно героем, но теперь по инерции обратил свой революционный пыл на «игру во власть», оторвался от запросов времени и попал в глупое положение. «Шел в комнату – попал в другую». Нарушение меры прогресса не могло остаться безнаказанным. Диалектика истории была такова, что недавняя героика революции, поскольку она в новых условиях слишком преувеличивалась, становилась комической нелепостью, грозила обернуться большой бедой. Поэтическая гипербола Маяковского выступала против нежелательных гипербол самой жизни.

Прочитав сатиру Маяковского, В. И. Ленин говорил: «...давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей, и надо сказать, что положение это очень глупое, которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы – до бесконечности». В. И. Ленин ассоциирует такое

«деятельное безделье» с российской обломовщиной и продолжает: «...старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий. Мы не подражали никому из тех, кто слово “революция” пишет с большой буквы... Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно – этому мы, революционеры, должны научиться»¹.

Как видим, гипербола у Маяковского совсем не является «чистой формой» или со стороны притянутым «средством», «приемом», «конструкцией». Она не накладывается извне на данное содержание, не служит простой структурной схемой, под которую подгоняются факты и мысли. Напротив. Она вырастает из объективного соотношения явлений изображаемой действительности, из повышенных эмоциональных реакций поэта, обусловленных его идейно-эстетической платформой. Гипербола как «путь», способ, «прием» начинается от гипертрофии самого предмета и составляет метод его раскрытия, оказывается результатом живого отношения поэта к событиям эпохи, его видения и оценки действительности.

Вместе с тем, это не только принцип видения, но и характер показа, свойство образного мира произведения, его художественного строя, его поэтики и стилистики. Проникая собою метод поэта, гипербола осуществляется в образном строе произведения благодаря возможностям композиции и языка. Если взять обычно трехчастную структуру сатир Маяковского, то в каждой из «частей» – описательной, сюжетно-драматической и лирически-призывной – гипербола выступает в разных формах и выполняет разные задачи. В первой – при изображении обстановки, портрета, свойств персонажей – она назначена раскрыть и усилить в их облике безобразие и комизм, вызвать отвращение к воспроизводимым типам. Во втором, сюжетном, слое гипербола должна обнаружить максимальные готовности зла в действии и тем самым вызвать в читателе чувство опасности, тревоги, накалить возмущение. В заключительной, лирико-агитационной части сатиры гипербола завершает только что проделанную работу: проведя читателя через соответствующую лестницу чувств, она должна мобилизовать его, воззвать к борьбе и дать концентрированный лозунг этой борьбы.

Таким образом, гипербола у Маяковского – это форма самого содержания, форма художественной идеи, нацеленная форма. Ее главная функция состоит в том, чтобы «схватить, обдумать и крупно подать» социально-психологическую сущность обличаемого явления, резко и определенно оценить его с позиции коммунистического идеала и в конце концов вызвать в читателе такую повышенную эмоциональную реакцию, которая побуждала бы волю к революционному действию.

5

Гиперболы «Бани» и «Во весь голос» обращены по самому высокому адресу. Неотделимые от образа времени, они участвуют в его конструировании, высказывают это время и помогают ему.

Чтобы достойно оценить масштаб сатирического замысла Маяковского в драме и степень драматизма его последней лирической поэмы, необходимо помнить, что именно Маяковский в поэмах о Ленине и «Хорошо!» явился художником-первооткрывателем величия и красоты новой, советской государственности, партии, разумного и организующего начала социалистической действительности.

Неверно было бы преуменьшать роль гиперболы утверждения в ленинской, непосредственно гражданской теме у Маяковского. История открыла перед нашим поэтом ту возможность, которой была лишена вся русская литература XIX века, – утвердить, воспеть в высшей степени положительную роль русской государственности.

В XVIII веке о «славе россов» громогласно, по словам Гоголя, было заявлено поэзией Державина. В данном отношении проводимая нашей критикой параллель Маяковский – Державин вполне оправданна. Оба поэта отправляются от величия современности; их сближает своеобразная «государственная» эстетика – пафос общего дела, преобразовательной роли огромного организованного целого; их роднит облик лирического героя, ощущающего себя частицей этого огромного общественного целого и вместе с тем удерживающего в своем сознании мельчайшие детали интимного быта; им свойственна ораторская интонация, смешение стилей, громоздкая инструментовка и, наконец, беспримерный гиперболизм².

В этом плане, скажем еще раз, данное сопоставление правомерно. С той, однако, поправкой, что Державин был свидетелем начала заката величия «россов», а Маяковский выступает на заре этого величия, тогда, когда потенции новой общественной формы раскрылись еще не вполне и, обещая расцвет в будущем, требовали гигантских усилий для своего утверждения в настоящем. Гипербола помогала поэту выявить реальные возможности нового, поддержать обещания времени.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 13–14.

² См.: В. Тимофеева. Язык поэта и время. М.-Л., «Наука», 1926, стр. 302; В. Кожин. Маяковский и русская литература. – В кн.: Маяковский и проблемы новаторства. М., «Наука», 1965, стр. 26.

Во многом гиперболичны образы вождя и партии в поэме «Владимир Ильич Ленин». Партия сравнивается с ураганом, Ленин уподобляется гигантской скале, омываемой океанскими волнами народных надежд; «Он в череде сотней губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора» (6, 283). Поэт переносит себя в далекие грядущие дни осуществленной мечты:

И оттуда,
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
десяти тысячелетий
к векам коммуны
сияющий перевал (6, 280).

Иногда полагают, что в подобных случаях поэт просто имеет в виду грандиозные, «масштабные» явления, и мысль о величии, бессмертии ленинского подвига не заключает в себе ровным счетом ничего гиперболического. Может быть так. Но ведь перед нами не отвлеченная «мысль» сама по себе, а художественный образ, «картина», обращенная к нашему чувственному восприятию и воплощенная в слове, в определенной языковой структуре. Язык поэзии не есть пассивный «материал»; он является живой плотью самой поэзии, «поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова»¹. И не видеть в этом образном звене поэтической гиперболы, значит, обходить художественную, специфику проявления упомянутой «масштабной мысли».

Масштабность и гиперболизм изображения находятся в сложных соотношениях. Их нельзя отождествлять, но нельзя и отрывать друг от друга, что не всегда учитывается в критике. В одной из статей читаем: гиперболизм, свойственный поэме о вожде, определен не только характером личности поэта, но и масштабностью эпохи. «Сам образ Ленина, размах его деятельности, дух эпохи – столь грандиозны, что они диктовали поэту свои измерения. (Он тут же в поэме признавал: «Мала календарная мера...»). Их масштабность была близка Маяковскому, соответствовала его натуре. Он перевел в план поэтического видения ту масштабность, которая существовала в реальной жизни»².

Возражая против приведенной мысли С. Трегуба, А. Метченко резонно заметил, что масштабное изображение грандиозного явления и гиперболизм – вещи разные. «Когда образ точно передает масштаб реального явления, как бы ни был он грандиозен, то надо говорить о чем-то другом, а не о гиперболизме»³.

Каково же все-таки отношение поэта к гиперболизму в период написания поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924)? Создается впечатление, что А. Метченко недооценивает роль художественного преувеличения в образном строе поэмы. Иначе исследователь не упрекал бы С. Трегуба в «умолчании» о тех строках поэта, где говорится об «ограничении» гиперболы. В ответе Маяковского А. Воронскому по поводу поэмы о вожде, считает исследователь, также следует усмотреть осуждение поэтической гиперболы.

Однако прямое обращение к упоминаемым здесь источникам не подтверждает правоту А. Метченко. В выступлении на I Всесоюзной конференции пролетарских писателей (9 января 1925 г.) Маяковский говорил: «Когда я читал Воронскому свою поэму о Ленине, то он подчеркнул, что мало мест, где сквозит мое “личное”. “Вас, – говорил он, – мало, вы не дали нам нового Ленина”. Я ему ответил, что нам и старый Ленин достаточно ценен, чтобы не прибегать к гиперболам, чтобы на эту тему не фантазировать о каких-то новых вещах» (12, 268).

Из приведенного высказывания совершенно ясно, что слова о «гиперболах» и «фантазировании», отвергаемые в данном случае Маяковским, свидетельствуют о стремлении поэта к исторической правде. Они употреблены не в ряду терминов поэтики, не в смысле способов поэтического изображения, как полагает А. Метченко, а в просторечно-бытовом плане, где они обычно означают искажение истины. Это, повторяю, защита исторической правды, а не дискредитация тех или иных поэтических средств, ибо поэт понимал (и в поэме показал), что истина жизни, правда истории может выражаться на разных художественных путях и различными средствами образного письма.

Если бы это было не так, если бы гиперболизм поэта шел по «затухающей кривой», то Маяковский не мог бы через год после приведенных слов в статье «Как делать стихи» (1926) причислить гиперболу и фантастику к «наиболее применяемым мною в последнее время» способам делания образа (12, 110). И когда в 1927 году, работая над «Хорошо!», поэт говорит об «ограничении» гиперболы, то

¹ А. Потебня. Полн. собр. соч., т. 1. Мысль и язык. Одесса, 1922, стр. 170.

² С. Трегуб. Живой с живыми. М., «Советский писатель», 1949, стр. 93.

³ А. Метченко. Творчество В. Маяковского 1917–1924 гг. М., «Советский писатель», 1954, стр. 629.

и тогда он не противопоставляет ее правде и идеалу поэзии. Иначе ее нужно было не «ограничивать», а просто отбросить. Но мог ли Маяковский пойти на это, особенно в своей сатире?

Утверждающая тема, естественно, главенствует в поэме о вожде. Но здесь же во вступительной части отчетливо намечена та побочная контрастная «антитема», которая в качестве основной будет развернута в «Бане». Имея в виду эту «антитему», сатиру Маяковского справедливо называют «сатирой предвидения, пророчествующей сатирой» (В. Перцов), хотя с не меньшим правом ее можно называть сатирой предостережения, самоотверженной «разведкой боем» и в этом смысле – «героической сатирой»... Вот ее заявка:

Если б
был он
царствен и божествен,
Я б
от ярости
себя не поберег,
Я бы
стал бы
в переборе шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б нашел
слова
проклятья громоустого,
и, пока
растоптан я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
долгой! (6, 238).

Уже здесь гипербола ненависти обращена против гиперболы пока еще во многом гипотетического культа личности как высшей, наиболее опасной формы бюрократизма.

Главное в творческом облике Маяковского, как говорилось, в свое время определил А. Луначарский. Ему принадлежат ставшие с тех пор формулой слова – «Маяковский – поэт революции», ее величия, ее диалектики, ее гуманизма. Подстать своей эпохе, он весь грандиозен: грандиозен размах его творчества, грандиозен масштаб его чувства любви к людям и ненависти к врагам. Отсюда и соединение в его книгах напряженной героики, удивительной нежности и яростной сатиры. Маяковский – это «жизнь в одном из ее предельных проявлений»¹.

Революция в понимании Маяковского не сводится к одноактному политическому «взрыву». Она лишь начинается Октябрьским днем и представляет собой сложный драматический процесс ускоренного обновления мира, трудный радостный марш в «коммунистическое далеко», время многократных прорывов в будущее. Революция призвана ускорить время, и сама она – нескончаемое ускорение времени.

Вопрос о скоростях истории, о быстротечности бытия всегда был для Маяковского одним из самых больных и животрепещущих. Поэта никогда и ни в чем настоящее не устраивает вполне, им движет жажда приближения будущего, того огромного блистающего будущего, в котором нашлось бы место для счастья – личного и общего – и ему, живому, большому человеку и поэту, и его близкому другу, и всем людям труда. Именно с проблемой времени связан в «Бане» основной конфликт. Конфликт возникает с изобретением «машины времени», пьеса завершается «маршем времени» и прорывом в будущее.

Сатирический план «Бани» – это непримиримая антитеза всем тем жизненным ценностям, которые защищал Маяковский на протяжении всего творческого пути, и прежде всего – антитеза новой государственности, советской власти и партии, воспетым в поэмах о Ленине, родине и революции. В драме воплощена гротескная парадоксальная ситуация. «Главное управление по согласованию» вместо того, чтобы помогать ускорению революционных процессов народной жизни, оказывается главным тормозом движения вперед. Более того – и в этом также сказывается гипербола Маяковского – победоносиковщина угрожает «взрывом», разрушением результатов трудовых изобретательских

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 2. М., «Художественная литература», 1964, стр. 478.

усилий рабочих, Чудакова, его товарищей, угрожает не только настоящему, но и смертоносна для будущего... Согласитесь, что более остро, гиперболы конфликта в советской драматургии вообще быть не может.

Каково же решение конфликта? Маяковский отдает его на суд времени, на усмотрение истории. Никаких сугубо конкретных способов борьбы он не предлагает. Победоносикова сметет само время, его переедет «колесо истории». Неверно было бы считать изображенных здесь положительных героев «персональными» победителями Главначпуса. Чудаков, Велосипедкин, Ночкин, рабочие Двойкин и Тройкин – все это для бюрократа победоносиковского масштаба «мелкая сошка», противники легко повергаемые. Каждому из них Главначпус способен «испортить жизнь» так же, как он портит ее Поле, Ундертон, другим «близким». И Фосфорическая женщина, посланница будущего, совсем не всемогущий «бог из машины», она тоже бессильна «свергнуть» зарвавшегося помпадура... Только совокупные усилия народа – трудовой энтузиазм масс, умноженный на общественную активность, воплощенные в символическом образе «Машины времени», кладут конец историческому парадоксу. К всеобщей борьбе против главных зол, к всенародному героизму зовет эта «сатирическая драма с цирком и фейерверком».

В финале «Бани» устами Фосфорической женщины Маяковский говорит о тех высших нетленных человеческих ценностях, которые определяют основу прогресса и приближают будущее – «радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечности» (11, 345). «Радость работать» и «жажда жертвовать» здесь поставлены рядом! И что бы ни писалось о «преодолении» поэтом «жертвенных мотивов», Маяковский был человеком своей эпохи, своей национальной стихии, «работником» русской революции, в силу чего «жажда жертвовать» на всем протяжении творческого пути в той или иной форме у него неотделима от понятия о героическом подвиге. Конечно, идея самопожертвования, как она утверждается в поэме «Во весь голос» или в «Разговоре с фининспектором», гораздо богаче, социальнее, чем в «Войне и мире», но это не освобождает ее ни от подвижнического содержания, ни от своей гиперболы самоутверждения и самоотрицания.

Перечитывая «Во весь голос», всякий раз поражаешься тому гигантизму человеческих забот и дел, тому невероятно тяжкому грузу времени, который самоотверженно взвалил на свои плечи поэт. Каким же великим должен быть запас душевных сил самого поэта, чтобы выдерживать, не надорваться, не утратить «радость работать». Вспомним, в «Разговоре с фининспектором» он называл себя «должником вселенной, платящим на горе проценты и пеню». В поэме «Хорошо!», став в один ряд с теми, «кто вышел строить и мечь», он уверенно заявлял: «Я пол-отечества мог бы снести, а пол – отстроить, умыв». Теперь, в последней поэме, подводятся итоги всем прошлым начинаниям.

«Во весь голос» совмещает в себе два плана – сугубо очерковый и мифологический. Тот и другой вызывают впечатление трудности и воинственности самого разговора поэта с громадой времени, простертого от античных рабских веков до веков свободы, «коммунистического далеко». По существу – это «разговор с вечностью». Снова, как в «Кемп Нит-Гедайге», «прямо перед мордой пролетает вечность, бесконечночасый распустила хвост». Только такой фон оказывается соразмерным, чтобы – теперь уже в последний раз – себе и другим представить объем труда и сражений своей рабочей и воюющей Музы. «Поэмы замерли, к жерлу прижав жерло нацеленных зияющих заглавий». Фантастика...

А в будничном плане все как будто очень просто: поэт пришел на диспут или на лекцию о его творчестве. Пришел, бесцеремонно прервал профессора и заговорил о себе, обращаясь к самой близкой, родственной ему, молодежной, студенческой, гудящей, как растревоженный улей, аудитории. Поэт говорит громко, требовательно, властно. И он имеет на то внутреннее право, ибо тем, кто перед ним, он отдал всего себя... Но когда это происходит? Опять-таки в неопределенно далеком будущем. Снова фантастика...

Лестница гипербол Маяковского ведет в будущее и там, в далеком-далеке, обещает поэту много долгожданных и неожиданных встреч. С Державиным, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Блоком, Горьким. И Есениным. Ведь последний огню не исключен Маяковским из поэтического Пантеона в мире «мастерских человеческих воскрешений». Песенная мелодия есенинского «привитязя» и громоыхивающие на ухабах десятилетий поэтические войска Маяковского тянутся в желанное «далеко» разными путями. Но туда же, наверное, идут лучи поэтического света от всех лучших произведений, созданных другими современниками Маяковского в советской литературе 20-х годов. Эти произведения навсегда останутся нашей гордостью, ибо они защищают гуманистические ценности революции, представляют художественную культуру нашего общества, свидетельствуют о жизненном эстетическом богатстве коммунистической поэзии.

Объективной основой гипербол Маяковского является необыкновенное величие и столь же беспримерная динамика его эпохи. Нельзя не учитывать здесь и ту особую остроту всемирно-исторических конфликтов, которую они приобретали в национальных условиях России, испытывающей на себе давление и европейского Запада, и азиатского Востока. Живая связь Маяковского с главными

поведения Маяковского, человека и поэта, в котором, по словам Луначарского, запечатлена жизнь «в одном из ее предельных проявлений».

В стихах Маяковского тьма повелений, приказов, указов, предписаний, инструкций, директив, просьб, отношений, служебных заявлений, писем, запросов, обращений, деловых свиданий, встреч – явных или тайных, собраний, конференций, обсуждений и снова – посланий, приказов, повелений... Ничего подобного ни у кого из поэтов ни до, ни после в таком числе и в таком энергично-требовательном, личном, «яческом» духе не было. Повелений и просьб, разосланных по самым интимным и широким, могущественным адресам: «Товарищу Правительству», потомкам, Татьяне Яковлевой, Стройтрестам и Ведомствам по распределению мест и квартир в Москве, поэтам всех времен, дипломатам – враждебным и дружественным, министрам и лордам, президентам США и Франции, любимой Молчанова, Госплану, фининспекторам, чиновникам, помпадурам, рабочим Курска и Кузнецка, наконец – самому себе. Это последнее обращение всего более неотложно и категорично: «Во весь голос» и «Неоконченное». Здесь выражена последняя воля. От себя поэт требует полной самоотдачи, но у ЦКК Будущего он ничего не просит: молча стоит и ждет, повелительно подняв «все сто томов своих партийных книжек». Даже здесь не удержался от гиперболы, ведь **ста** томов все-таки нет...

Странная судьба гипербол Маяковского. Подчас их называли чуть ли не гениальными, и уж наверняка самыми талантливыми, злейшие враги поэта, те самые, против которых эти гиперболы невольно направлялись. Называли, разумеется, совсем не из уважения к ним, а только для того, чтобы использовать их авторитет для сведения поэтических счетов со своими идейными противниками.

В то же самое время истинные единомышленники Маяковского опасливо оговаривают его влиятельную стилевую манеру. М. Горький упрекнул докладчика о поэзии на съезде в 1934 году не за то, что тот принизил роль поэта, объявив его прошлым поэтическим днем, а за то, что в докладе не был отмечен якобы «вредный гиперболизм» Маяковского. Конечно, гиперболы сами по себе были здесь не при чем. И они могли не беспокоиться о своей судьбе, поскольку о ней заботилась сама действительность, становясь все более фантастической.

Один из видных исследователей В. Маяковского в недавно опубликованной статье приводит богатейший материал, неопровержимо свидетельствующий о глубоком внутреннем родстве творчества двух основоположников советской литературы – В. Маяковского и М. Горького. Затрагивается здесь также вопрос о формах и функциях художественного «преувеличения» у М. Горького и «гиперболизации» у В. Маяковского. Из их сближения делается вывод, касающийся широких возможностей реалистического метода¹.

Однако все богатство фактов и наблюдений, приведенных исследователем, свидетельствует скорее о мировоззренческой, идейной близости двух названных художников, нежели о сходстве их поэтики, собственно художественных принципов. По крайней мере в 20-е годы.

Можно ли говорить о реализме гипербол Маяковского? В смысле исторической правды – да. Но в собственно художественном отношении – вряд ли. По своей предметной наполненности, разнообразию содержания и форм гиперболы Маяковского не знают границ. И не хотят их знать, ибо сам творческий метод поэта вместе с его жанровой системой располагается в границах между точнейшей очерковой фактографией и самым высоким мифологизмом.

¹ В. Перцов. О двух художниках (Горький и Маяковский). – «Знамя», 1968, № 5. К сожалению, мы не сможем сейчас остановиться на подробном рассмотрении этой содержательной работы, поскольку к моменту ее опубликования данная статья была уже закончена и сдана в печать.

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 363–368
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 363–368
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-363-368>

Персоналии
УДК 811.161.1.+929Кадькалова

Личность в науке: Эмилия Петровна Кадькалова. К 90-летию профессора

Т. В. Веселкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Веселкова Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kyznecova.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5546-7893>

Аннотация. В статье выделяются основные вехи жизни и деятельности Э. П. Кадькаловой, видного российского ученого саратовской лингвистической научной школы. Освещаются характерные черты Э. П. Кадькаловой как исследователя и человека, основополагающие черты ее научной методологии.

Ключевые слова: Э. П. Кадькалова, научная школа, словообразование, научная методология, анализ текста

Для цитирования: *Веселкова Т. В. Личность в науке: Эмилия Петровна Кадькалова. К 90-летию профессора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 363–368. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-363-368>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Personalia

Personality in science: Emilia Petrovna Kadkalova. On the 90th anniversary of the professor

T. V. Veselkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana V. Veselkova, kyznecova.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5546-7893>

Abstract. The article highlights the main milestones of the life and work of E. P. Kadkalova, a prominent Russian of the Saratov linguistic scientific school. The characteristic features of E. P. Kadkalova as a researcher and a person, the fundamental features of her methodology are highlighted.

Keywords: E. P. Kadkalova, scientific school, word formation, scientific methodology, text analysis

For citation: *Veselkova T. V. Personality in science: Emilia Petrovna Kadkalova. On the 90th anniversary of the professor. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 363–368 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-363-368>*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В науке в целом и российской науке в частности всегда были и остаются, несмотря на сложные времена, личности, люди, способные совершить научные прорывы, успешно руководить научными школами и коллективами. В научных поисках, научно-педагогической и общественной деятельности Эмилия Петровна Кадькалова, на наш взгляд, является образцовым человеком. 16 июля 2021 г. исполнилось 90 лет со дня ее рождения.

Изучая научно-методическое наследие Э. П. Кадькаловой, можно с уверенностью сказать, что собственный стиль работы ученого основывается на внутренней цельности личности, без которой не может быть творчества в науке. Деятельность ученого зависит от разных взаи-

мосвязанных факторов, от его места в обществе, в научном коллективе, от условий, выпадающих на его долю, от того, как его деятельность складывается на протяжении профессионального пути. Значимость личности Э. П. Кадькаловой и уважение со стороны учеников и коллег обусловили неподдельный интерес к ее научному наследию, что отражено в ряде научных публикаций: «Эмилия Петровна Кадькалова была талантливым лингвистом. Она обладала способностью проникнуть в самую суть наблюдаемого явления, познать его во всех деталях и увидеть то, что ранее казалось незаметным»¹. В предисловии к своей монографии «Предложение и слово. Проблема их соотношения в лингвофило-софском плане» профессор Василий Семенович

Юрченко подчеркнул: «...многолетнее творческое общение с Эмилией Петровной, глубоко и тонко мыслящим лингвистом, было постоянно действующим фактором, стимулировавшим мои научные поиски и размышления»². Ее аспирант Татьяна Николаевна Александрова также с благодарностью вспоминает: «Эмилия Петровна была по-настоящему страстным учёным, с безграничной любовью к языку, и эта страсть буквально заражала и вдохновляла. Она обладала удивительной способностью переходить от частных наблюдений в языке к глубоким философским обобщениям, повторяя: “А что есть кроме Языка? Язык – это Всё, и Всё в Языке”. Занимаясь теоретическими исследованиями, она не просто решала очередную научную задачу, а погружалась в некую тайну и буквально увлекала за собой. Со свойственным ей чутьём она умела объять огромное языковое поле и увидеть на нём белые пятна»³.

Юрий Григорьевич Кадькалов опубликовал воспоминания «Так мы жили»⁴, в которых очень подробно описаны основные вехи жизни и деятельности Эмили Петровны. Мы остановимся на тех, которые во многом определили ее характер и отношение к жизни и делу. Эмилия Петровна Кадькалова родилась в г. Днепрпетровске. Когда ей было около десяти лет, началась Великая Отечественная война. Так как немцы уже в начале войны подошли к Днепрпетровску, ее семье пришлось спастись от фашистской оккупации, после долгих переездов остались в Казахстане, Кзыл-Ординской области, там Эмилия Петровна пошла в четвертый класс, окончила учебный год с похвальной грамотой. В 1949 г. окончила с золотой медалью среднюю школу № 54 г. Алматы и получила рекомендацию для поступления без экзаменов в МГИМО или в МГУ, но в связи с материальными трудностями и болезнью матери не смогла уехать в Москву и поступила в Казахский госуниверситет им. С. М. Кирова. Весной 1954 г. Эмилия Петровна с отличием окончила университет. Как именной стипендиат направлена на кафедру русского языка Кзыл-Ординского пединститута им. Н. В. Гоголя, где и преподавала до 1973 г. Преодолев немало трудностей, чтобы осуществить свою мечту – заняться научно-исследовательской деятельностью, в 1965 году она поступила в годичную очную аспирантуру МГУ им. В. В. Ломоносова при легендарной кафедре русского языка филологического факультета, которую возглавлял академик В. В. Виноградов. Научным руководителем был известный ученый Н. М. Шанский. В 1967 г. Эмилия Петровна защитила в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Границы и соотношение словообразовательных типов профессиональных и оценочных глаголов с суффиксами -ить, -ничать, -ствовать в русском языке». Это оказало определенное влияние на дальнейшее формирование ее научной методологии.

Научная деятельность оказалась жизненным призванием. Большая часть жизни и научная деятельность Э. П. Кадькаловой была связана с Саратовом, здесь она с 1973 г. преподавала в Саратовском государственном педагогическом институте им. К. А. Федина, а с 1997 г. была профессором Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Пройдя научную школу МГУ, Эмилия Петровна вела активную исследовательскую работу. Круг ее научных интересов очень широк: автор более 130 научных публикаций, среди которых 9 книг – монографий, учебных пособий. Ее труды посвящены проблемам фонетики, морфологии, синтаксиса, стилистики, анализа художественного текста, теории языка, лингвистической историографии, методики преподавания русского языка в вузе и в школе. Широта научных интересов, масштабность и актуальность исследований, преемственность и новаторство, свойственные саратовской филологической научной школе, в полной мере проявились в научной деятельности Э. П. Кадькаловой.

Основные научные интересы ученого связаны были со словообразованием. В трудах Эмили Петровны сформулированы и обоснованы важные теоретико-методологические положения, которые легли в основу многих современных исследований в области словообразования. В цикле статей о лексическом значении производных слов: «Лексические значения производных слов»⁵, «Лексические значения производных слов: статья вторая»⁶, «Семантика как фактор развития словообразовательных структур»⁷ – Эмилия Петровна показала, что знание семантики произво-

дающего слова, как правило, не является ключом к определению значения производного, так как русские производные слова – такие же идиомы, как и слова непроизводные, но соотношения формы и значения в непроизводных словах всегда уникальным, а в производных оно может быть и уникальным, и регулярным, характеризующим целую группу слов. Выявила сложные и многообразные семантические соотношения производных и производящих слов. В ее концепции лексическое значение производного слова зависит не только от того, каким производящим значением устанавливается связь, но в равной (если не в большей) степени также и от того, во имя какого нового смысла и в каком экспрессивном «настрое» она устанавливается, так сказать, на какую семантико-экспрессивную плоскость проецируется исходное лексическое значение. Мотивирующее значение производящего слова, прежде чем войти в слово производное, подвергается влиянию того словообразовательного значения, которое новое производное слово призвано материализовать, и той части речи, в которую оно должно войти. Это объясняет семантические «капризы» мотивированных значений производных слов.

В современной теории словообразования выделяется когнитивное направление, которое дает возможность исследовать те явления, которые не поддаются описанию и объяснению прежними методами, указывает пути преодоления ранее не решенных проблем. Эмилия Петровна, изучая законы словопроизводства, правила словообразовательной грамматики, была уверена в том, что новое направление в теории словообразования позволяет переосмыслить и уточнить понятие словообразовательного типа, увидеть «перспективность перехода от классификации словообразовательных типов, базирующихся на частеречной принадлежности мотиваторов, к классификации, исходящей из понятийной (когнитивной) их отнесенности»⁸. Проблема эта очень важная и очень сложная, так как процессы словопроизводства непосредственно не наблюдаемы. Решение же этой задачи помогло бы лингвистике перейти от дериватологии мотивационной (описательной) к дериватологии генеративной (объяснительной), что представляет собой новый, более высокий уровень изучения словообразовательной системы.

На основе исследования функционально-соотношения контактирующих словообразовательных типов в пределах определенного номинативного поля (в данном случае поля агентивных глаголов), в рамках отдельных словообразовательных категорий Эмилия Петровна обосновывает положительный ответ на вопрос о возможности познания законов словопроизводства. Изучая конкретный материал, она приходит к важным теоретическим выводам о том, что изучение способов отображения одно-

типного содержания производных слов разных словообразовательных типов способствует дальнейшей разработке проблем семантического описания языка⁹.

Занимаясь исследованием русского словообразования, Эмилия Петровна смогла уточнить ряд дискуссионных вопросов, связанных с проблемой соотношения понятий «словообразовательная производность» и «словообразовательная мотивированность», в монографии «Выход в теорию словообразования»¹⁰. В ней представлено становление, осмысление и переосмысление этих понятий в лингвистике, важные теоретические положения: «...для осуществления систематического исследования в языке законов словообразования явно недостаточна та классификация производных слов (первая в русистике и на сегодняшний день единственная), которая представлена в академических грамматиках современного русского языка. Нужна классификация, основанная на учете значительно большего набора определяющих признаков производящих и производных единиц»¹¹. Научный поиск этой направленности, несомненно, заслуживает специального внимания. В работах учеников¹² Эмилии Петровны доказана справедливость утверждения ученого о том, что по мере накопления сведений о масштабах вариативности содержательной организации производных слов (мотивированных идиом) все более очевидным становится сложный характер зависимости «словообразовательный тип – лексический (лексико-семантический) тип производных», но высокая степень регулярности предметно-логической организации лексического значения производных семантически близких словообразовательных типов также очевидна. И нельзя не согласиться с Э. П. Кадькаловой: «Целенаправленный выход на такого рода анализ должен стать одной из основных задач дериватологии XXI века. Фактически он будет анализом не только производных слов, но и словарного состава языка в целом под углом зрения словообразования»¹³. Э. П. Кадькаловой как ученому было свойственно не просто детально анализировать явление, но и обязательно найти объяснение ему в ряду других явлений. Системный и глубокий взгляд на объект изучения – основополагающие черты ее научной методологии.

Свою увлеченность исследованием законов словообразования Эмилия Петровна смогла передать многим коллегам и ученикам, поэтому результатами многогранной деятельности Э. П. Кадькаловой стали не только ее научные труды, но и большая школа учеников, тех, кто с благодарностью слушал ее лекции, занимался в аспирантском семинаре, писал под ее руководством научные работы – от курсовых до диссертаций¹⁴. Большинство из них, по примеру своего научного руководителя, занимались и продолжают заниматься словообразованием¹⁵. Книги Эми-

лии Петровны, ее участие в коллективных монографиях, статьи, выступления на конференциях, открытые лекции сохранили для нас и следующих за нами лингвистов ее видение теории русского словообразования.

Достигнув успехов в отечественной лингвистической науке, заслуженно обретя общественный авторитет, пройдя через многие жизненные испытания, Эмилия Петровна сохранила верность своим идеалам, оставалась в высшей степени скромным, искренним, открытым человеком. Ее трепетная забота о старшем поколении сотрудников кафедры, добрые советы и поддержка начинающим преподавателям, дружеское отношение к людям неизменно находили у них благодарный отклик, навсегда сохраняясь в сердцах. Эмилия Петровна обладала уникальными человеческими качествами – пытливым и глубоким умом, искренностью, умением сочувствовать и сопереживать, тонким чувством юмора, широтой и многосторонностью интересов; мало кто знает о том, что она писала стихи. Общение с нашим преподавателем никогда не ограничивалось только формальными рамками, в каждом разговоре, конечно, в ущерб своему свободному времени, она находила место и науке, и более приземленным житейским вопросам, всегда давала нужный совет. Мы много раз ощущали магию слов Эмилии Петровны, после бесед с ней загорались глаза, вырастали крылья, хотелось свернуть горы лингвистической науки, работать отлично и ничем не огорчать преподавателя.

Эмилия Петровна с радостью делилась знаниями в разных областях филологии и огромным опытом исследовательской и преподавательской деятельности с вузовскими преподавателями, школьными учителями, всеми, кто интересовался филологией. Многие годы она сотрудничала с Институтом повышения квалификации учителей, в лицее № 62 г. Саратова создала филологический специализированный двухгодичный класс (10–11 кл.), где вела спецкурс по языкознанию. Учителя этого лицея и преподаватели Саратовского государственного педагогического института им. К. А. Федина отмечали превосходный результат этой работы, так как на филологический факультет ежегодно поступали 8–10 хорошо подготовленных выпускников этого класса. Так проявляется, несомненно, одна из многих граней деятельности Э. П. Кадькаловой – подвижник образования. Она жила в этом мире, писала о нем, изменяла его, это по большому счету – миссия.

В исследовательской работе Эмилия Петровна всегда связывала найденные факты с методикой обучения школьников и студентов: «Одной из особенностей учебного пособия является стремление автора постоянно соотносить излагаемый материал с содержанием школьных учебников. В этих целях даётся сопоставительный анализ (по темам) почти всех действующих

школьных учебников (их перечень дан в библиографическом списке)»¹⁶, – пишет она в предисловии к одному из своих пособий.

Стиль Э. П. Кадькаловой проявляется в написании учебных пособий для учащихся и студентов, в которых очень просто, как в личной беседе, рассказывается о сложных понятиях разных разделов курсов «Современный русский язык» и «Общее языкознание». В учебных пособиях, посвященных лингвистическому анализу текста, мы находим образцы анализа художественных текстов (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. И. Цветаевой и др.), которые пронизаны тонкостью наблюдений. Приведем пример, который дает возможность услышать голос учёного, прикоснуться к его мастерству: «Вы все знаете повесть А. С. Пушкина “Станционный смотритель” из цикла “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”. Это одна из лучших прозаических миниатюр в русской и мировой литературе... прочитайте отрывок из этой повести. Речь в нём идёт о тревожном прозрении Самсона Вырина... Обратите внимание на виды глаголов в этом отрывке. Казалось бы, какой образности можно ждать от различий глаголов по виду?... в цитированном отрывке из повести А. С. Пушкина различие глаголов по виду несёт в себе нечто значительно большее, чем различные грамматические. Обычная семантика видовых форм здесь осложняется ощущением напряжённости, доносимым до читателя глаголами совершенного вида и ощущением неторопливой повседневности, исходящим от глаголов несовершенного вида. Первые сосредоточены в описании состояния и действий Самсона Вырина: беспокойство овладело им, не утерпел, пошёл, увидел, поспешно вошёл, решился спросить. Вторые описывают действия прихожан и служителей церкви: народ расходился, священник выходил из алтаря, дьячок гасил свечи, старушки молились ещё... Драма одного осталась не замеченной вечным, как мир, бытом...»¹⁷. Эмилия Петровна и на занятиях учила внимательному, проникновенному чтению художественных произведений, побуждала искать самостоятельно такие примеры, которые показывают, что в языке поэтическом явным становятся даже потенциальные смыслы практического языка.

Характерным для стиля учебно-методических работ Эмилии Петровны было то, что важное место в них отведено цитированию научных работ, бесспорно развивающему осознанному интерес к научной литературе. Таким образом автор развивает у обучающихся профессиональное понимание сложных путей формирования научных знаний.

Неповторимый стиль изложения материала проявляется в названии учебного пособия для студентов-филологов «Глубины языковых реалий на экране русского Слова. От звука к фонеме, графеме и орфограмме», опубликованного в

2011 г. В нем на доступном понимаю студентов материале рассматривается комплекс важнейших дискуссионных проблем: лингвистический статус и познавательная информативность Слова, принципы организации звуко-буквенной формы русского Слова, перспективы углубления соответствующего аспекта знаний на основе внимания к сущности Слова, к многообразию вербальных типов и их речевых модификаций. Основной задачей пособия автор считает «не введение новых научных понятий и иллюстраций, а активизацию внимания к диалектическому единению всего сущего в языке, в данном случае к взаимовлиянию и взаимопониманию существенно разных по устройству и назначению лингвистических подсистем – фонографической и словарной»¹⁸. В данном учебном пособии излагаются перспективы изучения звуко-буквенной формы слова, несомненно значимые для современной лингвистики, так как в современной науке нет однозначного ответа на вопрос: исчерпываются ли законы произношения звуков в словах критериями, превалирующими в «позиционной фонетике». Эмилия Петровна учит замечать зависимость звуковой формы Слова от стиля и жанра речи, от морфемного строения и словообразовательной парадигмы слова, от степени акцентирования неполнозначных и местоименных слов в речевых ситуациях. В качестве иллюстрации приводит семантику и фонетическую оформленность слова *брат* в произведении И. С. Тургенева «Нищий»: «Почему “усмехнулся” нищий? Чем отличается, по вашему мнению, произношение и значение слова *брат* в речи лирического героя и в речи нищего? Что “понял” лирический герой? На мой взгляд, вся коллизия сводится к постепенному “укрупнению” звучания и значения слова *брат* – от неполнозначной относительной энклитики к существительному в роли обращения и к существительному в роли дополнения»¹⁹.

Уникальный стиль ученого Э. П. Кадькаловой проявляется в постоянном поиске новых путей преподавания лингвистических дисциплин. В конце 90-х гг. она разработала новую вузовскую программу углубляющего, уровневого построения курса «Современный русский язык». Программа опубликована в сборнике материалов Международной научной конференции «Предложение и слово» в 1999 г.²⁰ Эмилия Петровна разработала и вела авторский курс «Научные основы школьного учебника русского языка». Данный курс принадлежит к тем учебным дисциплинам, которые существующими стандартами не предусмотрены в качестве обязательных, соответственно, по этому курсу нет стандартных программ и учебников. По мнению Эмилии Петровны, парадоксальность сложившегося положения состоит в том, что проблема теоретического оснащения школьного учебника принадлежит к числу наиболее трудных научно-методических

проблем, тогда как трудности умения профессионально грамотно воспринять содержание, мотивы и практический резонанс отборочной работы автора как будто бы и не существует. В действительности профессионально грамотно прочитать школьный учебник (особенно в наши дни, когда в школах одновременно используются учебники разных авторов и нередко с неодинаковыми взглядами на одно и то же явление) – это немалое искусство. Ему надо обучать.

Эмилия Петровна Кадькалова ушла из жизни 26 апреля 2015 г. Память о светлой и красивой женщине, прекрасном человеке, замечательном педагоге и ученом продолжает храниться преподавателями Саратовского государственного университета, с ее научными достижениями знакомят новые поколения студентов, аспирантов, молодых ученых, о чем свидетельствует VI Международный научный семинар «Развитие лексической и словообразовательной системы русского языка» (Саратов, СГУ, октябрь 2016 г.), который был посвящен памяти этого талантливого исследователя. Эмилия Петровна была идейным вдохновителем данного семинара, ее научные работы имели первостепенное значение в определении направления деятельности семинара. Память о наставнике хранят и учителя, 23 июля 2018 г. в Государственном автономном учреждении дополнительного профессионального образования «Саратовский областной институт развития образования» проводилась региональная олимпиада учителей русского языка и литературы памяти Э. П. Кадькаловой.

Примечания

- 1 Эмилия Петровна Кадькалова (1931–2015) // Русский язык в школе. 2015. № 7. С. 89–90.
- 2 Юрченко В. Предложение и слово : Проблема их соотношения в лингвофилософском плане. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1997. С. 2.
- 3 Александрова Т. Актуализация скрытых участников концептуальной структуры исходного слова в процессе деривации // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : материалы VI Междунар. науч. семинара, посвященного памяти профессора Э. П. Кадькаловой (Саратов, 27–28 октября 2016 г.). Саратов : Амирит, 2016. С. 35.
- 4 См.: Кадькалов Ю. Так мы жили. Воспоминания. Саратов : ООО «Буква», 2013.
- 5 См.: Кадькалова Э. Лексические значения производных слов // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 86–91.
- 6 См.: Кадькалова Э. Лексические значения производных слов : статья вторая // Предложение и слово : парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. С. 56–69.
- 7 См.: Кадькалова Э. Семантика как фактор развития словообразовательных структур // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции : материалы Вессоюз.

- науч. конф. (Ужгород, 23–25 октября 1991 г.). М. ; Ужгород : Изд-во Ужгород. нац. ун-та, 1991. С. 152–153.
- ⁸ Кадькалова Э. К изучению законов словопроизводства : Агентивные глаголы в русском языке. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 30.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Кадькалова Э. Выход в теорию словообразования : к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов : ООО «Буква», 2015.
- ¹¹ Там же. С. 326.
- ¹² См.: Веселкова Т. О перспективности сопоставительного изучения близких и тождественных по семантике словообразовательных структур // Русский язык и литература в образовательном процессе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. : О. Ю. Авдеевнина, Е. А. Елина, В. В. Девяткина. Саратов : Лахнев Ю. В. (ИД «МарК»), 2016. С. 15–20.
- ¹³ Кадькалова Э. Выход в теорию словообразования : к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. С. 319.
- ¹⁴ См.: Кузнецова Т. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур (на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление / приобретение признака») : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
- ¹⁵ См.: Веселкова Т. Перспективные пути перехода от дериватологии описательной к дериватологии объяснительной // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018 [Электронный ресурс] : сб. тр. Междунар. науч. конф. (Москва, 23–24 ноября 2018 г.). М. : ИИУ МГОУ, 2018. С. 80–84. (1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см).
- ¹⁶ Кадькалова Э. Начальный курс науки о языке. Современный русский язык. Текст. Предложение. Слово. Саратов : Амирит, 2015. С. 4.
- ¹⁷ Кадькалова Э., Кадькалов Ю. Начальный курс науки о языке. Кн. 1 : Общее языкознание. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратов : Научная книга, 2004. С. 122–123.
- ¹⁸ Кадькалова Э. Глубины языковых реалий на экране русского Слова. От звука к фонеме, графеме, орфограмме : учеб. пособие для студентов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 72.
- ²⁰ См.: Кадькалова Э. «Современный русский язык» : В поисках оптимального варианта программы курса // Предложение и слово : докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / отв. ред. О. В. Мякшева. Саратов : Изд-во. Саратов. пед. ин-та, 1999. С. 317–327.

Поступила в редакцию 14.03.2021, после рецензирования 04.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 14.03.2021, revised 04.05.2021, accepted 12.05.2021